E-71
901

Д. И. ЭВАРНИЦКІЙ.

ДВѢ ПОѢЗДКИ ВЪ ЗАПОРОЖСКУЮ СѢЧЬ ЯЦЕНКА-ЗЕЛЕНСКАГО,

МОНАХА ПОЛТАВСКАГО МОНАСТЫРЯ

ВЪ 1750—1751 Г.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.
Типографія К. А. Андрущенко. Стародворянская, 5. Телеф. № 14—17.
1915.

Въ Екатеринославѣ, въ музеѣ имени А. Н. Поля продаются нижеслѣдующія сочиненія Д. И. Эварницкаго.

Исторія запорожскихъ козаковъ, томъ I, II, III, съ 22 рисунками; цѣна 12 руб.

Запорожье въ остаткахъ старины, въ двухъ томахъ, съ 75 рисунками; цѣна 6 руб.

Вольности запорожскихъ козаковъ съ тремя планами; цѣна 2 р. 50 к.

Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ съ рисунками; цѣна 1 р. 50 к.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ; цѣна 1 р. 50 к.

Число и порядокъ Сѣчей съ топографическимъ очеркомъ; цѣна 75 к.

Островъ Хортица на рѣкѣ Днѣпрѣ, ниже пороговъ; цѣна 40 к.

Послѣдній кошевой атаманъ П. И. Калнишевскій; цѣна 40 к.

Переправа черезъ Днѣпровскіе пороги; цѣна 30 коп.

Архивные матеріалы для исторіи козаковъ; цѣна 30 коп.

Археологическія раскопки кургановъ; цѣна 30 коп.

Публичныя лекціи по археологіи Россіи; цѣна 80 коп.

По слѣдамъ запорожцевъ; цѣна 1 р. 50 к.

Путеводитель по Средней Азіи; цѣна 1 руб. 20 коп.

Исторія села Садовой-Фалѣевки не продается.

Источники для исторіи запорожскихъ козаковъ, томъ I, II; цѣна 6 руб.

Гетманъ П. К. Сагайдачный; цѣна 50 коп.

Раскопка кургановъ въ предѣлахъ Екатеринославской губ.; цѣна 80 коп.

Як жило славне низове запоріжське військо; цѣна 30 коп.

Планы части рѣки Днѣпра 1779 и 1780 г.г.; цѣна 50 коп.

Карты Украйны и Запорожья и планы р. Днѣпра; цѣна 50 к.

Запорожская старина; цѣна 50 коп.

Раскопка кургановъ въ Херсонской губерніи, Херсонскаго и Александрійскаго уѣздовъ; цѣна 40 коп.

Извлеченіе изъ отчета Д. И. Эварницкаго о раскопкахъ, произведенныхъ имъ лѣтомъ 1897 г. близъ села Михайлово-Апостолова, Херсонской губерніи и уѣзда; цѣна 30 коп.

Альбомъ украинской старины, рисунки Васильковскаго и Самокиша, текстъ Д. И. Эварницкаго; цѣна 8 руб. 50 коп.

71—
901

Д. И. ЭВАРНИЦКІЙ.

Двѣ поѣздки въ запорожскую Сѣчь

ЯЦЕНКА-ЗЕЛЕНСКАГО,

монаха Полтавскаго монастыря,
въ 1750—1751 г.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.
Типографія К. А. Андрущенко. Стародворянская, 5. Тел. 14—17.
1915.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 26519 1994 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Монахъ Леонидъ или Леонтій, въ мірѣ Лука, Яценко-Зеленскій, родился въ 1726 году, въ с. Мачихахъ, Полтавской губерніи. Отецъ его, Степанъ Яковлевичъ, носилъ фамилію Яценко и былъ малороссійско-козацкаго рода; мать Дарья Васильевна, по прадѣду именовалась Зеленской, по дѣду Яновской, была польскаго рода. Поэтому самъ Лука Степановичъ сперва назывался Яценкомъ, а потомъ сталъ именоваться и подписываться Зеленскимъ. Дѣтскіе годы онъ провелъ въ с. Пушкаровкѣ, въ 4 верстахъ отъ г. Полтавы, и въ Пушкаровкѣ же началъ учиться грамотѣ у какого-то пана Яна Орловскаго. Но вскорѣ, однако, „по принужденію престарѣлыхъ родителей“, долженъ былъ оставить книжку и взять въ руки ножницы, иглу и наперстокъ и заняться портняжествомъ. Помимо портняжества онъ въ это же время занимается искусствомъ вырѣзыванія по дереву, а въ свободное время предается игрѣ на бандурѣ.

Въ той же Пушкаровкѣ, гдѣ жилъ Лука Яценко, находился, „дѣвичьимъ зовомый“, монастырь, а въ монастырѣ между другими монахинями жила въ то время, по несчастію въ ссылкѣ, еще по 9 году постриженная въ иноческій чинъ, монахиня Евпраксія Бородаевшна, молодая, красивая, „во всемъ порядочная“, прекрасная пѣвица (на клиросѣ), „почти филозофка“, обладавшая большою библіотекою, состоящею сколько изъ церковныхъ, столько же и изъ книгъ собственныхъ, кои „не всѣ были монашескія“.

„Бандура—тотъ самый инструментъ, на которомъ я изрѣдка игривалъ передъ дѣвичьимъ монастыремъ, доставилъ мнѣ душеполезный случай, вмѣсто тѣлесополезнаго, познакомиться съ вышеупомянутою монахинею". Такое знакомство привело молодого человѣка къ тому, что онъ на 18 году жизни покинулъ свое ремесло, оставилъ бандуру и взялся „обѣручь" за библіотеку монахини Евпраксіи, и та библіотека часто была „за его ключомъ по хозяйкѣ". „Глупый народъ, видя очима зависти, что я часто посѣщаю мою, къ общему нашему добру, наставницу чернецкой премудрости, не замѣшкался всклепать на наши преподобія непреподобную и не къ чести нашей относящуюся небылицу, чего никогда не было, изключая одну любовь духовную".

Посѣщая монахиню Евпраксію, Лука Яценко въ томъ же монастырѣ познакомился съ юною, чистою и добросердечною дѣвицею, Феклой Дмитріевной, съ которой „не одинъ годъ жилъ точно, какъ духовный братъ съ духовною сестрою". Духотелесолюбезная моя сестрица убѣждала меня неоднократнымъ прошеніемъ, дабы я съ собой и ее увелъ, или увезъ заграницу съ намѣреніемъ постричься въ монашескій чинъ въ какомъ нибудь изъ дѣвичьихъ монастырей, съ условіемъ однакожъ, чтобы и я остался монахомъ въ мужскомъ монастырѣ, не въ далекомъ разстояніи находящемся отъ дѣвичьяго".

Но мечты Феклы Дмитріевны были разбиты въ прахъ, такъ какъ ее, почти рехнувшуюся ума, насильно выдали за бунчукового товарища, пана В., котораго она по его смерть не могла терпѣть. „Замужество моей духовной сестры отворило мнѣ входъ въ Полтавскій монастырь (въ 1748, въ игументство Ѳеофана Желтовецкаго или Желтовскаго), въ кой нехотя приняли меня во искушеніе (на искусъ), дабы тѣмъ приготовить меня же къ монашеству, котораго

я едва дождался въ три года и гдѣ? Въ монастырской канцеляріи".

Черезъ три года послѣ вступленія въ Полтавскій Крестовоздвиженскій монастырь, Лука Яценко былъ постриженъ въ рясофорные монахи съ именемъ Леонида, черезъ нѣкоторое время былъ рукоположенъ во іеродіаконы и сдѣланъ былъ мантійнымъ монахомъ съ именемъ Леонтія.

Обладая прекраснымъ голосомъ, первымъ теноромъ, и исполняя въ тоже время различныя послушанія, Леонтій служилъ перводіакономъ въ томъ же Полтавскомъ монастырѣ въ теченіе девяти лѣтъ и въ это время отправлялся въ различныя поѣздки съ порученіями отъ монастыря—два раза въ запорожскую Сѣчь въ 1750 и 1751 году „за подаяніями", одинъ разъ въ Троицкую Сергіеву лавру; въ 1763 г., уже въ санѣ іеромонаха, по обѣщанію, отправился на поклоненіе св. мѣстамъ на Аѳонѣ, въ Синаѣ, въ Іерусалимѣ.

Возвращаясь обратно изъ путешествія, іеромонахъ Леонтій остановился въ Константинополѣ, при россійскомъ посольствѣ, и тамъ, за болѣзнью русскаго іеромонаха Пахомія, нѣсколько времени исполнялъ обязанности пастыря.

Въ 1766 году іеромонахъ Леонтій былъ утвержденъ настоятелемъ посольской церкви въ томъ же Константинополѣ, послѣ чего два раза, во время русско-турецкихъ войнъ, при императрицѣ Екатеринѣ II, выѣзжалъ изъ столицы Турціи въ столицу Россіи, при чемъ въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ въ Петербургъ онъ былъ пожалованъ въ 1788 году саномъ архимандрита и дорогимъ крестомъ, съ чѣмъ и возвратился вновь въ Константинополь.

Находясь въ столицѣ Турціи, архимандритъ Леонтій не порвалъ связей съ роднымъ ему Полтавскимъ монастыремъ и велъ дѣятельную переписку

съ однимъ изъ своихъ старыхъ друзей, полтавскимъ іеромонахомъ Мартиніаномъ, приглашавшимъ его, въ виду преклонныхъ лѣтъ и слабаго здоровья, возвратиться на родину и тамъ окончить дни своей жизни. Но архимандритъ Леонтій, даже и по выходѣ на покой въ 1799 году, все же предпочиталъ оставаться въ тепломъ, заманчивомъ и вольномъ Царьградѣ.

Вращаясь постоянно между людьми умными и образованными русскаго и иностраннаго происхожденія, архимандритъ Леонтій усвоилъ въ совершенствѣ, теоретически и практически, языки—французскій, итальянскій, греческій и турецкій, лично перечиталъ на усвоенныхъ имъ языкахъ много сочиненій различныхъ авторовъ; вступалъ въ бесѣды съ лицами православной и инославныхъ вѣръ, велъ полемику о различіи вѣроисповѣданій, переводилъ разныя духовно-назидательныя сочиненія съ греческаго языка на русскій и, наконецъ, въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія, подъ вліяніемъ чтенія появившагося въ то время сочиненія Василія Григоровича Барскаго о путешествіи по святымъ мѣстамъ востока, задумалъ собрать во-едино разрозненные „лоскутки“ своихъ путешествій по святымъ мѣстамъ и составить изъ нихъ одно цѣлое. Изъ такихъ „лоскутковъ“ въ концѣ концовъ получилось 13 большихъ томовъ, переписанныхъ авторомъ начисто на полныхъ листахъ толстой, сѣраго цвѣта, бумагѣ. Своимъ запискамъ авторъ далъ названіе „Младшаго Григоровича“ и трудился надъ ними до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 1807 году, въ Константинополѣ.

Въ 1828 г. Высочайшимъ повелѣніемъ приказано было всѣ печатныя книги и рукописи, оставшіяся послѣ умершаго въ Константинополѣ архимандрита Леонтія Зеленскаго, препроводить чрезъ Одессу въ С.-Петербургъ и передать ихъ Серафиму, митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому, для хра-

ненія въ библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи. О существованіи литературнаго наслѣдія, оставшагося отъ архимандрита Леонтія Зеленскаго, не было, однако, извѣстно никому изъ ученыхъ русскаго міра до 1910 года, до розысканія кронштадтскаго протоіерея А. П. Попова.

Послѣ розысковъ протоіерея А. П. Попова рукописи архимандрита Леонтія Зеленскаго, „Младшій Григоровичъ", были найдены частію въ библіотекѣ бывшаго Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, теперь 1-го Департамента, въ Петербургѣ, (томы отъ 1-го до 9-го включительно), частію въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Москвѣ (одинъ томъ 13-й). Итого пока розыскано всего десять томовъ; не достаетъ 10-го, 11-го и 12-го томовъ.

Результаты своихъ розысканій о сочиненіяхъ архимандрита Леонтія Зеленскаго протоіерей А. П. Поповъ изложилъ въ напечатанной имъ книгѣ подъ названіемъ „Младшій Григоровичъ, новооткрытый паломникъ по св. мѣстамъ XVIII вѣка", Кронштадтъ, 1811 г.

Въ этомъ трудѣ протоіерей Поповъ приводитъ нѣкоторые отрывки изъ третьяго тома „Младшаго Григоровича" о поѣздкѣ монаха Леонтія въ запорожскую Сѣчь, но приводитъ ихъ не совсѣмъ точно, и главное далеко не полно, лишь за одинъ 1750 годъ.

Свѣдѣнія о двукратной поѣздкѣ монаха Леонтія въ Сѣчь въ 1750 и 1751 г.г. находятся въ третьемъ томѣ „Григоровича Младшаго" (Библіотека Азіатскаго Департамента, 3/24, третья, № инвентаря 484, форматъ J, стр. 149—229, 237—269) и въ четвертомъ томѣ (Библіотека Азіатскаго Департамента, 3/XXXIV, четвертая, № инвентаря 484, форматъ J, стр. 292—294).

Всѣ эти свѣдѣнія чрезвычайно цѣнны и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ единственны, главнымъ образомъ, что касается церковныхъ порядковъ, домашней жизни, нравовъ, суда и казней у запорожцевъ.

Къ недостаткамъ автора нужно отнести досадное многословіе его и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ туманное изложеніе, главнымъ образомъ тамъ, гдѣ авторъ выводитъ лицъ, ведущихъ между собою споръ о различныхъ религіозно-богословскихъ и догматическихъ вопросахъ. Также къ недостаткамъ автора надо отнести и его неудержимую страсть сочинять новыя слова, каковы: любовсегознаніе, глупогеройство, глупомнѣніе, глупокозацкій, живовѣріе, дуротурецкій, великовѣрный, цѣлострогій, дикожитель, сокозакъ, собездушникъ, сопанъ (со-панъ), сохатникъ (со-хата), странноужасный, своечиненіе и другъ.

Поѣздка въ запорожскую Сѣчь въ 1750 году.

Меня смущала немало опасная та дорога, по ней же слѣдовало намъ ѣхать въ царство мнимихъ разбойниковъ; на конецъ я, приведши себѣ на память козацкую сію пословицу: —„голымъ разбой нестрашенъ“ —согласился, признатся зардѣвшись безъ румянъ, занять мѣсто погоняйла великорослой пары вороныхъ коней, кои, сказуютъ, служили въ четвернѣ за Коношевича, бывшого ігумена, скоро послѣ шведщины. Затѣмъ мой избавитель, іеродіяконъ Іоасафъ, получа отъ самаго ігумена рукъ зашнурованую и запечатаную книгу, принялъ изъ казны 2 рубля серебренныхъ денегъ,—благо, что безъ росписки,—и тотъ же почти св. нашъ заика набралъ кой чего съ полати, слѣдователно картавому, и лучше, гаркавому іеромонаху Пафнутію не оставалося чего взымати, кромѣ имени первого между нами жебрака, изъ чимъ мы, поднявшись изъ монастиря, отправились въ предпоказанную намъ дорогу.

Въ дорогѣ, коя казалась опасной, по описанію небывалыхъ на Запорожьѣ лжесвѣдѣтелей, мы находили вездѣ противное несправедливому козацкихъ недоброхотовъ мнѣнію, по чему я вопервыхъ покаялся предъ своею совѣстію въ моей погрѣшности противъ запорозкой люцкости.

Я не стану разширять слова, коего чтеніе конечно бы васъ отяготило, если бъ описать въ подробности козаковъ запорозкихъ нравы, обичаи, особливо добродѣтели, и особливо пороки вездѣ, всегда и во всякомъ родѣ и родѣ въ многомъ качествѣ и въ

немаломъ количествѣ находящіеся; однакъ не могу умолчать о безподобномъ ихъ человѣколюбія странно-пріимствѣ, особливо о чистотѣ рукъ, какъ бы вовсе неспособныхъ къ воровству, по крайней мѣрѣ взаимо образному, какъ то кажется не въ одной землѣ. Сію неспособность я примѣтилъ въ первомъ зѣмовникѣ переѣхавъ Московку долину (1), отъ куду начинается Великимъ Лугомъ зовомій лѣсъ (2), по обѣимъ сторонамъ Днѣпра протянувшійся до неболшой рѣчки и урочища Томаковки (3).

Вышеименованный мой наставникъ, бывъ заражонъ слухомъ о нравахъ запорозкихъ козаковъ, ворами отъ воровъ почитаемыхъ, еще въ монастирѣ наставилъ меня, какъ беречь свой, хотя и ничего незначущій, скарбъ отъ мнимихъ тѣхъ разбойниковъ, коихъ долго грабили до верхнихъ и сподних не имѣющая наша братія, въ томъ числѣ и Кіевософѣйского монастиря старцы соборные.

Въ слѣдствіе полезного нашей бѣдности наставленія, я, въѣхавши въ перво попавшійся намъ зѣмовникъ (4), засилу послушанія, не отступалъ ни на шагъ почти отъ пустой своей повозки, что примѣтя хазяинъ первого нашего ночлѣга, приступилъ ко мнѣ по ближе и громко, улибнувшись, позапорозку говоритъ: „А чого ты боисся, молодый попе, що нейдешъ до куреня (такъ зовутъ запорозци свои хати). Чи не думаешъ хиба не знати поколишнему, що бъ чого мы не взяли изъ вашого воза и не положили бъ на свѣй? Що коли я вѣдгадавъ, то ты плюнь чортовѣ въ одно око, а тому дурневѣ въ другее, а хочь и въ обидвѣ тимъ, хто насъ зове злодѣями, що бъ вони имъ повылазыли, якъ у сынѣвъ (т. е. чортовыхъ) на лобъ, бо я тобѣ кажу по правдѣ козацкѣй, а ты мѣнѣ повѣрь хочь посвоему, коли хочъ бути добримъ панотцемъ, що хочь бы ваши глабцѣ (5) були насипаныи грѣшми, то хиба до нихъ пріймется сынъ

вражій, якого лишъ бы мы пѣймали въ своѣ руки, то не було бъ іому кривди, бо першій я вѣдламавъ бы іому и руки и ноги, щобъ знавъ сынъ иродѣвъ, що у насъ на Запорожѣ и москалѣ не крадутъ, въ чѣмъ коли ти намъ не вѣришъ, то тобѣ жъ буде и грѣхъ и соромъ".

Я, выслушавъ, съ свойственнымъ моему любовсегознанію вниманіемъ козацкое слово, взялъ было его за свойственную веселчакамъ шутку, а когда увидѣлъ въ другихъ зѣмовникахъ на дѣлѣ столько человѣколюбія отъ хозяевъ, у коихъ мы ночевали, и столько услуги намъ оказанной отъ ихъ работниковъ, то не могъ, имъ благодаря сердечно, надивится тому найпаче, что мы, имѣя въ дорогѣ всѣ возможные выгоди, приѣхали въ Сѣчь благополучно и съ цѣлими двумя рублями, не издержавъ какъ на себя, такъ и на черныхъ же своихъ антиковъ, разумѣется, вороныхъ коней, ни одной копѣйки. Всего человѣколюбивіе намъ казалось то, что отъ самой Московки по самую Сѣчь я ни въ прягалъ, ни роспрягалъ, такъ сказать, чорноветхого своего лубя въ неновое свое лубя, си рѣчь въ глабци, когда вездѣ и всегда человѣколюбивіе мои сокозаки отправляли кучерскую мою должность съ невѣроятною своею проворностію.

Теперь, кажется мнѣ, будетъ не безъ грѣха, если я умолчу, о томъ не упоминая, чего я не видалъ нигдѣ, кромѣ Запорожья, именно, столь безъинтересного и ни къ чему почти, исключая одну вольность, не пристрастного корпуса козаковъ запорозкихъ, которыхъ непосредственную люцкость признавъ цѣлнымъ человѣчествомъ, не утерплю не апробовать христіянской ихъ набожности, греческому старовѣрію, не уступающей, кромѣ одной той разности что хотя и всѣ до единой гречанки, какъ по суботамъ, такъ и по навечеріямъ великихъ съ малыми праздниковъ взжигаютъ кандила-лампади въ домахъ (въ коихъ

посредственной достатокъ не дозволяетъ горѣть не угасаемымъ) и святые иконы кадятъ позапорозкій, т. е. не щадя ни ресного, ни простого ладону, однако жъ грѣки, кои всѣ почти курятъ трупки, за копчуютъ оные табакомъ больше ладону, чего въ запорозкихъ куреняхъ, схожихъ на часовнѣ, нѣтъ, ибо въ оныхъ не можетъ курить ни самъ ясне велможный панъ кошовой атаманъ.

Другая между запорозкою и греческою набожностію разность естъ та, что грекъ (я говорю не о тѣхъ грекахъ, которые смѣсишася во языцѣхъ и пр.) умретъ съ печали, если не удастся ему пойти въ церковъ не только къ обѣднѣ, какъ то у насъ благочествуется по модѣ, но и на вечерю въ каждое воскресеніе и всякого праздничного дня; да и по буднямъ множайшіе греки чаще насъ бываютъ въ церквахъ на заутренѣ, а всѣ безъ изъятія говѣютъ и пріобщаются, даже малые дѣти, въ годъ четири раза, о чемъ запорозцы ни мало не заботятся, безъ великой четиредесятницы, изключая войсковую старшину и другихъ степенныхъ стариковъ, въ Сѣчѣ живущихъ, по Мижигорского монастиря обичаю (6).

Наканунѣ 1-го дня, 1750 году, мы прибыли въ Сѣчь какъ бы нарочно, что бъ позабавится на козацкой щотъ ихного жъ сочиненія оперою, о коей мы хотя уже и слихали, но столько жъ вѣроятного, сколько и о другихъ странныхъ обичаяхъ свѣцкого того монастиря, который издревле положилъ въ себѣ законъ каждого года въ началѣ и о половынѣ постановлять, перемѣнять, или постарому оставлять на панствѣ велможныхъ пановъ кошевого судю, писаря и асаула и невелможныхъ довбиша и пушкаря, вольными голосами въ собраніи почти всей ихной знатности и черни, кое они жъ называютъ радою.

Довольно странный тотъ радовой обичай привлекаетъ въ Сѣчь къ каждому функціону многое мно-

жество порядочныхъ козаковъ, того не менше бурлакъ, которые обикновенно живутъ, особливо зѣмой по зѣмовникамъ зажиточнихъ козаковъ: кто при коровникахъ, кто при пасѣчникахъ, иной при неводничихъ, или простыхъ рыбакахъ, такъ же рибною ловлею упряжнящихся, какъ коровники скотоводствомъ и отъ части хлѣбопашествомъ, по чему ихъ и прозывали тѣжъ самие бурлаки, прямыми козаками лишъ себя почитающіе, коровниковъ-человѣками, т. е. мужиками, неводничихъ-ниткоплутами, а простыхъ рыбаковъ-мокрогузами, не забывая при томъ и другихъ статей, всегда порядочнѣйшихъ отъ не годного того гултяйства козаковъ именами, праздностію выдуманными, шинкарей брагарниками (и бо поихному глупомыслію и шинки называются брагарнями), лавошниковъ щепетинниками, канцелярскихъ служителей и школниковъ шенцѣвенцами, а всѣхъ гуртомъ людми, подъ именемъ людей разумѣя женскій полъ, т. е. бабами.

Можетъ быть, я и ошибаюсь, не уповая, да даже и не думая, что бъ мой Мартиніянъ, зная меня, обвинилъ за то, что не начертилъ карандашемъ планъ здѣсь описуемой запорозкой бывшей (7) столицы, т. е. Сѣчи, въ разсужденіи 1, что я не географъ, 2, что я жъ неживописецъ, да хоть бы я и умѣлъ кое какъ рисовать живыя образа, ихъ же и рѣзать, признатся, не дурно на деревѣ, то не ужели кто можетъ меня заставить дополнять карту, показющую (sic) хотя и не безъ ошибокъ, однакъ весь почти старой и новой евѣтъ, кромѣ славной нашей Полтавы и кромѣ славнаго жъ, но грѣхъ раци угорѣлыхъ къ тому прожекторовъ, отъ бытія въ небытіе пресшедшаго мѣстечка, веселой памяти, Сѣчи запорозкой, столицы, неправилнаго треуголника, дубовыми палями обнесенного, на низкомъ, невеселомъ и весма не здоровомъ мѣстѣ, кое при микается длин-

нѣйшимъ и вострѣйшимъ рогомъ, Матнею зовомимъ, къ Базавлуку, и омывается двума неболшими рѣчками, Павлюкомъ и Подполною.

Въ Сѣчѣ, которая недавно, противъ своей волѣ переодѣлася въ Покровское село, мы нашли больше похожого на Нефорощу, нежели на другой какой монастирь; настоящая церковь деревянная, въ честь святой Покровы посвященна, единственно для того, дабы она покривала удалое тое войско отъ всякаго зла, ему часто случавшагося отъ извѣстныхъ не пріятелей и бываемаго тожъ не за добро; низкая и ростомъ, сверхъ посредственной архитектури, сосновая звонница служитъ первыми и послѣдними воротами реченному полисаднику, стоя надглубокимъ рвомъ; въ нутрѣ деревяной той крѣпости (въ коей не водилося ни ядеръ, ни пороху по тому, что и пушекъ не бывало) построенны, по обѣ стороны церквы, преогромные избы, Нефорощанского монастиря трапезѣ всѣмъ подобныя; пономарня, почитающаяся 39-мъ куренемъ (8), стоитъ, и лучше стояла, не вряду болшихъ тѣхъ избъ, ихъ же называютъ, виноватъ, называли, когда было что называть, куренями по названіямъ малоросійскихъ городовъ и украинскихъ же мѣстечекъ, какъ то: полтавскимъ, переясловскимъ, батуринскимъ, корсунскимъ, ирклѣевскимъ, уманскимъ, калниболотскимъ, криловскимъ пр.; другіе жъ курени кликались по именамъ основателей того войска, которое было небезполезно намъ служившихъ атамановъ, какъ то: поповичевскій, титаровскій, донскій, кущѣвскій, стеблѣевскій, щербиновскій, деревянковскій, коренѣвскій, кисляковскій, левушковскій, пластуновскій, дядковскій, ивановскій, незамаивскій; послѣдные жъ курени, такъ же мудроно именовавшіеся, какъ и первые. Всякъ имѣлъ своего атамана, котораго въ отсудствіи за ступаетъ мѣсто того жъ куреня кухарь. Сей, первый безъ атамана, и при атаманѣ

послѣдный въ куренѣ членъ, обѣдаетъ, полуднуетъ, подвечеркуетъ и вечеряетъ было всегда, особливо лѣтомъ, въ мѣстѣ съ своимъ атаманомъ, но всегда на ногахъ, не взырая на то, что всѣ козаки, да даже и недоростки, сидятъ за столомъ (кой точно, какъ монастирская трапеза), имѣя мѣсто по старшинству прибытія своего на запорозкое козацтво.

За курѣннымъ столомъ не возметъ мѣста у курѣнного атамана ни самъ велможнѣйшій панъ кошовой атаманъ, для того-то онъ въ своемъ куренѣ ни когда и не обѣдаетъ, дабы тѣмъ не унизытъ дожескаго своего преимущества, какъ дѣлаютъ его войсковіе товарищи, судя и асаулъ, сидя за столомъ у атамана по правую руку. Войсковый писарь всегда живетъ въ своей канцеляріи, такъ же и пономарь въ своей пономарнѣ, гдѣ и кушаютъ за однимъ столомъ съ своими кухарями и со всею своею сѣмьею, и лучше сказать, командою. Школа святой Покровы была внѣ вратъ; уставщикъ въ оной имѣлъ двухлѣтную квартирю, господу по запорозкій; школный атаманъ надъ своею командою, коей набиралось такъ же, какъ и въ канцеляріи, до 50-ти, не много имѣлъ власти, но и ту раздѣлялъ съ нимъ уставщикъ, и столь не пополамъ, что ему только и оставалось одно на правомъ крилосѣ мѣсто, да и то въ небытности въ церквѣ уставщика.

Сѣчевой приходъ издревле при надлежалъ, не извѣстно почему, Мижигорскому монастирю (бывшему не настоящимъ лазаретомъ), изъ коего присилалися въ Сѣчь: одинъ соборной старецъ—началникомъ церковныхъ служителей; два іеромонаха, изъ коихъ первого именовали подначалнимъ, а послѣднего третякомъ; два іеродіякона, коихъ звали первого уставникомъ, а второго безименнымъ дякуномъ, и одинъ простой монахъ для дѣланія на продажъ восковыхъ свѣчь; поваръ и другіе чернецкіе служители на бира-

лись съ козаковъ, и всѣ они жили внѣ крѣпости въ одномъ домѣ, чернецкимъ дворцемъ величаемомъ.

Завидная дикому вкусу чернецкая въ Сѣчи жизнь не живала долѣе своей перемѣны, а перемѣна не бывала ближе двухъ лѣтъ.

Сѣчевого началника духовная должность, отъ подначалнихъ его отличающая, собирать чужіе денги на свой монастирь, при чемъ однако жъ онъ, бывало, и себя не забываетъ въписывая имена живыхъ и мертвыхъ (обидравши) съ означеніемъ сумми въ той же за шнурной книгѣ, по якой и щитаютъ его въ монастирѣ, перемѣня другимъ началникомъ. Въ протчемъ онъ, находясь на маловременномъ своемъ панствѣ, иного не дѣлалъ, какъ лишъ то, что дѣлалъ и его подначалный съ третякомъ, т. е. отправлялъ всю свѣцкаго попа должность. Сѣчевого жъ уставника была должность править правымъ крилосомъ, хотя и свѣцкой церквы, однакъ все по уставу св. Ѳеодора Стѹдита, коего чиноположеніе и еще какъ то поживаетъ въ нашихъ монастиряхъ. Безименнаго дякуна должность—служить въ церквѣ, служа свою череду, такъ же какъ и уставникъ служитъ свою, тамъ же, и такъ же кадить скупого атамана до того, ажъ пока и нескупой сѣромаха, осердясь на дияконское нахалство, самого не отженетъ послѣдней копейки подаяніемъ. Въ пономарнѣ дѣлались для церквы болшіе свѣчи, а малые дѣлалъ свѣчаръ, ихъ же онъ и продавалъ, не слишкомъ поцѣнно чрезвичайной запорозкихъ козаковъ набожности, ради монастиря, съ коимъ онъ хотя и дѣлился, однакъ не думаю, что бъ всегда пополамъ. Что же касалось до церковныхъ казны и рызницы (что все разграблено однако жъ послѣ Калнишового (9) благополучія и прежде егожъ ползы, разумѣется, душевной), то тутъ и самъ отецъ началникъ не имѣлъ дѣла ни за полъ третего подпономарого. И какъ сѣчевой приходъ

управлялся монахами и прихожане были тѣжъ почти монахи, если и не хуже, хоть то одѣвались и не помонашескій живучи, то въ ономъ и съ точностію наблюдался, особливо по постамъ, монастирскій чинъ.

Самъ началникъ держалъ въ священнослуженіи очередь на равнѣ съ подначалными, такъ же, какъ и діяконы держали свою по перемѣнкамъ седмицами. Бечерня бывала всегда раньше обикновенного въ нашихъ монастиряхъ времени; за утреня отпускалась всегда до свѣту; литургія начиналась при всхожденіи солнца. Войсковая старшина, курѣнные атамани и всѣ почти степенные старики не упускали ни одного дня ходить въ церковъ по трожди въ день. Да и самъ велможнѣйшій панъ кошовой атаманъ бывалъ на заутреннѣ чаще нашихъ настоятелей, а какъ прибавить къ сему лѣнивыхъ, либо избалованихъ тѣхъ пастирей, то и выйдетъ правилное препятствіе, кое меншаго вашего брата не пускаетъ началствовать надъ подвижными монахами, а какъ немогущаго или лѣнящагося жить по монашескій. Войсковый писарь, бывъ всегда занять писменными дѣлами, не всегда бывалъ и на литургіи. Войсковый асаулъ, находясь при Кошѣ, что съ нимъ случалося не часто, почиталъ себѣ за козацкой стыдъ, когда оставлялъ въ церквѣ праздно первой свой, съ лѣвой стороны, противъ суддейского, станокъ, особливо на литургіи; да и за утреня не прощала ни кого, когда кто, особливо изъ степенныхъ козаковъ, прогуливалъ ее, кромѣ болѣзни, пянства и другихъ благословныхъ, хотя и не благословенныхъ причинъ, и кромѣ отлучки изъ Коша по опредѣленію собранія, которое называлось сходкою и въ которомъ засѣдали атаманы всѣхъ вышереченныхъ куреней, войсковые старшины, судя и асаулъ, кошовой атаманъ былъ презыдентомъ, а писарь стояномъ, ибо въ сходкѣ онъ не имѣлъ ни стула, ни лавы.

Кошевого атамана, судю, писаря и асаула поставляли вольными голосами забіякъ въ радѣ по вышереченному обичаю. Новоизбранные, хотя и нетрезвымъ своеволіемъ, старшины, однакъ и отъ трезвого не иначе, какъ и отъ похмѣлного войска велможными панами они называются. Пяного, выноватъ, пятого, хотя и не велможного почти пана пономаря избираютъ однако жъ въ сходкѣ и изъ самихъ знатныхъ и апробованного поведенія козаковъ. Сей послѣдный панъ получалъ жалованья изъ тѣхъ 4-хъ тысячь, что корона жаловала на весь корпусъ, наравнѣ со всѣми первовелможными четирма панами, 100 рублей на годъ; вѣце-пономаря жаловалъ въ сотоварищество себѣ самъ панъ велможный пономарь. Желающій быть первымъ по шефѣ пономарского штату, преже всего долженъ выучится снимать, и лучше сщиповать, фитили изъ свѣчь, якіе въ одномъ запорозкомъ св-го Покрова храмѣ горѣли передъ иконами въ иконостасѣ называющимись праздниками и столь высоко, что малорослой подпономарій, стоя, такъ сказать, на ципахъ, едва доставалъ щипцами, длиной сажня въ полтора по меншой мѣрѣ. Нерѣдко случалось, что реченной подпанокъ становился цѣлымъ паномъ пономаремъ, заступя мѣсто своего предмѣстника.

Удивительно, какъ къ толикому преимуществу пономаря сопрягалась толико посредственная должность, ибо онъ (сверхъ не усипного блюденія церковныхъ казны и утварей, чимъ сѣчевая рызница спорила о преимуществѣ съ рызницею Кіевопечерскія лавры) былъ долженъ въ церквѣ передъ діякономъ ходить со свѣчею во время великихъ и малыхъ входовъ, бываемыхъ на вечернѣ и за утренѣ, особливо на литургіи, и каждой ночи будить кошевого атамана къ заутреннѣ не иначе, какъ подпономарій будилъ судю, писаря, асаула и всѣхъ курѣнныхъ отамановъ. Тотъ же подпономарій былъ долженъ мыть бѣлья

церковное и для церквы жъ дѣлать свѣчи, мѣсыть тѣсто и съ оного печь просфиры къ каждому священнослуженію, а для расходу пекли просфирки (ни на что, кромѣ грецкого орѣха, не схожіе шарики) третокласные пономари. На сей послѣдній товаръ въ воскресные и праздничныя дни, особливо по великимъ четыредесятницамъ бывалъ не вѣроятной разходъ, кажется не иначе, какъ оттого, что въ некористолюбивой той землѣ, кромѣ школниковъ и кромѣ доброй полудюжины подпономарихъ, безвыходно живало черныхъ и дикого цвѣту жебраковъ (10), тожъ не вѣроятное множество, которое, цѣлыми сотнями нажебравъ у щедрыхъ пономарей чорного калибру просфирекъ, съ ними таскаются по велможнымъ панамъ, по куренямъ, шинкамъ и другимъ на предмѣстѣ бывшимъ домамъ; и шатаются до того, пока не роспродадутъ изъ лишной набожности святынею отдающого своего товару, признатся не дорого, да все жъ таки жебратство остается въ выиграшѣ, на купивъ его даромъ, ибо сей послѣдный безстыднѣйшій родъ ни чимъ неизгонится съ избы, кромѣ башлика, копейки, тѣмъ же безглазыемъ требуемой за ржаную почти ту лепешку, якую оно не падкому къ предосудителной святынѣ, либо не имѣющему лишней денежки бросить на пропащее, насильно въсунуло въ руку.

Опроче сихъ нищихъ странного роду въ Сѣчѣ, хотя и было малое число прямыхъ, кривыхъ, хромоногихъ и почти безногихъ калѣкъ, но ни кому они не лѣзли въ глаза; напротивъ того, что бродягамъ кололо очи, и лучше такъ сказать, плевало въ глаза, они всѣ, до одного урода, сидѣли въ градскихъ воротахъ съ молчаніемъ, въ ожиданіи отъ доброхотныхъ дателей милостины, якую имъ и давано щедрою рукою набожныхъ, особливо веселыхъ козаковъ; хоть то стояло имъ и весма недешево, когда отъ сихъ, всякаго сожалѣнія достойныхъ людей, требовало пра-

вытелство отправленія самой отвратителной должности: снимать съ высилици повѣшенныхъ, тѣхъ же и погребать на выгонѣ, съ коими они тамъ же при похоронахъ часто мѣнялися на богатое небогатымъ своимъ одѣяніемъ, безъ угризенія совѣсти обезображивали мертвыхъ разбойниковъ, какъ бы хотя тѣмъ дать выразумѣть живымъ, яко всегда лучше просити, нежели однажди умрѣти на висылицѣ. При семъ надлежитъ упомянуть, что въ Сѣчѣ не такъ часто случалось живымъ обдирать мертвыхъ воровъ, развѣ когда бывало убьютъ кого, либо повѣсятъ изъ знатныхъ какого вора, или разбойника, какъ Грицко Писменный-Похилъ, который при моихъ глазахъ повысъ больше за христіянскую совѣсть, не жели за страхъ Коша, который, сказывали, въ третій разъ рѣшался даровать его жизнію, и какъ конеловскій атаманъ Безименный, которого осудили хотя и не задоказанные отъ воровъ взятки, однакъ на той же высилицѣ, на коей, по словамъ знающихъ дѣла, его повѣсила атаманская амбиція, ставъ за одно съ запорозкимъ его глупогеройствомъ противъ все свѣтной не справедливости, которая иногда живала и на Запорожьѣ.

Но я обращаюся, какъ пасхалія на первое, къ прокимену, покинутому на предмѣстѣ Сѣчи, куда, прибывъ мы и не зная, гдѣ съ собой дѣватся, были принужденны необходимостію постучатся въ вороты одного знакомитѣйшаго дому, въ коемъ и просить себѣ послѣдняго притону, т. е. убѣжища. Бывшій кошовой атаманъ, будущій нашъ хозяинъ, панъ Сичь, пустилъ насъ къ себѣ хотя и на одну только ночь, однакъ мы тутъ жили безъ платежа за квартирю пять мѣсяцей ровно.

По старинному обичаю, издревле въ веденному въ Сѣчѣ, мы были должны взять протекцію, си рѣчь причестся къ обществу какого ни будь куреня, и какъ нашъ хозяинъ былъ первой товаришъ мѣнского ли-

товского куреня, то онъ и насъ пожаловалъ въ свои куренные, не взырая на то, что между насъ не было больше одного литвина.

Въ первой день нового нашего въ Сѣчѣ пребыванія и нового 1750-го году мы подолгу нашему ходили въ церковъ на за утренню и были на литургіи, коей при окончаніи самъ панъ пономарь, левушковского куреня пожилой козакъ, Трофимъ Худь, попрозванію, присталому живымъ шкелетамъ, поставилъ, съ приходу передъ церковными дверми, столикъ, покривъ его персидскимъ ковромъ. По отпустѣ церковной службы и того дневного табилнаго молебствія, тогдашній кошовой атаманъ Алексѣй Козелецкій (11), вышедши съ церквы, положилъ на выше по казанномъ столикѣ кошевскую клейноту, или знакъ,— все одно—пѣрначь, поклонился на всѣ три стороны войску, всю площадь покривавшему, ему же и по благодаря за шесто мѣсячное панство, пошелъ съ холоднымъ духомъ въ свой корсунской курень, въ чемъ мѣшать ему ни кто и ни мало не горячился. Слѣдуя бывшему полгода велможнымъ паномъ Козелецкому Алексѣю, тожъ самое учинилъ и бывшій войсковый судя Радко Рябій, по прозванію, присталому не одношерстной коровѣ, прежде положа на томже столикѣ судейскій знакъ, жезлъ или палицу,—все одно, натуралную трость съ престрашнымъ серебреннымъ набалдашникомъ. Сукуръ Олекса, Кривой, писарь войсковой, за сдѣланіемъ того, что сдѣлали бывшіе велможными его со паны, поставывъ на томъ же столѣ свой каламарь съ перомъ, лишъ было хотѣлъ въ шестое благодарить товариству за писарское панство, кое онъ носилъ на себѣ ровно 3 года, какъ его оглошилъ всеобщій почти крикъ странного роду прошеніемъ не выпускать изъ рукъ каламаря, не хотячи лиха его неминуемого, коли онъ не останется писаремъ по прежнему. Четвертой велможный панъ

асаулъ, коего не знаю ни имени, ни прозванія, положа свою насѣку, схожую на палку капралскую, вышелъ изъ рады благополучно. За симъ благополучіемъ зашумѣло вдругъ все войско, какъ бы сильно шумно отъ вина, при всемъ томъ, что въ немъ было или казалось менше пяныхъ, нежели похмѣлныхъ запорожниковъ.

И такъ, перешумя несколько минутъ, молодые, одни лѣтами, другіе умомъ, не взрослые козаки, раздѣлясь на много партій, побѣжали въ свои курени, кто за батькомъ, кто за дядькомъ, иной за сосѣдомъ, другой за голегою, (12), всѣ имѣя одну цель, что бъ быть панского роду. И какъ бы то ни было, не прошло трехъ минутъ, какъ одна веселая толпа притащила къ реченному столику одного староватого незамаивского куреня козака Ивана Кажана, поздравили его велможнымъ паномъ кошевымъ атаманомъ, которого, въ ведши въ церковъ, поставили въ кошевскомъ станку (13), уже увѣнчаного сырномъ, и лучше, усыпанного снѣгомъ, что въ Сѣчѣ почиталось за дипломъ новопроизведенному козаку въ паны сыпать снѣгъ, либо пыль на голову, приизреченіи сего: „Будь здоровъ, батьку, вначалѣ“ и „сырно, сырно“, что значитъ—столъ.

Въ постановленіе (=іи) суди небыло ни чего чрезвичайного, кромѣ, что одного знатного старика Шкуринского Павла, общимъ дядкомъ прозванного за старость, повели было его курѣнные козаки на суддейство, а не курѣнные—егожъ, дядка, племѣнники втоптали въ снѣгъ, на передъ выговоря приведшимъ его шкуринцамъ слѣдующее: „Вы, братця, робите такъ, якъ дурнѣ, коли не знаете и того, що недурнѣ вывозятъ гнѣй издвора, а коли знаете, такъ на що жъ его везете въ двѣръ“?

Весь почти радовой тотъ день я просидѣлъ въ пономарнѣ, отъ куду и видѣлъ все реченное мною,

слѣдственно и то не ушло у меня съ виду какъ курѣнные Шкуринского Павла, въ снѣгу погребенного, поднимали на ноги и какъ въ то самое время многіе изъ степенныхъ козаковъ, особливо курѣнныхъ шкуринского куреня, его сожалѣли, пока онъ не отдохнулъ, поднявшись съ помощію его воскресителей. Но къ нещастію и сіи послѣдные, увидѣвъ старой комедіи его новое явленіе и услышавъ рѣчь того веселого пересмѣшника, который, подошедъ близко къ недавно воскресшему тому полумертвецу, поклонился низко, принося ему обичайное поздравленіе: „Будь здоровъ, батку“, въ началѣ, „зъ сырномъ и снѣгомъ“. Изъ сего всѣ такъ громко и долго смѣялись, что мнѣ было слышно не все, какъ тотъ же Шкуринскій дядко всѣмъ куренямъ, ругая по матери всѣхъ своихъ побочныхъ племѣнниковъ, называлъ то иродовыми, то вражими сынами, а не козаками. На конецъ, обратя рѣчь свою къ тому шалуну, который его поздравывши, трема пригорщами снѣгу бросилъ ему въ глаза и ушолъ: „Щобъ тобѣ, поганскій сыну собачій, хотѣлось такъ дихати, якъ мѣнѣ пановати при старости“!

Оставалось своевольной радѣ избирать четвертого велможного пана, асаула войскового. Козаки четирехъ куреней сосѣдныхъ щербиновскому куреню, подхватя, можетъ быть, и не думавшаго о панствѣ, изъ щербиновского куреня козака, по имени Клима, годнаго понаружности въ войсковые асаули, котораго, тѣжъ невѣгласи, осыпавъ сногъ до головы снѣгомъ, по обичаю въ вели его въ церковъ и поставили въ осаулскомъ станку. За тѣмъ казалось всѣмъ, что щастливо кончилась первая того году рада. Не отгадалъ ни кто однако жъ, какъ то явилось послѣ, когда нашлось въ радѣ не малое число сволочи, якая, будучи не извѣстно за что сердита на весь щербиновской курень, ему жъ въ пѣку, выбрала

другого асаула изъ Матнѣ, Ивана Третяка, криловского куреня атамана, въ вели его въ церковъ, уже вечернѣ начинающейся. Забіяки, увидѣвъ занятое щербиновскимъ Климомъ асаулское мѣсто, столь разьярилися, что ни на что не взырая, сдѣлали изъ дому Божія вертепъ разбойниковъ, прежде разоривъ похвалное на всемъ Запорожьи узаконеніе, до того и по томъ съ точностію наблюдаемое вездѣ, т. е. ни какъ не оскорблять чести ни самого послѣднего старшины, покудова онъ имѣетъ при себѣ почину своему знакъ, его отличающій отъ команды. Но о чемъ тѣ безпамятные забіяки позабывши, въ церквѣ вырвали уже у дѣйствытелнаго и на своемъ мѣстѣ стоящаго пана асаула съ рукъ палку и самаго вытащивъ изъ станки, въ коемъ поставили асауломъ своего Третяка, быка паче, нежели козака. Но и послѣднымъ симъ сумошествіемъ какъ бы довольны не будучи, тутъ же не щастного Клима смертелно поколотили и его жъ не винною кровію обагрили церковный полъ и, во уванчаніе сумазбродства, не перестали кулачитись до сумерку 3-го генваря, начавъ съ 1-го числа выше показанного году. Симъ то безумная чернь столь предосудителнымъ поступкомъ обезобразыла все почти запорожское общество и правителство, обеславывъ едва не передъ цѣлымъ свѣтомъ.

За постыднѣйшимъ окончаніемъ запорозкой элекціи, якая походитъ больше на кулачной бой, нежели на откритой бунтъ, церковного штату началникъ, іеромонахъ Пафнутій, слѣдуя церковнымъ правиламъ, тогда жъ было запечаталъ кровію оскверненную церковъ; но потомъ стояло правителству не посредственного труда, пока не склонило своими правилами, погрозывъ его по прежнему принятся за священнослуженіе.

Въ свитѣ вышеименованного началника находилось два діякона, которыхъ велможные и не вел-

можные панове козаки почитали первого, кой былъ уставщикомъ, за голосъ, второго, кой именовался безименнымъ, за ученого. Про перваго говаривали многіе веселчаки, что яко бы онъ родился басомъ и коимъ, когда читаетъ въ церквѣ, особливо евангеліе, то не треба ходити въ церковъ, ибо его чути и въ куренѣ. А про другого повыряли тѣ жъ забавники, что яко бы онъ потому былъ малаго росту, что весь въ росъ въ переясловскую риторику. И какъ бы они ихъ не называли, собственные ихъ имена, первого Варлаамъ Григоровичь, а втораго Іоаникій Святковскій.

Изъ симъ послѣднимъ не однократно принимался спорить по ученому почти ученой нашъ отецъ Іоасафъ Тихоновичь, который доспорился до того, что ни какъ не признавалъ началничьяго освященія пролитіемъ крови оскверненной церквы за дѣйствителное, какъ нимъ учиненное не поцерковнымъ правиламъ. А какъ ученой нашъ реторъ пролежалъ хотя и въ кіевской академіи, но только три года, то и никогда не былъ въ состояніи опровергать основателные доказателства шестолѣтного ретора, хоть и переясловской семинаріи, когда сей послѣдный тверже держался за требникъ, си рѣчь за обстоятелства, нежели за кормчію.

Вотъ ихъ ученые диспоти. Прочтите, ежели изволите, но какъ можно за келію, и, по выразумѣнію оныя, спрячте въ тотъ шарикъ, что во время оно надосугѣ выточилъ въ забаву своей дьячихѣ барановскій дьякъ Василь, сердытой памяти, рыжій, хотя и токаремъ не будучи.*)

*) Приводя здѣсь „ученые диспуты“ двухъ сѣчевыхъ діаконовъ, издатель имѣлъ въ виду лишь одно—напечатать цѣликомъ все то, что видѣлъ и что слыхалъ Яценко-Зеленскій въ запорожской Сѣчи въ 1750 г. Серьезнаго значенія этимъ спорамъ придавать нельзя, такъ какъ это споръ двухъ недоучекъ тѣхъ туманныхъ схоластическихъ временъ, когда такъ называемые „ученые“ спорили не ради уясненія истины, а ради словопренія, почему и самъ авторъ въ оглавленіи къ III тому своихъ записокъ называетъ весь споръ двухъ сѣчевыхъ діаконовъ „прѣніемъ двухъ мнимоученыхъ“.

Тихоновичъ. Какъ вамъ, отецъ Иоаникій, кажется то, что вашъ началникъ дерзаетъ служить литургію и пр. въ оскверненной кровію убитого почти до смерти человѣка и не освященной церквѣ; что значитъ пренебрегать церковная правила, на вселенскихъ св. соборахъ положенная и презырать власть святытелей, безъ коей, по нашей вѣрѣ, не совершится ни одно таинство

Святковскій. Началникъ нашъ теперъ сдѣлалъ такое дѣло, какого никогда отъ него мы не ожидали и которое дѣлаетъ честь и не этакимъ, какъ онъ, но и словеснѣйшимъ отъ здѣшныхъ овецъ пастирямъ.

Тихоновичъ. А тому, что должно дѣлать, кто не знаетъ, либо зная, не исполняетъ своей должности, особливо духовной?

Святковскій. На сей вопросъ я отвѣчаю тогда, когда ты покажешъ мнѣ того на сѣверѣ, кто съ точностію наблюдаетъ церковная правила, положенная на востоцѣ, гдѣ и въ самое цвѣтущее время нашихъ просвѣтытелей въ вѣрѣ были саміе большіе епархіи не больше настоящихъ нашихъ протопопій, по чему было удобно всякому епископу и всегда посѣщать собой всю свою епархію, особливо церквы.

Тихоновичъ. А наши настоящіе епископи что дѣлаютъ съ своими?

Святковскій. На сіе только я и могу сказать вамъ, совѣтуя, что вы лучше сдѣлаете, буде, оставивъ насъ въ покоѣ и свою спину въ цѣлости, спросите о томъ у пророка Іезекіиля, и онъ вѣрно васъ удоволствуетъ.

Тихоновичъ. О, это я знаю довольно, что онъ отвѣчаетъ не иначе, какъ то жъ самое, что положенно въ новонапечатанной о священствѣ книгѣ, но въ которой, какъ не находится греческое „архи“, чего и въ пророчествѣ Іезекіиля ни гдѣ не видно, то и настоящіи наши архипастири остаются внѣ того, чимъ

пророкъ стращаетъ однихъ бѣлыхъ священниковъ. И такъ я васъ прошу покорно имѣть мя отреченна отъ реченного вопроса, особливо жъ прошу не посилать меня въ ту дорогу, которая завела бъ насъ дале того, о чемъ мы думаемъ.

Святковскій. Какъ далеко! Никакъ мы думаемъ, что переясловскій епископъ прибудетъ въ Сѣчь на второе освященіе, и перве безъ кіевского архіепископа освященной, церквы, нежели мы поѣдемъ отъсюда, и вѣрно поспѣемъ на холодные воды, если не перестанемъ горячится, по церковному судя о настоящей матеріи. И какъ бы мнѣ любо посмотрѣть на ваши мысли о той книгѣ, которая гремитъ громомъ, ужасъ на носящимъ навесъ христіянскій свѣтъ сверхъ прочего и пр. зарыбу; въ томъ числѣ и тѣхъ разытъ анеѳемою (sic), которые разрѣшаютъ по простимъ средамъ съ подобными великой четиредесятницы пятницами безъ полиелея на протухлую китину, которая одною вонью ѣдчайшей своей гнилости можетъ убить, по меншой мѣрѣ по вредить и арапину, преподобнаго грека. На противъ того она въ Камчаткѣ живущимъ служитъ въ мѣсто хлѣба, по не способности климата и грунта земли къ произрастѣніямъ; не говорю про ихъ море, въ коемъ черепка не найдешъ, недовольно черепокожныхъ, о чемъ святой востокъ, по видимому, не много если заботился при положеніи церковныхъ правилъ, могущихъ служить всей вселенной вѣрныхъ спасающимъ кормиломъ.

Тихоновичъ. Я, съ позволенія вашего, отецъ святой, смѣю вамъ доложить о томъ, хоть-то и всякъ учоной христіянинъ знаетъ и безъ насъ, яко церковная правила писалъ, по вашему, востокъ не самъ собою, но по изволенію Святаго Духа, очемъ насъ увѣряютъ седми соборовъ вселенскихъ составители собою святые отцы, изключая восмой, и лучше, первый апостолскій соборъ.

Святковскій. А я и безъ вашего позволенія признаюсь въ томъ, что грѣхъ ради нашихъ я хотя и не таковъ, какъ ты богословъ, однакъ вѣрю, совершенно понимая, что не одни разумные существа, но и безсловесные твари ни гдѣ не существуютъ какъ безъ присущствія, такъ и безъ изволенія на то Святаго духа. Но что бъ вездѣ сущій и вся исполняющій духъ еще до сотворенія земли не зналъ недавно сотворенной карты географической, такъ же какъ и нашей Камчатки не вѣдалъ бы, то того не можетъ ни сказать, ни подумать даже и не учоной дуракъ.

Тихоновичъ. Странные, страшные и во ужасъ меня кидающіе ваши глаголи я нахожу хотя и въ небезосновательномъ положеніи, но при всемъ вашемъ естествословіи, не покину богодухновенной книги кормчіи, гдѣ бы мы съ нею ни обрѣталися.

Святковскій. Не спорю, не покинешъ; какъ не чего будетъ кидать тогда, когда грѣхъ ради нашихъ и безъ насъ почти покинута лучшая та книга, надъ коею новопросвѣщенные невѣгласы взапуски смѣются нащотъ нашихъ просвѣтителей.

Тихоновичъ. Кто отъ чающихъ воскресенія мертвыхъ и пр. дерзнетъ ругатися надъ своимъ тектономъ, служащимъ собой основаніемъ и столпами св. соборной и апостолской церквѣ, которая ведетъ насъ хотя и не широкимъ путемъ, все жъ къ нашему спасенію?

Святковскій. То правда, что прежде она водила, такъ сказать, за носъ и не носатого рода простовѣровъ; но и то правда, что теперъ почти ни кого она не водитъ, кромѣ носатихъ грековъ, да и то не всѣхъ, когда вездѣ находются наборщики, езуитамъ не уступающіе, взявъ прямѣе дорогу въ небо; однакъ я не знаю головой, къ чему мнимонебесная та дорога примикается послѣднимъ концемъ своимъ.

Тихоновичъ. Не про широкой ли путь вы тутъ на мѣкнуть изволили, о коемъ думать не по церковному я ни съ кимъ не соглашаюся, вѣря безъ сомнѣнія, яко онъ ходящихъ по себѣ ведетъ просто въ вѣчную пагубу.

Святковскій. А тѣснымъ-та путемъ много ли знакомихъ вамъ сошествователей? Когда я признаюсь по христіянской совѣсти, васъ увѣряя въ томъ, что въ жизнь мою не видалъ ни одного іерея, спасающася (а о свѣцкихъ и говорить не чего), разумѣется, по правиламъ; безъ правилъ же вѣрующихъ во евангеліе безъ сомнѣнія нахожу всѣхъ во спасеніи.

Тихоновичъ. Сіе мнѣ кажется довольно дерзкимъ само мнѣніемъ.

Святковскій. А то развѣ недерзостно, что св. наши законоположители на узаконяли ради насъ грѣшныхъ столь много не возможного и почти противъ св. евангелія, сколь не мало и противъ св. апостола Павла, который, какъ святой и премудрѣйшій учитель, мнитъ между пр., яко ветхій законъ упраженъ и для того, яко занеможеніемъ его носити не могъ ни кто, по чему и неисполняющій его былъ подъ клятвою законною, ея же во упражненіе самъ Христосъ, бывъ по намъ клятва, явися всѣмъ благодатию всѣхъ спасающею отъ всего, да даже отъ первороднаго грѣха, особливо вѣрующихъ во евангеліе, по немъ же иго Христово благо и бремя его легко естъ; кое св. ваша кормчія толико отяготила, что якоже отцы наши не могли, такожде и мы грѣшные не возмогаемъ, его носити, слѣдственно равно вѣрующій и не вѣрующій во Христа зостаетъ подъ анаѳемою, лежащій же подъ проклятіемъ, думаю, знаете и вы не менше меня, что онъ вылежитъ.

Тихоновичъ. Хотя теперъ я и не въ состояніи вамъ противурѣчить, однакъ не могу не думать, что бъ ваша настоящая богословія не много походила на

Мартина, который, держась обѣручь за одно евангеліе, не пріемлетъ преданій не довольно святыхъ отецъ, но ниже апостола, ясно глаголющаго, яко ни въ комъ не живетъ вѣра безъ нераздѣлнихъ свойствъ ея, си рѣчь, добрихъ дѣлъ.

Святковскій. Св. апостолъ Іяковъ хотя и умертвылъ собой живую вѣру нашу и хотя св. апостолъ Павелъ и не даетъ сыновомъ извѣстныхъ грѣховъ наслѣдія въ царствіи божіи, но ізо всѣхъ 12 и 70 апостоловъ ни единъ не дерзаетъ и ни одного явно грѣшника осуждать на такую смерть, коя, какъ насъ увѣряютъ богословы, убиваетъ и безсмертныя души; сердитая жъ безъ мѣры кормчія, я не знаю, чимъ она ожесточенна, не взырая ни на кого, безъ Христа осудила весь почти свѣтъ на муки безконечныя выдуманною отъ себя анаѳемою.

Тихоновичь. Я подобнаго вашему о нашей кормчіи мнѣнія въ жизнь мою не слыхалъ; того въ разсужденіи и вы извиныть меня можете, когда я не соглашаюсь изъ вашимъ мнѣніемъ о той книгѣ, которая по соизволенію Святого Духа написанна и въ свѣтъ пущенна не на разореніе свѣта, а на созыданіе вѣрныхъ душъ.

Святковскій. А я не понимаю на чьемъ мнѣніи утверждается не основателное ваше мнѣніе, если не полагаетесь вы своею просто набожною ревностію на тѣхъ не доумѣніи, и лучше скажемъ, не знаніи ни писанія, ни сили его, которые не вѣдятъ, ни яже глаголютъ, ни о немъ же утверждаютъ, убо смѣю я спросить васъ, сколь коротко вамъ знакома столь богато вами одобряемая книга?

Тихоновичь. Признатся, я кормчію читалъ не всю, занеже намъ она и нужна не вся, почему можетъ быть и наши пастири не всѣ ее видѣли; но то никому не мѣшаетъ знать, что въ ней сущіе правила, положенные на пяты вселенскихъ соборахъ, на ше-

стомъ подтвержденны по соизволенію Духа Святаго толикимъ множествомъ богодохновенныхъ людей мнѣніями.

Святковскій. Я изо всѣхъ богодохновенныхъ мужей, ни у одного не отнимая чести ихъ, чту соблаговѣніемъ, достойнымъ служителей и таинниковъ божіихъ, подражая тѣмъ царя пророка, ему же друзы божіи, нашимъ св. отцамъ подобные, зѣло честны быша; не могу однакъ не думать, что бъ они, яко человѣцы, не ожесточили въ положеніи и отъ себя слишкомъ немало правилъ, ихъ же и подкрѣпя не слиханною до того анаѳемою, не имѣя ни какъ на то позволенія ни отъ царя Христа, ни отъ старшихъ себя, его министровъ, си рѣчь, апостоловъ.

Тихоновичъ. А „слушаяй васъ, мене слушаетъ, и отметаяйся васъ, мене отметается“ и пр. кимъ и кому сказано?

Святковскій. Тому точно, кто, слушаясь Христа чрезъ своего апостола, всякому повелѣвающаго „Еже самому не угодно, инимъ нетворити“, повелѣваетъ всему духовному сословію, глаголя сице: „Аще нѣкій братъ впадетъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы духовные таковаго исправляйте духомъ кротости, блюдій себя да не и ты искушенъ будеши“. Что сверхъ прочего значитъ—не накладай ни кто ни на кого анаѳеми, блюдій себе отъ анаѳемы, еюже церковная исторія кажется столь не богодохновенной, что если бъ не было въ политическомъ свѣтѣ извѣстной анаѳемы, то я изобличилъ бы ее тѣмъ, показуя, чимъ кажется всѣмъ не глупымъ христіянамъ мнимо святой гишпанской судъ.

Тихоновичъ. Не спорю! Все то хорошо, въ чемъ вы справедливы; но мнѣ бы хотѣлось знать ваши мысли о томъ христіянинѣ, который по трикратномъ его увѣщаніи преслушаетъ церковъ, ей же глава

самъ Христосъ повелѣваетъ имѣть всякаго преслушника, ей не повинующагося, за язычника и митаря.

Святковскій. Преслушавшаго церковъ однажди на всегда, хотя я имѣю за китайца и держу за директора, не христіянски вѣрующаго и беззаконно живущаго во временной жизни, но въ будущей его жребій столько жъ намъ извѣстенъ дикого почти безбожника, сколько и просвѣщенного мнимодеисти: равно жъ знаю, какъ и вѣрю безъ сомнѣнія, „яко сынъ божій не прійде да судитъ міровѣ, но да спасется нимъ міръ".

Тихоновичь. По сему я нахожусь въ нѣкоемъ сомнѣніи, что бъ вы вѣровали небезъ сомнѣнія второму Христову пришествію и его страшному суду по написанному въ святомъ евангеліи, которое вы не можете признать не боговдохновеніемъ,

Святковскій. Ни какъ да не будетъ! На противъ того я, будучи хоть и грѣшенъ, но истиннымъ христіяниномъ, не довольно вѣрю тому, что св. евангелистъ Матѳей на писалъ согласно съ его со евангелистами, но даже не сумнюсь и въ томъ, чего другіе не написали, т. е. о страшномъ судѣ, не извѣстно по чему, если не по тому, что кажется отъ части сумнителнымъ, именно то, что бъ всемилостивый, не мощныхъ Создатель, велѣлъ имъ написать такъ страшно о страшномъ судѣ, ему же вѣрующій бѣдный христіянинъ, находя себя горше невѣрного, мучится безъ милости гризущею его совѣстію прежде смерти и суда, сій въ отчаяніи милости всѣхъ милующаго Бога. Я, какъ оставя писмя (=а), насъ убивающея, судить по двумъ Христовымъ за повѣдемъ, въ томъ же богодохновенномъ евангеліи обрѣтающимся, еже естъ любити Бога и ближняго, то и безъ угризенія совѣсти думаю, что инъ судъ божій и инъ человѣческій; и паки: невозможная отъ человѣкъ, возможна суть отъ Бога.

Тихоновичъ. Сіе, кажется, идетъ какъ бы прямо, нѣтъ нужди, что дорогою, по кое хаживалъ, царство небесное, и Мартинъ съ Калвиномъ. Но я хочу слышать, что речетъ настоящій богословъ о томъ явно грѣшникѣ, котораго было св. Павелъ осудилъ на преданіе сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется.

Святковскій. Помилуй меня грѣшнаго, особливо передъ кормчіею, будущій богослове, и скажи, долго ли тебѣ искушать единовѣрнаго своего брата? Развѣ тебѣ не довлѣетъ того, что я вѣрю священному писанію не инаково, какъ и ты долженъ вѣрить, неменѣе моего зная, что св. апостолъ Павелъ аще было и повелѣлъ коринѳской церквѣ посланіемъ предати сатанѣ на изможденіе плоти имѣвшаго жену отчу, не предалъ его однако жъ, сожалѣя, какъ отецъ блуднаго сына „да не печалію ложертъ будетъ таковый“; да хотя бъ и предалъ въ самомъ дѣлѣ, то изъ того вышло бъ не иное, какъ спасеніе того превосходного явно грѣшника души очистившіяся, хотя и принужденнымъ покаяніемъ.

Тихоновичъ. Признаюсь по совѣсти, я весма доволенъ симъ аргументомъ. При всемъ томъ, что онъ вышелъ изъ той богословіи, коя не признаетъ святыми даже святыхъ апостоловъ, а только ихъ почитаетъ за честныхъ людей.

Святковскій. Да они таки люди и естъ.

Тихоновичъ. Вѣстимо, не ангели, которыхъ почитать простыми ни кому не простително.

Святковскій. Вотъ неопровергаемый резонъ, понеже между ними были и грамотные да даже и ученые мужи, достойные всякаго уваженія и признанія.

Тихоновичъ. И вотъ чего не доставало въ нашемъ словопрѣніи, начатомъ о вѣрѣ, что бъ его кончить комедіею.

Святковскій. А ваша интермедія чего ожидала отъ актіора лучшихъ операъ, нѣтъ нужди, что въ переясловской семинаріи сочиненныхъ?

Тихоновичъ. Я, въразсужденіи переясловского вашего ученія и воуваженіи монашеской по межигорскому уставу жизни, надѣялся, что вы меня просвѣтите и наково думать про святыхъ; въ мѣсто чего нахожу, что вы думаете не лучше насъ, а точно такъ, какъ думаютъ въ кадецкихъ корпусахъ и въ университетахъ.

Святковскій. Да оно такъ и естъ, какъ я думаю, да и тебѣ совѣтую думать и наково о ангелѣ и инаково о человѣкѣ.

Тихоновичъ. Кто жъ сего не знаетъ и безъ вашего совѣта?

Святковскій. Я не знаю ни кого съ грамотныхъ, кто бы въ писивалъ въ небесное воинство рожденныхъ женами, къ имъ же какъ прибавить и живущихъ съ женами, то и выдетъ ровно по нашему!

Тихоновичъ. Hego! Не по нашему, а лучше скажи по вашему.

Святковскій. Такъ пускай и по вашему.

Тихоновичъ. Я не хочу, что бъ это, что ты думаешъ, было по моему, но пускай его, куда хочь, по твоему.

Святковскій. И зволь и по твоему, я на все согласенъ!

Тихоновичъ. Перестанемъ же мы забавлятся . на щотъ святыхъ угодниковъ, въ мѣсто того возмемся за конецъ начатаго дѣла.

Святковскій. Скажи жъ прежде, котораго мѣсяца и числа и подъ какимъ угодникомъ написался ты во святыхъ?

За симъ учоной нашъ учитель, лишась лстившей его надежди перетянуть ученѣйшого актіора въ словѣ и въ дѣлѣ, пересталъ заикать по латини, а

на меня осердился столь не поучоному, что я отъ присносущной его горячки и ного не ожидалъ, какъ чоточнаго наставленія, или на ложенія на хребетъ со спиною, а найпаче его тронуло то, что его побѣдитель Святковскій, взглянувъ на меня съ обикновенною ему улибкою, сказалъ ему слѣдующее: „Дозвольте, отецъ Іоасафъ, своему ученику обявить намъ свое мнѣніе о тѣхъ, которые крещенны отъ не крещенныхъ священниковъ".

Тихоновичь. Со всею моею охотою я далъ бы ему мое на то благословеніе, если бъ намъ не мѣшало то, что, признатся, и его учитель не имѣетъ ни чего сказать, если ваша настоящая алегорія цѣлытъ не на еретиковъ.

Святковскій. Про ересы довольно лишнего на говорено и безъ насъ, но я цѣлю прямо на тое правило, коимъ за прещается первая ересь, си рѣчь, симонія, и которымъ за прещается не признавать того за епископа, кто взыдетъ на степень епископской власти чрезъ мірское злоупотребленіе; ибо свѣцкіе люди едва могутъ участвовать въ промоціи, да кто своего пастиря одобряя добримъ свѣдѣтелствомъ, по апостолу. Въ противномъ же случаѣ то жъ самое правило гремитъ страшнѣйшимъ отъ небеснаго громомъ сверхъ общей съ паствою пастирю анаѳеми, гляголя сіце: „Епископъ не естъ епископъ, отъ него рукоположенные не естъ священники, слѣдователно и отъ нихъ крестящіеся не суть крещенны". И понеже вездѣ, да даже у насъ, бывало въ старину, что едва не всѣ настири и архипастири восходили на священническія степены не по кормчіи, въ Греціи жъ и теперъ держитъ въ рукахъ симонія и патріяршіе равдосы, жезлы, то я не знаю, кого вы признаете дѣйствытелнымъ: пастиря, взошедшаго на свою степень не по правиламъ, или правила, напи-

санные писаломъ человѣческимъ, кое ни когда почти не бываетъ безъ погрѣшности.

Тихоновичъ. А не крещенные попы развѣ бываютъ?

Святковскій. Конечне! И что ты увидишъ въ ниже слѣдующей вѣрной повѣсти.

Въ началѣ настоящаго столѣтія произошелъ отъ нерадѣнія началъ и властей въ малоросійскомъ лубенскомъ полку ни гдѣ не ожидаемій случай. За 40 верстъ отъ мѣстечка Хорола лежитъ пространная степъ, которая называется Крива руда и которая изъ давнихъ временъ усыпана загородними дворами, по нашему футорами, похожими на деревни, но которые ни когда не имѣли да и теперъ, чаю, не имѣютъ ни церквей, ни поповъ, для того весь тамо живущій народъ отправляетъ долгъ свой христіянскій по селамъ, церквы и поповъ въсебѣ живущихъ имѣющимъ. Изъ тѣхъ безпоповщинъ въ одной новорожденного младенца какъ было крестыть не кому, то его родившіи, избравъ изъ сосѣдъ пару кумовъ, и къ нещастію молодыхъ лѣтами и умомъ, отпустили съ нимы своего сына, ихъ будущаго крестника, и какъ анаѳемское искушеніе живетъ на всякомъ мѣстѣ, ходитъ слѣдомъ за всѣми, а дуракамъ часто и настрѣчь попадается, то и неминуемо быть было тому такъ, какъ было и въ самомъ дѣлѣ, когда, по нещастію еще до просвѣщенія того дѣтища не просвѣщеннѣйшіи восприемники одни, ѣдучи пустою степью къпопу, свѣнчались безъ попа. Того за учиненіемъ глупонабожная та безумная и беззаконная чета, опасаясь да бы не удвоить беззаконія беззаконіемъ, удесятерили его тѣмъ, что, воротясь, и попадѣ невидавши, къ пославшимъ ихъ, увѣрили въ томъ, чего не бывало. Убо родители, некрещенного почитая крещеннымъ, его воспитали, выучили грамоти и приведши въ возрастъ его жъ и женыли на дочерѣ одного священника, который, за неимѣніемъ сына, сдѣлалъ своего зятя наслѣдникомъ въ имѣніи и въ

приходѣ, въ коемъ онъ служа отправлялъ священническую должность до того, пока, пришедши въ глубокую старость мнимо крестная его мать, не усовѣстилась и самому ему надуху того не открила. Что некрещенный ея крестникъ, какъ скоро открилъ енералному духовнику своему, архипастирю, то архипастирь лишилъ его священства, окрестилъ, самого того священника, который столько дѣтей окрестылъ, самъ крещонъ не будучи. Вотъ некрещенной попъ!

Я **(авторъ)**. И вотъ та задача, коей рѣшить, какъ нашъ учитель нашелся не гораздъ, то ему разсудилось истребовать у того жъ Святковского нѣсколько времени наразмышленіе.

Между тѣмъ мы всѣ въ мѣстѣ пошли въ уманскій курень, будучи извѣстны, что въ ономъ была еще нероздана тысяча рублей, оставшаяся послѣ не божчика Стецка (14), уманского знатного козака, бывшаго не задолго передтимъ кошевымъ атаманомъ.

Въ бывшей Сѣчи былъ обичай, по которомъ всѣ діпозыты мертвого роду раздавались, съ вѣдома атамана и старшего товариства въ куренѣ живыми, на помяновеніе мертвыхъ, курѣннымъ прошакамъ, особливо грекамъ. Однако жъ, по милости Святковского богатой риторики, удалось и намъ достать изъ реченной тысячи денегъ на нашъ монастирь 100 руб., іероманаху Пафнутію 10 рублей, іеродіякону Іоасафу 6 рублей, а мнѣ, какъ нерукоположенному кухарю, дано лишъ 3 рубля, и симъ кончились учоныхъ нашихъ діяконовъ выше нарисованные мною, слышащимъ тѣ диспоти, коихъ въ заключеніе сказалъ тотъ же переясловскій мнимо комедіянтъ: „Злату глаголющу, молчитъ всяко слово, вѣсть бо увѣщати, аще и неможутъ вѣщати. „Прекрасная Межигорского философа сентенція, ударивъ въ лице полтавского нашего богослова, разлилась по всему и щеки на румянила ему столь богато, что на сылу онъ поблѣдъ отъ того, что я не

далъ ему въсоблюденіе моего имѣнія, си рѣчь трехъ рублей денегъ, въ коихъ я имѣлъ больше нужди, нежели долга, благолѣпію дому Господня, въ моей бѣдности ни малѣйшей надобности не имѣющаго. Вы знаете, что онъ былъ хорошой ктитарь.

Между запорозкими странностями обрѣтался обичай, по коему почиталъ всякъ козакъ курѣнного своего товарища паче родного брата, для того и грамотные козаки, коихъ было не мало въ Сѣчи и по зѣмовникамъ, жили скромно и въ большемъ между собой согласіи, не жели саміе невѣжи живутъ ингдѣ. При всемъ же томъ наши ученые и курѣнные діяконы не продлили своей любвы до конца трети одного года, однакъ они поссорились не по ученому, а по простому дурачеству, происшедшему отъ той зависти, которая не только не знаетъ почитати полезнаго не безполезнымъ, но иногда мѣшается и въ дѣла духовныхъ, но недуховнѣ мудрствующихъ самолюбовъ.

Причину, коя поссорила нашихъ ученыхъ риторовъ я обявлю послѣ, а теперъ да позволится нашему примѣчанію сказать по истинѣ что? А вотъ что! Я во всей запорозкой жизни не нашелъ болше одного порока, чрезвичайного пянства, а найпаче бываемого въ своемъ совершенствѣ зѣмою, когда обикновенно больше, нежели лѣтомъ съ ѣзжаются и зовсего почти Запорожья знатные козаки на богомолье и гулянье, а не знатные почти и ни когда невыѣзжаютъ изъ Сѣчи, гдѣ находятъ каждого дня довольно хлѣба, рибы и третого—вина.

Другой козацкой порокъ естъ тотъ: они, почитай, всѣ великіе забавники, да и какіе еще шалуны? Я, находясь въ Сѣчѣ, неоднократно видѣлъ такихъ веселчаковъ, что другой бы и почолъ ихъ за настоящихъ сумозбродовъ, увидя по моему, какъ многіе изъ нихъ, на пившись до положенія ризъ, купаются зѣмой, гдѣ ни попало, а лѣтомъ и въ болотѣ и во увѣнчаніе су-

мозбродства равно въ ординарномъ и въ парадномъ платьѣ. При семъ надлежитъ сказать, что когда такимъ образомъ они блажатъ въ Сѣчѣ, то блажатъ съ умыслу, цель котораго изобличить правителство въ нерадѣніи о общей ползѣ, чему служитъ неопровергаемымъ доказателствомъ въ Сѣчѣ первая и послѣдняя, такъ сказать, проспектива, якая хотя тянется отъ первыхъ и послѣдныхъ воротъ на площадь и не длинѣе трехъ сотъ шаговъ, но и тутъ не вымощена, и, будучи не широка, имѣетъ во всей своей длинѣ столь глубокую, съ грязью по поламъ, лужу, что пянимъ, коимъ и море по колѣна, часто случается бытся обзакладъ, купаючись въ столичномъ своемъ болотѣ, кто вынирнетъ дале, тотъ и выигралъ вѣдро, поихному кварту, горѣлки. Къ щастію курѣнныхъ атамановъ въ столицѣ пѣщаный грунтъ, въ противномъ случаи и самое велможное панство по колѣна бъ бродило въ грязѣ по нашему, т. е. по полтавску, если не по роменскій, гдѣ, сказуютъ, можетъ быть и правду, какой то деревенской попъ едва было въ грязѣ и самъ не утопъ съ кобилою. И какъ бы то нибыло, о чемъ правдолюбивые и не заиковатіе люде брѣдятъ, что видятъ, я не понималъ, скакимъ намѣреніемъ веселодушилъ тамъ же бывшій полковникъ панъ самарскій, Игнатъ Чмига, а то и всякъ скажетъ, что не хорошо, а найпаче худо ради собственной его головелможности.

Одного дня, какъ то случалось со мной и другого такъ же, какъ третого, пятого, десятого, и такъ дале, я, засилу послушанія, пошелъ забрагой для общего нашего стола, не обходимо нужного напитка, увидѣлъ вышеименованного пана полковника въ брагарницкой, еще больше грязной отъ выше не вымощеной проспективы, улицѣ, на нагольной своей шубѣ, нимже просланной на грязѣ, шерстю къ землѣ, сидящаго въ одной сорочкѣ, въ однихъ сподних, коѣ,

при его бывшей велможности и настоящей его жъ голтябѣ, служили въ качествѣ верхнихъ, лѣтомъ и зѣмою, при всемъ же томъ, что онъ же, Чмига, былъ гораздо не тверезъ, однакъ заставилъ было и трезвого меня стоять сполъ часа тамъ, гдѣ и другіе, первымъ подобные суевѣры, стоя, слушали веселого его по ученія о воздержаніи отъ вина и пр.

Чудно мнѣ показалось по ученіе о трезвости не трезвого того наставника, который еще больше меня удивилъ тогда, когда на мой вопросъ, для чего онъ самъ того не исполняетъ, къ чему наставляетъ другихъ, отвѣчалъ тако: „для того, отчусю, что моя тобой невидимая трезвость не такъ тебѣ полезна, какъ мой совѣтъ, если его ты послушаешся". За симъ возраженіемъ, кое было не по нашимъ зубамъ, Рубель, шинкарь, на томъ же поученіи стоявшій, прихилясь, мнѣ на ухо шепнулъ, что будто бъ блаженный ихъ Василій блажитъ единственно для того, да бы однимъ наружнимъ порокомъ прикрить многіе нутренные своѣ добродѣтели, безъ чего онъ бы у насъ не вывернулся изъ подъ юродиваго Сидора.

Подобнымъ Чмигиной шубѣ, килимомъ покривающіеся Игнати (=ы), присно существовали въ Запорожьѣ, гдѣ царствовала диспотически, да и теперъ, чаю, владичествуетъ первая дінастія ясневелможного пана гетмана Богдана Хмелницкого, изъ коей естественно произходитъ поминутно пре естественый шумъ присно празднующихъ съ гуслями и пѣніемъ, съ скрипками и цинбалами, а часто и съ тимпаномъ, си рѣчь, съ барабаномъ, ночью и днемъ пиющими безъ мѣры горячее и не холодное, т. е. съ патокой, съ перцомъ и імбіромъ вареное выно мускатъ и мусулезъ. Чего ради и ни чего чаще въ столицѣ пана Хмелницкого не увидишъ, какъ веселыхъ гражданъ, и ногда и съ градоначалники вездѣ шатаясь качающимися, изключая церковъ, гдѣ на передъ увидишъ похмѣлного, не жели пяного старика, особ-

ливо на заутреннѣ. При семъ надлежитъ сказать, что вся пана Хмелницкого фамилія благоговѣла свою Покрову не менѣе, какъ мы почитаемъ настоящую свою церковъ Воздвиженіе, не говоря про то, что пяная ихъ набожность хаживала столь далеко за благоговѣніемъ, что и препяной, ведучи мимо церковъ вокалную, либо инструменталную музику, козакъ бывалъ долженъ предъ церковными дверми при остановится, перекрестыться и поклонится трожди, что задорнѣшій дѣлалъ и съ до земными поклонами, ихъ же онъ было пока отдѣлаетъ, то такъ устанетъ, что не задорнѣйшіи его побратими помагали ему поднятся за неможеніемъ, и чего за учиненіемъ воставшему вольно приниматся снова за старую свою работу, т. е. за забаву.

Сія-то ихъ не изрекаемо веселящая забава и пану Зеленскому за была (=забила) было голову столь не ожидаемо, что я не однократно ублажалъ васъ, отецъ мой, премудримъ величая за то, что вы ни когда не желали быть въ Сѣчѣ, гдѣ може бъ вы, какъ крѣпкого уха человѣкъ, оглохли на обѣ. На конецъ козацкого пятимѣсячного карнавала привичка сдѣлала было со мной то, что я, дождавъ въ скучнѣйшей той столицѣ великой четиредесятницы, едва могъ обходится безъ скуки одною кобзою, благо, что въ Сѣчи хоть на невинномъ инструментѣ играть позволяется. И что жъ кому ползы изъ той мнимо невинности, которая чуть было меня не свела счернецкого ума, чему и быть бы не премѣнно, если бъ не жилъ съ нами на одной квартирѣ одинъ старой гуслистъ Романъ, Пѣвецъ по фамиліи, и если бы я отъ него не перенялъ кое какъ брѣдить на гусляхъ, на невиннѣйшемъ даже отъ вербовой кобзи инструментѣ. По меншой мѣрѣ такъ объ немъ думаютъ многіе потому, что св. царь на ономъ игривалъ съ молоду. Признатся, я, будучи въ Іерусалимѣ, видѣти его не сподобихся, а Наркисъ тамъ же говорилъ мнѣ за ке-

лію, что его въ Палестинѣ будто бъ и никогда не бывало, въ чемъ я Наркису не повѣрю ни счего. Со всѣмъ тѣмъ, что, можетъ быть, и всякъ скажетъ, что пастуху ходить за овцами съ гуслями весма неловко. И какъ бы ни было то, за что я и неодинъ разъ побранилъ Наркиса безвинно, довлѣетъ мнѣ того на первый случай, что реченнымъ инструментомъ сѣть сокрушися, и мы избавленны быхомъ отъ искушенія.

Всего полезнѣйшимъ мнѣ казалось то, что мой наставникъ, который не умѣлъ ни рукой махнуть, ни ногою тупнуть въ такъ (=тактъ), обошелся со мной полюцкому. Однакъ, примѣтя, что я на чалъ помахивать на всѣ струны, сталъ было что-то помышлять около моихъ гуселъ; пощастію угомонился моимъ мастеромъ, увидя на томъ же столѣ, гдѣ и гусли лежали, десятка сполтора бохѣнокъ (15), провизіи на цѣлу недѣлю, въ другъ закупленной отъ хлѣбниковъ на ихъ же и щетъ, и вотъ какъ поцѣнно!

Въ вовторникъ на первой великого поста недѣлѣ я, за силу послушанія, вышелъ наринокъ купить хлѣба; деревянковского куреня кухарь Петро Дурный пришелъ туди жъ съ шайкою недоростковъ, коихъ постановивъ онъ врядъ, самъ сталъ разговаривать съ однимъ козакомъ. Я по вездѣшнему обичаю по желалъ имъ доброго дня головой, не зная, что изъ нихъ послѣдный прозывался Добриднемъ, по чему онъ, мнѣ не отвѣчая, сказалъ, что онъ не имѣетъ нужди въ злыдняхъ, будучи Добриднемъ; а мнѣ, продолжаетъ онъ же, коли треба хлѣба, то что бъ я не хватався куповати тоей речи, що могу имѣти даромъ. И еще я не догадався, что значило его благовѣщеніе, какъ прибѣжало въ хлѣбной рядъ въ другъ 7 кухарей, издругихъ куреней, мнѣ не знакомихъ, кромѣ кошевского, Панаса Кропиви, присланныхъ на казать бохѣнниковъ за то, что они не допекаютъ

хлѣба. Перепечаѣ догадуючись, что за бохѣнками дойдетъ и до ихъ реберъ, ударились опрометю всякъ въ свой курѣнь бѣжать, оставя свой товаръ для общаго грабежа, чего я не понималъ, пока кошевскій кухарь не началъ безъ вины бить хлѣбомъ на битіе (=набитые) ваганки (16) такимъ образомъ: онъ, схватя обѣручь ваганокъ съ хлѣбомъ, поднялъ его выше своей головы, отъ чего хлѣбъ весь полетѣлъ кой куди, а ваганокъ, вырвавшись у него срукъ, упалъ на бревно, кое сдѣлало его не ваганкомъ, раздробя на многіе части, и лучше сказать, щепки. Тому енералповорю подражая другіе повара, а я, подражая школнымъ недоросткамъ, поднялъ изъ землѣ кучами на валенного хлѣба, сколько могъ несть, съ коимъ и пришелъ домой веселыми ногами, яко обрѣтшій користь многу. Да кто жъ и не радъ, когда другіе плачутъ!

Въ первую суботу того жъ великого поста вышелъ изъ заутреннѣ, я слышу благовѣстъ до свѣту къ обѣднѣ. Мое любопытство за ставило меня спросить Василя Коваля, подпономарого, для чего онъ за звонилъ такъ рано. Развѣ и въ Сѣчѣ живетъ такъ, какъ водится у насъ на Русѣ, особливо тамъ злоупотребляется, гдѣ, грѣхъ ради нашихъ, не словеснѣйшіе отъ пастирей овцы повелѣваютъ, въ отмѣнность церковныхъ правилъ, пастирямъ, часто и гораздо словеснѣйшимъ, дожидатся съ обѣднею до полу дня, а когда говѣютъ сами, то хотятъ, что бъ была обѣдня въ шесть, а много въ сѣмъ часовъ, и этакая служба, кажется, служитъ больше не воздержанію, нежели приношеніемъ безкровной жертвы. „О, нѣтъ, пане Луко Степановичу! возразы Коваль. Велможніи наши панове не мѣшаются ни когда не въ свои дѣла, бо имъ давно уже знакомо, що по правиламъ церковнымъ и самъ архіерей не прикаже не готовому попу служити службы божои, что такъ и дѣется въ Греціи; а у насъ теперъ служатъ рано для того,

бо може хто изъ спасениковъ ни разу не ѣвъ, говѣючи вѣдпонедѣлка. Я выслушалъ Коваля странную рѣчь, хотѣлъ было ему повѣрить, но какъ онъ не указалъ ни на одного превеликого постника, то я зная на вѣрно, взялъ и держу только то, что во всю седмицу ни одинъ говѣлщикъ не вкушаетъ тетери—саламатъ съ пшеномъ—, тожъ и другого вареного и гарячего яствія.

Но пускай ихъ постить (=постять), какъ имъ хочется и можется, а я обращаюся къ исторіи Грицка Писменного, которую да позволится мнѣ начать ниже слѣдующею пословицею.

Я почти во все не понимаю, да и безъ почти, кажется, не знаю отъ кудова вынули панове поляки любимую ними приповѣсть, якую хотя и мы употребляемъ при удобномъ случаѣ, однакъ не безъ не посредственнаго не годованія на ея изобрѣтателя, при всемъ томъ, что онъ не безъ свѣдѣнія совѣтуетъ охотнику „шукаць мондрего въ карчмѣ, менжнего у вянзеню“, экцетера (17). Сіе-то послѣднее прочее, можетъ быть, и вамъ, отецъ Мартиніянъ, покажется не иначе, какъ то оно и намъ казалось не справедливымъ, пока мнѣ менше г. Суморокова и небольше Баркова былъ знакомъ нашъ мудрій Соломонъ г. Лом... (**не дописано**), и пока я не нашелъ въ сѣчевой пушкарнѣ Грицка Похила, въ желѣзахъ ожидающаго не минуемой его шибеницы.

Описуемый нами шибеникъ былъ родомъ изъ полской Украіны, а въ Сѣчѣ щербиновского куреня не изъ послѣдныхъ козакъ. Его высокій ростъ и кучерскіе черные усы при давали не посредственнымъ его качествамъ не мало запорозкого блеску, что и не однократно его промовало на второкласное панство, т.-е. на полковництво въ паланку и на шафарство къ переправамъ, къ Кошу принадлежащимъ, чимъ онъ, доволенъ не будучи, все сбирался на первокласное пан-

ство. И поелику онъ же, Похилъ, къ своему несщастію зналъ грамоти по чему его и прозвали Писменнымъ, то и предузнавалъ положительно, что его писменство не дасть ему въруки не только кошевской булавы и суддейской прости, но и асаулскую насѣку вырветъ съ рукъ примѣромъ вышеописанного Клима Щербиновского. Что же касается до войскового писарства, то онъ и самъ себя находилъ гораздшимъ до списа, а не до пера. Прибавить къ сему еще и то, что я объ немъ слышалъ, будто бы онъ былъ полубогатирь, и что ежели правда, то, можетъ быть, чрезвичайная его сила тѣлесная присиловала его писменное буйство на брать себѣ подобную чату и съ оною пойтить въ комѣнникъ.

Въ Сѣчи, сказывали, ни кто не хотѣлъ вѣрить, услышавъ, что прескромнымъ казавшійся Грицко Писменный водитъ на разбой собой на бранну чату. На конецъ правителство, узнавъ конечно, что Писменный Грицко бурлитъ по Украинѣ не хуже простого вора, послало за нимъ досужую команду въ предводителствѣ войскового асаула, надъ которымъ смѣялись всѣ школники съ своимъ атаманомъ, ни какъ не уповая, что бъ Простый поймалъ Писменного разбойника. Не одгадали они однако жъ, за неже въ подобномъ запорозкому обществѣ и простые сочиняютъ не хуже ученыхъ. И да бы мнѣ не заихать въ излишнее многословіе, я скажу, что правителство, увидѣвъ пойманого и связанного Похила, въ сходкѣ допросило и тутъ же, признавъ его покаяніе истиннымъ и, обовязавъ его писменно и словесною клятвою, его простило. Что все однако жъ осталось безъ дѣйствія, когда онъ чрезъ одинъ только годъ, позабывъ все, принялся за одно лишъ то, что правителству показалось толь не сноснымъ, что оно немедленно опредѣлило изъ курѣнныхъ атамановъ самого надежного смѣлчака съ командою, сотвѣтствующою

Похиловой чатѣ, якая состояла въ сотнѣ отборныхъ бездушниковъ. По щастію отряда и по нещастію чати, бѣдной Похилъ нашелся ищущими его въ одной балцѣ самъ пятъ, а вся его чата была на добычъ, почему не трудно было атаманской силѣ безъ сопротивленія Похила съ товарищи взять ихъ же и привесть въ Кошъ, который на первой сходкѣ осудилъ всѣхъ тѣхъ гайдамакъ перевѣшать, начавъ съ ихъ ватага, кой больше всѣхъ заслуживалъ висилицу тѣмъ, что не щадѣлъ ни же той ватаги, которая везла въ Сѣчь съястные припаси и другіе не обходиміе вещи, какъ то: желѣзо, смолу, холстъ, нитки и проч.

Тутъ, сказывали, стояло осужденнымъ человѣками смертными смертныхъ на поносную смерть богоподобныхъ мольбъ безъ подобныхъ одному женскому полу, а не козакамъ, свойственныхъ, слезъ умилныхъ риданій и риканій, отъ воздиханія, ужасъ наносящіхъ, и страшнѣйшей всего присяги, пока не смягчили собой ожесточенныхъ сердецъ уже въ третій разъ разьяренного того парламента, который, на конецъ вошовши въ человѣчество, уваживъ однихъ молодость, другихъ старие у Коша заслуги, всѣмъ имъ даровалъ жизнь, чего однако жъ ни кто не ожидалъ, въ разсужденіи строгости тогдашнего кошевого атамана Якима Игнатовича, котораго докошевства звали стеблѣевскимъ Якимцомъ и про котораго сказывали знающіе его прежнюю жизнь, будто бы онъ бывалъ смолоду стеблѣевскимъ Похиломъ, не хуже да и не лучше щербиновского ватага. Что ежели такъ, какъ то было въ самомъ дѣлѣ, то велможный панъ Якимъ Игнатовичь и резонъ имѣлъ не довести себя къ подобному выговору славнаго кошевого Иванца, которому въ подобномъ случаѣ одинъ шибеникъ рекъ: „батьку,—въ мѣсто врачу,—исцѣлися самъ“!

Но я и паки принимаюсь за старіе пословицы.

А для чего? Для возобновленія онихъ, сій въ небезопасности, да бы они и вовся не упали отъ древности. И такъ П. В. сказуютъ полевики, что будто бы всякаго „литвына лихо на паде, коли вѣнъ не дзикне“; такъ подобно думая, и вашъ меншой братъ не уснетъ и не проснется, донде же не приклеитъ гдѣ, и лучше здѣсь ключимой и плотно присталой небожчику Похилу настоящей полской приповѣсти—„Сьмѣрць а жона отъ Бога сужона“, въ коей кажется, не много если ошибся издатель онои, повидимому, въ нещастіи Похила сбывшейся до первой половыны, когда онъ въ третій разъ позабылъ страшніе судъ и присягу, двожди его избавившую отъ висилицы, на вербовавъ, не зная бѣдной дурень, что себѣ, паче ляховъ и жидовъ, на погибель полтораста собездушниковъ чату, на якую и положилъ все упованіе во всемъ, относящемся къ безчеловѣчію, какъ на городскую стѣну, тверже китайской его легкомыслію казавшуюся, но которая къ нещастію отъ себя обвалилася на конецъ, предавъ его ищущимъ въруки, которые, связавъ ему руки, какъ скоро привели въ Сѣчь, такъ правителство безъ далнего разсмотренія, его осудило нависилицу, отъ чего уже его не оборонилъ ни политическій резонъ, коимъ онъ въ четвертой разъ покушался испытать своего щастія предъ правителствомъ, не простителную свою погрѣшность извиняя тѣмъ, что онъ въ силу своей присяги ни кого не дралъ на шляху. Но симъ оправданіемъ, кое было и естъ смѣшного роду, лишъ больше раздражилъ праведной судъ, и безъ того уже довольно раздраженной тройственнымъ его клятвопреступленіемъ понеже казалось всему собранію не простителнѣйшимъ его явная насмѣшка надъ присягою отъ самого разбою. Да и конечно подобный поступокъ въ состояніи взбѣсить и не запорозцовъ! Онъ, сказывали, какъ скоро атакуетъ было

ватагу, то къ оной приступъ начинаетъ тѣмъ, что кричитъ во все горло на несщаснихъ чумаковъ, грозя имъ, тако: „Звертайте, чортови люде набѣкъ, коли не хочете, що бъ мы вамъ вѣдпаточили обидва! Хиба вы не знаете, що я въ святои Покровы присягъ передъ попами и передъ панами, що бъ не кого не драти на шляху? Такъ знайтежъ теперъ, що я, будучи рѣдный козакъ и христянынъ бариша, чесного свого слова нѣколи не забуду и недобрихъ сынѣвъ, не квамъ рѣчь, мужикѣвъ безъ милости драти буду, поки живъ на свѣтѣ". Въ чемъ онъ и устоялъ, какъ постоянный запорожецъ и какъ знатный разбойникъ, а какъ прибавить къ тому Писменного, то и выльется изъ щербиновского степенного козацтва товариша превеликои руки плутъ, но къ нещастію черезъ чуръ перемудривший.

Набожность, вездѣ на слѣдственно царствующая надъ благословенною простотою, издревле узаконила на Запорожьѣ достохвалный обичай, не казнить ни кого изъ осужденныхъ безъ отправленія надъ всякимъ церковныхъ обрядовъ; особливо жъ наблюдается съ точностію не вѣшать ни одного вора, пока онъ не высповѣдается, не разрѣшится и не приобщится святымъ тайнамъ. Въ слѣдствіе того, и не осужденнымъ ворамъ душеполезнаго, узаконенія, сѣчевое духовенство приготовило грѣшного Григорія къ отправкѣ на тотъ свѣтъ, гдѣ, по мнѣнію вѣрныхъ богослововъ нѣтъ суда для тѣхъ, которые здѣсь осуждаются, сами признавъ грѣхи своя; да и вѣрно: оправдаются и разрѣшаются по правиламъ церковнымъ.

За отправленіемъ священникомъ христіянскихъ и не потребнымъ душамъ не обходимо потребныхъ требъ въ пушкарнѣ, подкатки, или подпанки—все одно!—подпушкарій и поддовбишій сняли съ Похила, уже на смерть готового, желѣза, коими онъ былъ об-

ложенъ съ ногъ до голови, ибо не ловко было бъ ему идти съ поспѣшностію къ посредственному концу не посредственно худой своей жизни, си рѣчь, къ высилице, къ коей когда онъ шелъ почти веселыми ногами, ему слѣдовалъ самъ велможный панъ, по обичаю въ препровожденіи всѣхъ второкласныхъ гражданъ до Кошеиванцовской могилы, при коей стояла на готовѣ всегда и не одна высѣлица, за форстатомъ, на полъ дюжой версти, столько жъ и оттой дороги, по ней же я воротясь изъ Саксагани (18) въ Сѣчь, въ самой тотъ день же и часъ, въ няже нещасный Похилъ по заслузѣ и по обикновенію повѣсылъ себя самъ, оставивъ на вѣчную себѣ память странный образъ истинного покаянія. Странный, говорю, по тому, что когда онъ шелъ на смерть поносную. и когда священникъ съ церковниками, слѣдуя за нимъ, отправляли еще надъ живымъ послѣдованіе за умершими, тогда живой мой мертвецъ не выпустилъ сърукъ книги, пока самъ не прочолъ канона на исходъ своея души, не сумнѣнно чающія воскресенія мертвыхъ душъ и тѣлъ. На конецъ онъ взлѣзъ на телѣгу, стоящую подъ высилицею и, держа въ рукахъ петлю, къ верхней перекладинѣ привязанную, прочелъ символъ вѣры во услышаніе всѣмъ, зрящимъ на безподобное его мужество. Въ заключеніе жъ того и за совершеніемъ всего христіянского долга, испросилъ у всего почти плачущаго по немъ козацтва прощеніе, и когда уже вся совершишася, тогда истинный мой христіянинъ, наложивъ петлю самъ на свою шию, повѣсился. Въ то самое время, когда онъ прощался со всѣмъ свѣтомъ, его судба, какъ казалось многимъ, вздумала было и еще что-то съ нимъ дѣлать, не сдѣлала однако жъ; при всемъ томъ, что научила было многихъ зрителей страннострашного того зрѣлища самимъ легкимъ способомъ его избавить отъ смерти. Что могло бъ и быть въ са-

момъ дѣлѣ, если бъ всѣ вдругъ закричали на коня, катомъ служившаго, но кой чувствуетъ не менше палача, вСѣчѣ ни когда не бывалого, однако чувствуетъ тогда, когда стараются спасти жизнь уже умирающаго козака, стоя на возу подъ висиліцею; слѣдственно онъ заблаговременно увозытъ возъ изъ грузомъ, не давъ времени самому сдѣлатся своимъ катомъ, какъ то, сказуютъ, въ Сѣчѣ случалось и не съ однимъ шибеникомъ. Но въ подобномъ случаѣ нужно, чтобъ тотъ подкатокъ, который стоитъ хорошаго ката и который держитъ узду собой занузданного коня, испугалъ съ умыслу, чихнулъ, кашелнулъ, или закричалъ на того жъ самого коня, на коего послѣ хотя и во все горло кричитъ войсковый судя: „ловѣтъ! ловѣтъ!“ однакъ конь, отъ того болше испугавшись, увозытъ не повѣшенного высѣлника столь далеко, что пока его найдешъ, то и не узнаешъ между множествомъ его побратимовъ, кого изъ нихъ напередъ должно повѣсить, изключая самого того подкатка, который даровалъ отъ себя было потерявшему жизнь.

Естъ, и лучше сказуютъ, былъ въ Сѣчѣ другій способъ избавленія отъ смерти, Похиловой подобныя, въ коемъ и самой не щастной находилъ щастіе, когда находилась на перекладинѣ ветхая веревка, либо новая, ветхой учиненная неизвѣстнымъ осужденному отцомъ, который по человѣколюбію, сискавъ время, тайно подрѣзываетъ снурки, составляющіе ту вервъ, и подрѣзываетъ ихъ такъ искусно и столь глубоко, что она, не имѣя въ себѣ силы держать собой запутанного полумертвого тѣла, роняетъ на траву, либо на снѣгъ живаго человѣка, не оставывъ у него на шеѣ знака, по коему можно бъ было кому узнать того, кто сорвался съ высилици.

Третій способъ, кой хотя и рѣже первыхъ бывалъ спасеніемъ отъ смерти осужденнымъ на смерть,

мнѣ кажется, да и всякому можетъ казатся не въ предосудителномъ, но въ естественномъ образѣ. На ходились въ Сѣчѣ, по сказкѣ пластуновского Полукопка, и такіе удалцы, каковъ былъ Похилъ. Сей послѣдный, ежели вѣрить Безногому Якушѣ титаровскому, былъ почти богатирь. Чимъ, если будучи, моглъ бы онъ, пожелавъ воскресить умирающую жизнь свою, безъ ножа перѣрѣзать однимъ напряженіемъ силы своеи ту веревку, якая его однако жъ задавила не иначе, какъ давила и небогатирей, когда онъ не только не хотѣлъ, или не могъ употребыть себѣ спасенного того средства, но еще и другихъ увѣщевалъ не мѣшать ему умереть христіяниномъ и по козацкій, т. е. не на лавѣ; ибо по комѣнницкому, если не по дурацкому мнѣнію, естественная смерть предоставленна, ни какъ паномъ Хмелницкимъ, однимъ бабамъ и другимъ мужикамъ; а что касается до козаковъ, особливо запорозкихъ, то тѣмъ лишъ и простително умереть на подушкѣ, якіе, къ нещастію безтолковой бравури, доживутъ съ умомъ до глубокой старости.

И такъ ли, или инаково думалъ мой, и лучше сказать, Якушинъ, мнимо Самсонъ, того знать не кому, а то вѣрно, что самъ войсковый писарь, велможный панъ Сукуръ Олекса увѣрялъ многихъ въ томъ, что якобы велможные и не велможные панове атаманы рѣшались въ четвертой разъ пустить на свѣтъ того жъ Похила, который будто бъ, поблагодаря произволныхъ своихъ отцовъ за неожидаемую ихъ милость, говорилъ имъ слѣдующую рѣчь.

„Милостивые панове и батьки! Поздоровъ, Боже, вашу салу (19) и спаси души ваша за вашу ко мнѣ грѣшному передъ Богоъ и передмь вами потеряную любовъ и все. Вы самы бачите тее, що я думаю, що мнѣ народу на писано умерти не своею смертю, якая коли не теперъ, то въ четверъ (sic) прійде до мене вѣдтого, що родимая моя охота къ войнѣ не дасть

мнѣ покою нѣ въ день, нѣ въ ночѣ, поки мене не пожене упять на голову рѣзати не вѣрныхъ жидовъ и ляховъ, за якими не знати къ чому стоятъ рубомъ противъ насъ панове наши православные судирѣ. А затимъ буде тее, що коли не воны, то ляхи, поймавши мене въ катовскіи свои руки, за правлятъ туди, куди ити и нѣкому не на руку. Вы жъ бачите и те, що я знимы по вархолився, та й дуже; знаете жъ и те, що воны головніи мои вороги, и якъ недовѣрки, то и вѣрного запропастятъ съ душею и тѣломъ, уморивши безъ попа. Хочай я и грѣшенъ, но вѣрный и благочестивый христіянинъ, почему и боюсь вѣчной муки паче временной смерти, и потому то и добровольно иду, якъ заслуживъ, приняти смерть, нехай и на шибеницѣ, лишъ бы мене простивъ Богъ! Тай проститъ по неложному сему писанію: „Иже разрѣшите на земли, разрѣшенъ будетъ и въ небѣ“. Взаключеніе жъ сказалъ онъ же: „Батьки и товариство! Хочь вы мнѣ вѣрте, хочь нѣ, а я вамъ говорю по правдѣ и по совѣсти, якіе за мене ручатся въ томъ, что я во уваженіи души и вѣчности почитаю себе щаслившимъ несравненно больше всѣхъ тихъ, якихъ давно уже часъ вѣшати, а воны ище не на шибеницѣ“.

Я признаюсь по совѣсти, что меня увѣряетъ не то, что мнѣ самому говорилъ Чугуивецъ подписко, ибо я, къ нещастію крючкотворства, отъ природи не снабженъ такимъ качествомъ, кое вѣритъ всякому духу и безъ сомнѣнія вѣритъ и всякому писарю; а то, что вышереченное слово естъ согласного смысла съ тѣми христіянами, которые почитаютъ, зная исторію двухъ греческихъ імператоровъ Маврикія и Фоку, перваго благочестивымъ христіяниномъ, втораго нечестивымъ мучителемъ, что, кажется, имъ пристанетъ, и такъ плотно, что и всѣ Вэлтернѣсти (20) отклеить не могутъ.

Извини, братецъ, краткость моей памяти; она причиной тому, что я позабылъ, къ чему прилѣпилъ покойного Похила поминъ, но который, какъ не бываетъ безъ кутьѣ, то я какъ нибудь ее состряпаю тепера же.

Нынѣ поминаемій рабъ божій Григорій—герой до смерти, а при смерти волею или неволею, однакъ, посредствомъ рукъ своихъ, зацепясь затилкомъ и бородой за веревку, крѣпко привязанную къ верхней части высилицы, высѣлъ на ней тридни, и може бъ захватилъ и четвертого, если бъ переясловскій козакъ Павло Гнипъ не принудилъ нищихъ квартою горѣлки, которые по забыли было похоринить его тѣло, до того уже опустившееся, что ноги болшими палцами досягали земли; то-то и подало реченному Гнипу поводъ выговорить безпамятнымъ калѣкамъ слудующее: „Слухайте, сыны! чи вы ляхи, чи жиды, коли не зроду слѣпого люде недобріи? А коли мы не вгадали, то хиба вамъ повылазыли на лобъ, коли не бачите сподлѣбя (=сподлобья), що, царство небесное, Похилъ, стоячи на вспинячки, выглядае васъ три днѣ“—„А ти жъ хиба дурень, отвѣчалъ Гнипу кисляковскій Павло жъ Лемѣшка, коли вѣришъ по смерти тому, кому и за живота було не треба вѣрити; такъ повѣрь же и мнѣ въ семъ словѣ: я съ тобою заложусь, во що ты хочь, бо знаю дѣсне, що въ небожчика було двѣ души, изъ нихъ одну повѣсыли, съ тѣломъ, а другую хочь и тожъ повѣсыли, та все таки вона жива; що коли такъ, якъ есть и буде, то и Похилъ не умеръ, а стоя на цыпахъ, выглядае, чи не ѣде вѣдки (21) ватага ему на подпомогу. якъ вѣнъ теперъ выголодався на всячину“.

Отецъ Мартиніянъ, сказать вамъ самую отборную правду? Вотъ какую: я, въ разсужденіи природной вашей склонности не къ тѣлесному труду, долго ищучи вездѣ, но ни гдѣ не нахожу способу, какъ бы увернутся отъ васъ, не заслужа себъ непріятного

имени многоглаголивого отца Гликерія. Того не забавнѣе можетъ быть намъ, когда вздумается вамъ поставить меня вравновѣсіи съ бывшею монахинею Агрипиною, славною и подъ старость пѣвицею, въ славѣ реченному отцу не уступающею. Того въ отвращеніе я васъ увѣряю, что нижеслѣдующая, такъ сказать, трагедія можетъ быть послѣдней въ нашемъ повѣствованіи, лишъ бы намъ не забыть честного своего слова. Не надобно жъ намъ таить грѣха, а лучше сказать по совѣсти вотъ что: ежели бъ я находился въ Сѣчѣ при смерти конеловского атамана Юрка Макогоненка, какъ то при Похиловой, то нелзя статся, чтобъ и сія послѣдняя повѣсть уступила первымъ въ родословіи; а по елику она взята изъ расказовъ другихъ, хотя и достовѣрныхъ разказщиковъ, то я долженъ расказать ее вамъ, какъ можно по коротче.

Въ Сѣчѣ, при панствѣ грозного кошевого атамана Ѳеодора Григоровича Лантуха (22), въ сходкѣ узаконенно возлагать долгъ на того атамана, котораго куреня разбойникъ буде обявится гдѣ бы то ни было. искать его, либо куренемъ отвѣчать за всякую претенцію, чья бъ она ни была, лишъ бы была доказанна справедливостію. Разумная сія политика, не безосновательно кошевымъ выдуманная, не тщетно лстила правителство, не винно терпящее отъ невѣдущихъ его существа, въ конецъ изтребить порокъ, кой укривался у отважнѣйшихъ атамановъ, подъ рукой торговавшихъ заповѣднымъ товаромъ съ разбойниками.

Еще не успѣли атаманы одни поправить другихъ, какъ извѣстно учинилось въ Кошѣ, что будто бъ полтавского куреня козакъ Иванъ Голый, набравъ себѣ подобныхъ удалцовъ чату, съ коею и бурлитъ по Украинѣ. Правителство, не ожидая отъ того ничего доброго, приговорило въ собраніи послать за

Голымъ богатую обьѣздку, говорю по запорозкій, въ предводителствѣ того жъ полтавского куреня атамана Аѳанасія Кулика, знакомаго намъ земляка, ибо онъ изъ самои Полтавы родомъ. И такъ мой Куликъ, получа ордеръ отъ Коша, полетѣлъ за Голымъ, котораго по своему несщастію нашелъ скоро и взялъ безъ кровопролитія и котораго, связавъ руки на задъ арканомъ, велѣлъ своей командѣ привязать его къ своему коню. Того за учиненіемъ, они воротились на задъ съ побѣдою и съ Голымъ трофеемъ, въ совершенномъ благодушіи веселящеся, яко обрѣтшіи многую користь, ни отъ куду не ожидая того нещастія, кое ихъ встрѣтило на возвратномъ пути и кое того жъ дня всю ихъ радость превратило въ печаль и славу въ стыдъ. Бѣдные наши земляки! Мнѣ, право, ихъ жаль, да чимъ пособить!

Они, сказуютъ, ѣхали степомъ, кой называется Великимъ Ингуломъ; тамъ-то встрѣтило нашего пана Кулика постиждающее и по смерти нещастіе, когда онъ ѣхалъ въ передѣ съ однимъ своимъ плѣнникомъ, а вся его команда оставалась на задѣ. Не искусной въ воровскомъ ремеслѣ, какъ полтавскій мѣщанинъ, и въ самомъ дѣлѣ носатой, а не головатой Куликъ по забылъ взять предосторожности, необходимо нужной имѣющому при себѣ отчаянного розбойника, который лишъ увидѣлъ, что нѣтъ въ близѣ ни кого съ команды, и самъ командиръ, зѣвая то на небо, то на землю, ни о чемъ не думая, то Голому, который не спалъ, разсудилось за благо въ полминути сочинить то, чего никто не ожидаетъ отъ безрукого юзника, но который, Самсономъ не будучи, не умѣетъ развязиватся напряженіемъ силъ своихъ, какъ то съумѣлъ показать Голый тотъ полуСамсонъ, которому уже было не трудно кончить съ успѣхомъ спѣшностію начатое разбойничьего ремесла дѣло. Сказать коротко: онъ, не упуская щасливого случая, отчаян-

ному въ жизни жизнь и честь обѣщавающаго, вмигъ сдѣлавши изъ полубѣшеного себя страшнѣйшую фурію, на палъ на дремлющаго (гайду) атамана, сорвалъ его сконя, повергъ на землю, его самого саблею отрубилъ его жъ и голову и, взлетѣвши на его жъ коня, ускакалъ прежде, нежели задніи кулики разглядѣли, что передній не на конѣ, а въ травѣ лѣтаетъ и безъ головы.

Толь странноужасная нечаянность на чистомъ полѣ, умильное зрѣлище представывшая, привела весь тотъ отрядъ, который не заслуживаетъ одного имени даже кіевского полку козаковъ, въ такое изумленіе, что они, позабывъ гнатся за убійцею ихъ несчасного командира, принялись ловыть его голову, которая, какъ коникъ, пригая въ травѣ, тщетно искала стараго своего мѣста на томъ, еще при жизни почти безголовомъ, трупѣ, кой, имѣя еще жизненную въ себѣ силу, тщетно жъ силился самъ собой себя жъ и поднять, не будучи уже Аѳанасіемъ, не довольно Діонисія, который, по церковной исторіи, два поприща неслъ самъ свою отрубленную голову. И какъ бы ни было то, чему теперъ не вѣрятъ почти и не одни французы, я вѣрю всему тому, чему всякъ долженъ вѣрить не менше сей истинны.

Тѣмъ часомъ, когда живые кулики не знали, что дѣлать изъ мертвымъ, Голый орелъ, щасливо обмохнатѣвши въ минуту, улетѣлъ такъ далеко, что полтавскимъ зѣвакамъ не оставалось иного дѣлать, какъ только скрить въ землѣ предметъ, на вѣчно ихъ постиждающій.

На семъ мѣстѣ имѣлъ бы я случай воздать насмѣшку своей насмѣшкой козакамъ, которые любятъ забавлятся не только надъ свѣцкімъ духовенствомъ, но и насъ не миная при случаѣ, коего они не пропускаютъ мимо сего, не сказавъ: „На безлюдѣ и попъ человѣкъ“, толкуя пяную свою выдумку похмѣлною

вотъ какъ: „Коли попѣвъ вѣзъ загрюзне въ болотѣ и коли нѣкому его выратовати, т. е. изъ болота, то и пѣпъ, а часомъ и протопопа, въ коему ляхи находятъ полтора хлопа, лѣзе въ болото, якъ и паламарь".

И симъ то тѣ пяные не трезвыхъ ругатели и меня принудили публиковать о томъ, что запорозкіе козаки, въ степахъ живущіе, по зѣмовникамъ, постригшись въ дураки, сами собой дѣлаясь не людми, часто бываютъ и попами. На дикое ихъ поповство я, если бъ не былъ самъ трехъ куреней козакъ, не преминулъ бы тутъ же напечатать патента, достойного ихъ не преподобія своечинію, въ коемъ увидѣлъ бы всякъ, какъ наши пересмѣшники по суботамъ, особливо по сочелникамъ кадятъ херувымскимъ ладономъ бывшіе святыми образа, ветхостію обезображенные, особливо тѣмъ, что безъ подпису ни кто не узнаетъ ихъ первообразного лица; какъ на Крещеніе святятъ воду, а если и не святыли въ новъ, то старою кропили свои, признатся, истинно христіянскіе хати; какъ они жъ ранніе своѣ очинаши читаютъ надъ горѣлкою и тѣми жъ очинашими благословляютъ рыбу, щербу и тетерю,—не говорю про галушки. Не скажу такъ же и о томъ, какъ они лазятъ на вербы выглядати Великодня; умалчиваю жъ и о паскахъ, безъ коихъ они не розговѣются на свѣтлое воскресеніе, которое не будетъ свѣтлимъ, если оно съ собой не принесетъ въ бѣдныхъ зѣмовникъ, либо не пришлетъ изъ богатого на худой щотъ полъ копы красныхъ яицъ, коихъ, за неимѣніемъ, сказуютъ, будтобъ мѣняне цалуются варенымъ раками и пр.

Что все имъ уступивъ, я скажу лишъ то, что они бываютъ, правда, по нуждѣ, однако жъ попами, когда умершаго безъ попа погребаютъ сами, особливо во время заразы, по ихному чумы, якая на Запорожѣ бываетъ въ годъ четири раза, т. е. лѣтомъ, зѣмой, осенью и весною, и коей по прошествіи (не извѣстно

когда) привозятъ изъ Сѣчи приходского іеромонаха, который, какъ скоро отправитъ похоронъ и запечатаетъ гробъ, то они, отпоминавъ его горѣлкою въ мѣсто кутьѣ, бываемой надъ умершимъ и погребеннымъ, насипаютъ большую, или меншую могилу по знатности покойника, какъ то былъ панъ Куликъ, надъ которимъ его бывшая команда насыпала, хотя и не великую могилу, однакъ довольно ее станетъ на всегдашнее защищеніе чести, не винно терпящихъ, наравнѣ съ разбойниками, запорозкихъ козаковъ, достойныхъ почтенія, а не уничиженія, собой уличая глаголющихъ на праведной (=ый) Кошъ беззаконіе, по меншой мѣрѣ думающихъ, что будто бъ правителство само, помогая ворамъ, давало пашепорти идти на разбой, что естъ и будетъ сущая ложъ. Не менше того оправдаетъ запорожское правителство отъ зависти и ненависти предъ свѣтомъ обнесенное, трагедія, произшедшая отъ тѣхъ же полтавского куреня козаковъ, которіе послужили Кошу отрядомъ своему атаману попами, а конеловскому атаману поносною смертію. Они, возвратясь съ походу, ихъ постыждающаго, въ Сѣчѣ былы взяты подъ допросъ въ сходку, гдѣ всѣ 50 единогласно сказали, что якобы убившій Кулика разбойникъ конеловского, а не полтавского куреня козакъ, и не Голый, а Мохнаха по прозванію. Конеловскій атаманъ, бывши въ собраніи, не повѣрилъ полтавской ихъ сказкѣ, слѣдователно и Мохнахи не признавалъ за свого курѣнного. При всемъ томъ правителство, не взырая на его невѣріе, велѣло ему искать свого, или не свого Мохнатого, или Голого разбойника, на что онъ, какъ не соизволилъ ни счего, то тѣмъ и подалъ на себе подозрѣніе собранію, чимъ заставилъ президента, Петра Ивановича Калниша, послѣднего кошевого атамана, сказать ему откровенно, что онъ самъ разбойникъ. На сіе отвѣчалъ атаманъ, сказуютъ, тако: „Тобѣ, велможный пане, вольно

думати посвоему и говорити все, що ты хочешъ; а мене все вѣско знае, да и самъ здоровъ знаешъ, що я не такій, якъ ты гадаешъ; ты жъ знаешъ не менше всѣхъ насъ, що вже давно минулися тіи роки, що роспирали боки, а съ тимъ минулось и те, що тіи только були и рѣдныи козаки, якіи думали, що стѣлько грѣха за ляха, скѣлько и за жида, а воны обидва не стояли однои цыбулѣ, а теперъ на ставъ такій грѣшній вѣкъ, що коли козакъ хочь не хотя и хочь не на смерть заколе жидовку, то іого и повѣсятъ, лишъ бы поймали недобріи сыны. За нашоѣ памяти було, хоть я тогда и не бувъ козакомъ, а може и на свѣтѣ, якъ, царство небеснее, Иванця насилу все вѣско упрохало, щобъ вѣнъ покинувъ ту, яку водивъ на добичь, чату, и таки заразъ ставъ кошовымъ. А якій вѣнъ бувъ кошовый, то про то знае и самъ фонъ-Миніхъ".

Сей отважного атамана голосъ столь тронулъ кошового, что онъ, ни у одного атамана не спрося голосу, далъ свой: „Повѣсыть дерзкого того атамана, ежели онъ не сищетъ того разбойника, кто убылъ Кулика и кто можетъ заступить его мѣсто", разумѣется, на шибеницѣ.

Конеловскій атаманъ, не видя примѣра, по чему бъ можно было повѣсить курѣнного атамана и при томъ не уповая, что бъ кто изъ его со атамановъ согласилъ свое мнѣніе съ строгостію кошового, сказалъ еще громче, что онъ умретъ не прежде, какъ увидя всѣхъ, заслужившихъ смерть на шибеницѣ. Не отгадалъ онъ однако жъ, понеже изо всѣхъ сорока членовъ ни одинъ не осмѣлился ни пикнуть противъ кошевого, который, хотя показать надъ нимъ примѣръ. тогда жъ повелѣлъ Глобѣ, войсковому писарю, написать и подписать, въ мѣсто обикновенного общого приговора, одного его декретъ, а священникамъ приготовить на смерть того безрасудного храбреца, который однако жъ не только не орабѣлъ передъ

смертію, но и во увѣнчаніе сумозбродства, въ самой тотъ день, кой былъ послѣднымъ въ глупокозацкой его жизни, выбрался, какъ къ сватбѣ и, одѣвшись въ парчовое свое платье, пошелъ къ шибеницѣ, какъ доброй солдатъ на сраженіе со смертію, но которая, сверхъ чаянія, его побѣдила и умертвыла.

Хотя безразчотной атаманъ больше отъ себя, нежели отъ суда, безвинно почти его осудившаго, повысъ такъ, какъ вѣшалися и простие воры, однакъ его похоронили не нищіе, а курѣнные его козаки и въ томъ же богатомъ платьѣ, на якое нищіе взырали, сказуютъ, косо. И какъ бы то нибыло, конеловцы, похороня его благопристойнымъ старшинѣ образомъ, въ славу его и честь на сыпали надъ его трупомъ точно такую могилу, какъ и полтавцы надъ своимъ Куликомъ. Тѣ жъ саміе могили я самъ видѣлъ такъ одну, какъ и другую. Да хотя бы и ни одной не видалъ, то какъ они єстъ, то будутъ и всегда дѣлать нѣмыми глаголющихъ на бывшихъ праведными беззаконіе.

Отецъ Мартиніянъ! Сказать ли вамъ по моей правдѣ что? А вотъ что. Если бъ я небоялся теперъ выдать себя за пророка, то охотно бъ пошелъ въ отгадчики. Все жъ таки думаю, что вы хотите знать, кого я думаю взять въ проводники къ той моей дорогѣ, якую почти самъ не знаю, какъ потерялъ и отъ якой подался въ бокъ и такъ далеко, что принужденъ идти мановцемъ и потѣть тамъ, гдѣ я мимоходомъ, и лучше сказать, перомъ накурганилъ двѣ могилы на вѣчную память двухъ выше отпанихиженыхъ покойниковъ, что я учинилъ ревнуя по правдѣ и по долгу правдолюбиваго христіянина, особливо жъ для нашего почтенного земляка Аѳанасія Кулика; и къ сему какъ прибавить курѣнного, то и выдетъ ровно тетрадь бумаги, я которую спортилъ, кажется, не даромъ.

Между тѣмъ, дабы намъ не слонятся то напра-

во, то налѣво, я поворочу къ одной и вотъ къ какой: я покажу вамъ, отецъ мой, ту причину, якая посорила учоныхъ нашихъ діяконовъ, Іоасафа Тихоновича и Іоаникія Святковского.

Обикновенно въ Сѣчи находившійся началникъ духовенства давалъ богатой столъ всѣмъ велможнымъ панамъ и курѣннымъ атаманамъ въ чернецкомъ дворѣ на другой день свѣтлого воскресенія. Обикновенно жъ и то, что самъ началникъ, за не имѣніемъ ни лакеевъ, ни офиціянтовъ, служивалъ у столу на равнѣ съ подначалными іеромонахами и іеродіяконами. По нещастію тогдашней перемѣны, особливо простосердечного ихъ настоятеля іеромонаха Пафнутія, находились въ чорной его свитѣ два діякона, которые не посредственно превосходили самолюбіемъ, бывъ оба учоны, хоть то и не всѣ умѣли болтать полатини, какъ то, напримѣръ, первой діяконъ и уставникъ, который только и вынесъ съ собой изъ кіевской бурси, что одинъ когномѣнъ, ибо онъ вошелъ въ ученіе Гриценкомъ, а вышелъ изъ ученія Григоровичемъ. Но его мнимоучоной спесѣ помогало (презыралъ всѣхъ) то, что онъ былъ родной племянникъ тогда бывшаго въ Межигорскомъ монастирѣ архимандрита В. Маевского. Про безименного, по козацкому языку, діякона Іоаникія Святковского не могу ни чего противного сказать превосходной его риторикѣ, кромѣ, что какъ бы она ни шутила, все жъ кажется не простително и не учоному дураку поступить такъ, какъ тѣ учоные діяконы поступили тогда, когда не бывъ довольны тѣмъ, что не разсудили за благо явить себя пировѣ, но въ дополненіе не простителной своей блажи, отецъ Святковскій назвалъ христіянскій тотъ пиръ жидовскою синагогою, ясне велможного Кажана кошевого атамана Ивана Ивановича (23) слѣпорожденнымъ Иродомъ, велможного пана судю Максимця Калниболотского Анною

Иродіядою, велможного пана асаула Ивана Третяка архиспекулаторомъ, а не велможныхъ пановъ пушкаря и довбиша оберъ и ундеръ палачами, велможного пана писаря Алексу Сукура и подписка Шафрановского Костюка порожденіемъ ехидниымъ, курѣнныхъ всѣхъ атамановъ Авраалимъ сѣмямъ не по обѣтованію, но по естеству глупимъ (=пымъ), греческого архимандріта Хрисанта, котораго я нашелъ въ Акрахъ Филоѳеемъ и который случился на томъ же трактаментѣ, книжникомъ и фарисеемъ, самого начальника Каіяфою, а подначалного и третяка іеромонаховъ архитриклинами, клинъ клиномъ выбивающими лбами въ мѣсто долбнѣ, бывшаго жъ кошового атамана Якима Игнатовича понтійскимъ Пилатомъ и гемономъ. Благо, что по забылъ Юду!

Святковского мною показанный тутъ панигирикъ не остался ночевать тамъ, гдѣ онъ его говорилъ за келію, понеже школной атаманъ Грицко Воликъ въ тотъ же часъ перенесъ его съ козацкой школи въ чернецкій дворецъ. Началникъ, того и жадавшій, что бъ наказать при удобномъ случаѣ гордость своихъ діяконовъ, чего онъ и не пропуская мимо обиженой Святковскимъ пиръ, тутъ же обявилъ кошевому и другимъ старшинамъ о томъ, какъ думаютъ про него, да даже и про всѣхъ пановъ говорятъ нескромнѣйшіе его діяконы.

Ясневелможный нашъ панъ Кажанъ, услыша о томъ, чему не моглъ вѣрить, пропустилъ все мимо уши; ему жъ послѣдовала и вся почти веселая компанія, не нашедшись съ охотой мѣшатся въ чернецкіе вздоры, изключаю одного Якима Игнатовича, и бо онъ было одинъ вступился за всѣхъ, особливо за начальника, но котораго тогда онъ же и покинулъ, когда войсковый писарь велможный панъ Олекса Сукуръ, ставши противъ него въсукъ, взялся всею силою оборонять своего друга Святковского, явную сатиру

ставя въ обикновенную ему шутку. И уже довольно опасное Святковского дѣло стояло недалеко отъ безопасности, особливо тогда сближалось къ хорошему концу, когда писарское мнѣніе подтвердилось большинствомъ голосовъ больше веселого, нежели честолюбиваго того общества, которое, во уничтоженіе безъ разбору пустого того вздору, сказало тако: „Меншій нашъ дяконъ бачитъ такъ, якъ и старшій, коли и не такъ, бреше, якъ песъ; да якъ же и не такъ, коли мы ни трохи не жиды; а коли хто намъ въ томъ не вѣритъ, то мы ему покажемо тее, по чому и не лацѣнникъ пѣзнае жида, турчина и татарина, а съ того и выйде наопосли, що и ученіи брешутъ такъ же, якъ и простіи попы“.

Поповичевского атамана Олексы выше сказанная сентенція толсто нарумянила и безъ того багровые началничьѣ ланити, а еще толще на бѣлыла все лицо іерусалимского архимандрита, который головой не зналъ запорозкого нарѣчія, кое и простыхъ монаховъ глупополагаетъ въ попы, взялъ себѣ за обиду то, что само собой показуетъ запорозкую шутку. Затѣмъ онъ, когда стало ему легче, вступилъ съ писаремъ въ ниже слѣдуюшее словопрѣніе, кое и началъ симъ вопросомъ: „Знаете ли вы, велможный пане, что на еллиногреческомъ языкѣ значитъ діяконъ“.—„Знаю, твое преподобіе, отвѣчалъ ему писарь, очень хорошо“. Сказавъ, архимандритъ продолжаетъ: „Посмотримъ же на ваше знаніе, коимъ вы хвалится изволите и коего небезосновательное мое сумнѣніе не ожидаетъ ни отъ одного свѣцкого человѣка, особливо отъ штатского“.

Писарь. Ты и не ожидая, можешъ его дождатся, не думая однако жъ такъ, какъ то многіе изъ духовныхъ мнятъ, да даже и говорятъ по вашему, что будто бы ни одинъ изо всѣхъ мірожителей не можетъ знать ни церковныхъ правилъ, ни глубокой богословіи наравнѣ съ духовними.

Архимандритъ. Признатся, настоящій вашъ договоръ мене удивляетъ: развѣ у васъ такъ думаютъ и такъ заключаютъ о томъ, что естъ вовсе противно не только религіи, но и здравому разсудку? Убо я не понимаю, что бы то былъ за человѣкъ, которой бы не зналъ первой своей должности. Но я васъ увѣряю въ томъ, что у насъ найдешъ и не ищучи не только писаря, но можетъ быть и пономаря, который знаніемъ своей вѣры не уступитъ великому логоѳету, и вашъ договоръ заставляетъ меня думать, что можетъ быть у васъ между свѣтовыками и не много если находится охотниковъ знать порядочно вѣру свою, но о чемъ какъ нѣсть наше глаголати подробну, то я скажу по сущей правдѣ, что я толь крѣпкаго сложенія, что и нравъ мой не знаетъ ласкателства, особливо до правды и особливо до вѣры относящагося. При семъ подлежитъ сказать по правдѣ, что я, будучи съ природи горячого сложенія, то часто падаю отъ смѣха, то чаще выхожу ссебя отъ гнѣва, когда слышу, какъ про насъ говорятъ мірожители, что яко бы мы какъ не должны, то и не знаемъ ни чего свѣцкого; а этакъ думать едва простително и о такихъ духовныхъ, якіе не видавъ свѣта, не знаютъ ни души, ни тѣла, т. е. себя. Такъ подобно мы могли бъ заключить и о мірянахъ, которые по незнанію грамоти не знаютъ и правилъ церковныхъ, и еще, кажется, простителнѣе и грамотному монаху не знать гражданскаго закона правъ, нежели всезнающему мірожителю не знать своего закона, хоть бы онъ и не исполнялъ его въ точности. Что же касается до христіянина, вѣрящаго безсмертію души и чающаго воскресенія мертвыхъ тѣлъ и пр., то кто бъ онъ ни былъ и гдѣ бы ни жилъ, то всегда долженъ знать и, сколько можно, исполнять законъ свой, ради ползы душевной и ради тѣлесного своего здравія, при чемъ не забывая и того, что всякому беззакон-

нику нѣтъ безчестнѣе, слѣдственно и несноснѣе поношенія, когда его назовешъ беззаконникомъ. И какъ бы то ни было, самой вѣрной законопреступникъ не можетъ ожидать на вѣрно спасенія души своей отъ пастиря, въ коемъ не всегда найдешъ то, чего надѣешся; да и никто не можетъ возлагать своей вины на пастиря въ разсужденіи сего. Когда наемникъ потеряетъ не свою овцу и когда тотъ же наемникъ удоволствуетъ хозяина другой овцею, можетъ ли быть тѣмъ довольна пропащая овца? Но мы оставимъ пророка Іезекіиля читать богословамъ, сами жъ обратимся къ нашему слову, покинутому за пастирями, которые пасутъ себя и блятъ не о нашихъ душахъ. И такъ, велможный пане, еже ли вы знаете, что значитъ діяконъ, то можете знать отъ куду произошелъ и діяконскій чинъ. Но я весма боюсь, что бъ и ваше знаніе разбирать духовныхъ степены, не къ плотскимъ принадлежащіе, не явилося подобнымъ тому, кое не правилно присвояется всѣми мнимомудрецами, которые отъ пренебреженія священного писанія и отъ не знанія божія закона, на конецъ явной своей погибели дѣлаются такими философами, что ни Бога не боятся, ни людей добрихъ не стыдясь, блеютъ, какъ безсловесные овцы, безъ ималѣйшаго правдоподобія сравнивая христіянскую религію съ ветхимъ закономъ, да даже не отличаютъ ее и отъ Магометового беззаконія.

Велможный панъ писарь, выслушавъ съ христіянскимъ терпѣніемъ слово ревниваго по вѣрѣ архимандрита, признался въ томъ, что онъ не знаетъ почти ни какихъ книгъ, кромѣ св. писанія, чего въ доказателство началъ читать на изустъ, зная апостолския дѣянія, изъ коихъ и взялъ слѣдующее: „Во днехъ онихъ умножившимся ученикомъ бысть роптаніе еллиномъ ко евреемъ, яко презираеми бываху во вседневномъ служеніи вдовицы ихъ. При-

звавше же дванадесять множество ученикъ, рѣша: не угодно есть намъ, оставишимъ слово Божіе, служити трапезамъ. Усмотрите убо, братіе мужи, отъ васъ свѣдѣтелствованны седмъ, исполненны духа свята и премудрости, ихъ же поставимъ надъ службою сею, мы же въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ. И угодно бысть слово сіе предъ всѣмъ народомъ и избраша седмъ извѣстныхъ поимены діяконовъ". Вотъ ты и видишъ, отецъ святой, что мы знаемо!

Правдолюбивый архимандритъ, отдавъ честь знанію пана писаря, спрашиваетъ его: въ ступили лъ за тѣмъ новоизбранные тѣ діяконы въ должность трапезарей? „Конечно такъ"! отвѣтилъ писарь. „Такъ за чимъ же ваши діяконы, будучи ихъ преемниками, не исполняютъ своей должности"? „Какъ не исполняютъ, когда они сего жъ дня служили въ церквѣ, къ коей они и посвященны по чинополоненію". — „Настоящая ихъ служба, возражаетъ архимандритъ, ни какъ не соотвѣтствуетъ той должности, якую отправляли ихъ первые антицесори въ служеніи трапезамъ, и какъ прибавить вдовицъ, то изъ того выдетъ, что ваши діяконы не ставлятъ васъ и противъ старой бабы".

Велможному пану писарю весма не показалась архимандричая баба, коя и вывела его съ терпѣнія, заставила нукнуть слѣдующее: „Такъ укажи жъ, твое баболюбіе, римскимъ папамъ не дѣлать діяконовъ кардиналами, которые на вселенскихъ соборахъ засѣдали первые крѣсла".

Архимандритъ. То вѣрно, что папскіе нунціуси отнимали мѣста и у мѣстныхъ архіепископовъ, но не по чину, а по качествамъ. Такъ подобно и я предпочитаю здешней братіи отца Святковского не за то, что онъ рукоположонъ въ сослуженіе священнику при приношеніи Богу жертвы безкровнія, почему

онъ и облачается мѣшкомъ, яко рызою, но что его ученіе, коимъ онъ превосходитъ многихъ, особливо здѣшныхъ священниковъ, въ чемъ правосудіе всякаго и всегда отдасть ему справедливость, но которая, въ разсужденіи правилныхъ степеней, всегда его заставитъ служить священнику, который по званію, къ вѣрѣ привязанному, всегда естъ его пастирь, такъ же и діяконъ по своему званію всегда останется овцой, а не пастиремъ, хоть бы она и не менше пастиря была словесною.

Писарь. Желалъ бы я знать, если можно вамъ сказать, чимъ отецъ Святковскій у васъ заслуживаетъ себѣ облаченіе изъ мѣшка?

Архимандритъ. А тѣмъ, что эта то и естъ парадная и ординарная ливрея всего діяконскаго званія, увѣряетъ архимандритъ.

А по этому, заключаетъ писарь, мы догадиваемся, что бы своихъ діяконовъ всѣхъ поклали въ знакомые вамъ мѣшки, въ якихъ и на крѣпко завязали ихъ не извѣстными намъ правилами.

Архимандритъ. Нѣтъ, велможный пане, не право судилъ еси: мы знаемъ, что дѣлаемъ, да и вамъ надлежитъ знать, что наши діяконы и безъ завязки служатъ съ нами въ стихаряхъ, не какъ ваши чванются въ церквѣ, какъ архіереи въ сакосахъ.

Писарь. Чи втебе, отче, не сѣмъ недѣль въ одномъ тижнѣ? Вотъ по чему. Коли ты почитаешъ Святковского за учоного дякона, такъ за що жъ его посадилъ въ мѣшокъ? И ты жъ теперъ лишъ сказалъ, что яко бы діяконская да еще парадная ливрея мѣшокъ, такъ за чимъ же они въ нее не одѣваются ни въ постъ, ни на масницѣ? Не доволно жъ того, чего я не знаю, ты опять поправившись, якъ съ печи лбомъ, тѣхъ самихъ мѣшанъ, или мѣхоношъ все одно, говорю, діяконовъ одѣлъ въ архіерейскіе сакоси, по чему я думаю, греческихъ твоихъ и нигмовъ,

якъ мѣсяцъ перемѣняющихся, не разберетъ и самъ панъ повковникъ самарскій Игнатъ пяная Чмига.

Архимандритъ. Не только полковникъ, но и самъ панъ гетманъ Богданъ Хмелницкій не розберетъ, не зная того языка, на якомъ мѣшокъ называется сакко; то жъ самое будетъ и зъ паномъ писаремъ, пока онъ не доберется до выразумѣнія того, что подъ мѣшкомъ разумѣется сакосъ. Между тѣмъ вы можете себѣ припомнить, что я не говорю, что ваши діяконы служатъ по архіерейскій, но сказалъ лишь ту правду, что они служатъ въ сакосѣ, а не въ стихарѣ, по вашему въ подризникѣ.

Писарь. А стихарь и подризникъ, кажется, все одно.

Архимандритъ. Хотя вамъ и кажется то однимъ, что не естъ одно. Однакъ вы сами видите, что иное сакосъ или мѣшокъ, и иное стихарь, или сорочка, якая или якій обшитими рукавами идетъ подъ поручья и въ якомъ наши діяконы походятъ менше на вашихъ, не жели ваши на себя. Судите сами: ловко ли кому работать одѣвшись въ широкорукавое платья? Да и знаютъ ли у васъ, что у насъ и священники проскомисаютъ безъ фелоновъ, а діяконы, по вашему служители, подвязавшися?

Писарь. Ни какъ у васъ слуга и діяконъ берутся за одно?

Архимандритъ. Ни какъ нѣтъ не за одно! Но точно одно значитъ діяконъ служитель, съ тою только разностію, что еллиногреческое слово діяконосъ на гражданскомъ языкѣ употребляютъ не всѣ, на мѣсто чего кладутъ діяко и перетисъ, или копели, какъ то жъ и у васъ въ одномъ значеніи человѣкъ и служитель. И такъ мнѣ кажется, я изьяснилъ довольно, что еллиногреческое слово діякосъ порускій значитъ служитель.

Писарь. Признатся, я вашимъ почти неоспоримимъ доказателствомъ принужденъ быть доволенъ; не ручаюсь однако жъ за діяконовъ, у коихъ вы отнимаете священство, не взырая на то, что такъ же и они, какъ и священники, производются и рукополагаются отъ святытеля, имѣющаго на себѣ апостолскія характирь и власть.

Архимандритъ. То не оспоримо, что сеговременные діяконы производются по чинополоненію не бывалому въ первенствующей церквѣ, но для того не можно ихъ предпочесть первымъ архидіяконамъ, ихъ же священства какъ намъ не кажетъ тогдашнее народное собраніе, съ апостолскимъ рукоположеніемъ служити повседневнымъ трапезамъ вдовицъ: то сверхъ того, что имѣли первые діяконы, чимъ бы вы пожаловали настоящихъ діяконовъ и ихъ же настоящее рукоположеніе? Если вздумаете увеличить, то будете принужденны признать священство какъ чтеца, такъ и свѣщеносца, а наипаче поддіякона, совершенно могущаго заступать мѣсто діякона, понеже и послѣдные сіи церковнослужители производются и рукополагаются отъ святытеля, характирь и власть апостолскую не посредственно имѣющаго. Но вы тутъ скажете, спрашивая меня, для чего жъ тѣхъ, коѣ останутся безъ священства и рукополагать бы? На сіе мой отвѣтъ: яко тако бысть благоволеніе духовной власти, которая вся можетъ о укрѣпляющемъ ю Иісусѣ. Буде жъ вы паче чаянія, не довольны симъ отвѣтомъ, то я васъ закидаю такими вопросами, каковъ сей: можетъ ли діяконъ совершить хотя одно изъ седми новаго завѣта таинствъ?

Писарь. Конечно не могутъ не только настоящіе діяконы, но хоть бы и тѣ самие, которые на вселенскихъ соборахъ отнимали силою не духовной власти у многихъ епископовъ мѣста, въ отмѣнность правилъ, повелѣвающихъ всякому діякону стоять передъ свя-

щенникомъ, вздумали взятся не за свое дѣло, то немогутъ учинить ни же того, что св. апостолъ Павелъ повелѣваетъ чинить всякому, глаголя сице: „Исповѣдуйте другъ другу согрѣшенія своя“.

Архимандритъ, то плещучи въ лодоши, то треплючи по плечамъ писаря, сказалъ со смѣхомъ: „Браво, браво, велможный пане! Право судилъ еси и истино браво и право. Я доволенъ вашимъ отвѣтомъ, особливо тѣмъ, что вы сказали то самое, что мы думаемъ. Ну посмотримъ же дале! И зачимъ ходить далеко? Я тутъ же попрошу вашего рѣшенія на сію задачу: можетъ ли быть св. литургія отъ одного священника съ однимъ пономаремъ столь совершенной, сколь бываетъ съ однимъ, или съ многими діяконами?

Писарь. Такъ дозволь же намъ, твое преподобіе, спросить: не съ Ѳесаліи ль оно родомъ, гдѣ будто бъ спрашуютъ и о томъ, что всякъ знаетъ и безъ спросу?

Архимандритъ. Такъ о чемъ же намъ и спорить, когда мы оба согласны въ томъ, что простой пономарь въ небытности діякона въ священнослуженіи безъ нужди намѣститъ должность діяконскую. И такъ я въ доказателство моей вамъ дружби соглашаюсь съ вами во всемъ вышереченномъ нами и сверхъ того готовъ вступится за вашихъ діяконовъ, по человѣческой слабости опаснымъ шагомъ проступившихся предъ вами, особливо передъ своимъ на стоятелемъ. Что я по одному человѣколюбію все беру на себя, съ тѣмъ однако жъ, дабы они на передъ испросили у отца началника прощеніе за свою предъ нимъ ослушность и обѣщались бы въ предъ быть скромны и обходительны, тепержъ написали бъ себѣ на лбу для памяти, яко безъ всякаго прекословія меншее отъ большаго благословляется.

Того жъ дня въ вечеру услышали гордые тѣ діяконы о новой своей униформѣ изъ мѣшковъ и о

новомъ произвожденіи всѣхъ діяконовъ въ трапезарѣ (=ри) греческимъ архимандритомъ, что имъ, особливо Святковскому, столь не показалось правилнымъ, что онъ вознамѣрился было при первомъ случаѣ вступится за себя самъ, будучи благонадеженъ, съ помощію мнимонепобѣдимой его риторики, взять верхъ надъ обидѣвшимъ все діяконство архимандритомъ. Но въ чемъ надежда, лстящая, ему измѣнила, ибо за скорымъ извѣстіемъ того, что ихъ ослушность предъ началникомъ и колкая сатира на всю почти сѣчовую знатность, не осторожно учиненная, обѣихъ подвела подъ судъ того жъ правителства, въ коемъ какъ они не надѣялись найтить себѣ покровителство, то по нуждѣ прибѣгнули подъ покровъ святой своей Покровы, чего отъ учонихъ ни кто не ожидалъ. Но и тутъ они жъ ошиблись, ибо та самая молитва, въ коей все упованіе они полагали, еще больше увеличила и безъ молитвы не мало опасное для ихъ преподобѣя дѣло, и вотъ почему.

На той же свѣтлой недѣлѣ, въ среду, старшій діяконъ Варлаамъ Григоровичь служилъ на обѣднѣ; онъ, по прочтеніи евангелія, вышелъ на амвонъ съ служебникомъ читать ту ектенію, якую всякой діяконъ, да и онъ самъ, читивалъ на изустъ! Къ ихъ нещастію, особливо Святковского, Григоровичь не примѣтилъ, что его служебникъ притянулъ къ себѣ глаза всѣхъ почти находящихся въ церквѣ. И такъ онъ, слѣдуя своему положенію, прибавилъ къ обичной ектеніи необичную молитву, коя покажись слѣпому козацтву столь не въ своемъ образѣ, что они, взявъ ея за анаѳему, всклепали на несчастныхъ тѣхъ умниковъ глупѣйшую небылицу, яко бы они въ церквѣ проклинали войско запорозкое. Тщетно читалъ Святковскій, бывъ призванъ въ сходку, тужъ самую ектенію, коей содержаніе о искорененіи вражди и о умноженіи любви; тщетно войсковой писарь надривался

оборонять невиннихъ діяконовъ тѣмъ, что изъяснялъ содержаніе показанной молитвы, толкуя оную безтолковымъ тѣмъ невѣгласамъ, которые клялись ни ѣсть, ни напится, дондеже не убютъ Святковского, какъ жиды св. Павла, отъ чего онъ можебъ и не избавился, если бъ не пришелъ къ жалости готовыхъ уже жертвъ тѣхъ невинныхъ діяконовъ Якимъ Ігнатовичь, бывшій кошовой, но который былъ всегда силнѣе настоящаго Кажана и который, бывъ доволенъ самъ и другихъ удовлетворилъ тѣмъ, что осудилъ того, который черезъ чуръ перемудрилъ, разумѣется, Святковского, онъ приговорилъ на изгнаніе въ Самарскій, къ Кошу больше, нежели сколько къ Межигорскому монастирю, принадлежащой монастирь; куда отецъ Святковскій, оставя свое мѣсто нашему отцу Тихоновичу, скоимъ по бранясь не поучоному, отправился на пребываніе до будущой перемѣны.

Новая полтавского нашего мудреца Іоасафа Тихоновича честь хотя и помогла полтавскому монастирю на кластъ съ верхомъ два воза рыбой и два насыпать солью, однакъ вѣрной сынъ обители, говорю іеромонахъ Іоасафъ, тѣмъ контентъ не будучи, вздумайся ему уговаривать курѣнныхъ атамановъ, дабы они оставили Мижигорье и взяли себѣ за приходъ полтавскій нашъ монастирь, собой ручаясь, какъ мать за свою дочь, за то удовольствіе, кое все Запорожье почувствуетъ отъ нашей ко всѣмъ козакамъ привязанности. Къ нещастію его предпріятія тотъ, до безконечности не мудрій, прожектъ сколь ни казался замысловатъ, однакъ на конецъ такой показалъ успѣхъ, что мы слишкомъ довольны были однимъ тѣмъ, что хоть и безвременно убрались изъ Сѣчи, однакъ нѣсколько честнѣе отъ отца Святковского, разумѣется, не выгнанны и не плачучи. Да и зачимъ плакать, когда мы, которые приѣхали на однихъ пустыхъ глабцахъ и парою лошадми, выѣхали изъ Сѣчи карава-

номъ, прикоемъ угнали оттудужъ 16 верховыхъ лошадей, столько вывезли матеріи, сколько и галуну, сафяну, мишинъ (24) и пр., да сверхъ того увезли, взявъ изъ школы четирехъ молодцовъ, которые по своей милости поставили меня въ дорогѣ надъ собой атаманомъ, чимъ будучи я и приѣхалъ въ свое отечество, а того не скажу тобѣ, пане, что едва не нагишемъ и что не многочисланная (sic) моя чата въ честь своему ватагу припѣвала, си рѣчь мнѣ, приставалую пѣсню сію: „Въ атамана, въ атамана штанѣвъ нема; зложимся по таляру, купимъ штаны атаману“ (25). Козацкая сія пѣсенка, какъ меня ни румянила въ дорогѣ, но мы, оконча благополучно свое послушаніе, награжденны были тѣмъ, что, прибывъ въ свой монастирь, были встрѣченны самимъ ігуменомъ его высокопреподобіемъ Жолтовскимъ, который, увидя съ намы столько добра, сколько его было, и все для одного полтавского монастиря, чуть было не выкотился изъ ридвана, самъ будучи такъ толстъ, какъ ридванъ широкъ, и такъ круглъ, какъ та баба, коею вкалачиваютъ палѣ, или сваѣ. И на кого бъ онъ собой не походилъ, я ни когда не видалъ, что бъ родной отецъ дѣтей своихъ такъ усердно, какъ духовной нашъ отчимъ, благословылъ насъ вѣрныхъ св. обители чадъ, и бариша плачучи; и въ доказателство не изрекаемой своей радости, яко здравыхъ насъ и не съ пустыми руками пріятъ, насъ же посадилъ при немъ обѣдать, въ вечеру въ своей столовой спалнѣ, гдѣ все, что ни соблюдалось для его высокопреподобія въ панскомъ леднику, велѣлъ келейнику предложить намъ. Затѣмъ то и не осталось ни одного какъ вчерашнего, такъ и позавчерашняго, и такъ отъ линины, какъ и отъ лящины замороженого блюда къ завтрему, довольно, что не посмотрено въ щучіи зубы и четвородневнымъ товченикамъ. Мы изъ нашей стороны такъ же старались всею силою чернецкого апетита дока-

зать сыновскую нашу чувствытелность къ отеческимъ его милосердіямъ, сидя за столомъ, дондеже ни чего не осталось намъ дѣлать, занеже мы съ не изреченной радости, если не сголоду, все предложенное намъ безъ труда почти прибрали къ рукамъ. И съ того дня мы всѣ три бывшіе жебраки на стояще начали ползоватся отмѣнными преимуществами въ монастирѣ, по милости чадолюбиваго и правдолюбиваго нашего отца ігумена, Онъ тогда жъ велѣлъ намъ сложить рыбу въ полатѣ и соль ссыпать тамъ же, волы отдать на воловню и на конюшну лошади, а 450 рублей денегъ, нажебранныхъ же по болшей части у голыхъ козаковъ, положить въ казну, гдѣ они и лежали такъ же, какъ и ненажебранные, попусту, даже по владичество окаянного игумена, Жолтовского сукцесора, о чемъ скажу послѣ; картавого іеромонаха Пафнутія сдѣлалъ уставщикомъ, не смотря на его ктому крайнюю неспособность, заиковатого іеродіякона сдѣлали по прежнему писаремъ и перводіяконом, хоть то онъ былъ способенъ столько къ одной, сколько и къ другой должности. А меня съ простого бывшаго шинкаря переблагословыли въ оберъ-шинкари, си рѣчь, въ горѣлочного шафаря, поручивъ въ мое смотреніе шуршу и всѣ монастырскіе корчми.

И симъ кончилось первое мое посолство въ Сѣчь.

Поѣздка въ запорожскую Сѣчь въ 1751 году.

Давно и не возвратнимъ путемъ протекшаго 1751-го году я, похоронывъ въ полтавскомъ монастирѣ не монахомъ умершаго въ старости мастистѣ, на 82 году, моего родителя Стефана Яковлева, выѣхалъ изъ того жъ монастиря (съ) намѣстникомъ Серапиономъ Литвыномъ и съ перводіяконом Іоасафомъ Литвыномъ же и съ свѣцкимъ послушникомъ Иваномъ Каишомъ, кой въ первомъ моемъ писмѣ написанъ монахомъ и названъ Ионою. Ѣдучи задруге въ Сѣчь, мы взяли и другую дорогу, въ коей я не видалъ ничего достойнаго примѣчанія, кромѣ дикой ровной степи и для хлѣбопашества то жъ, и для скотоводства годнихъ долинъ, въ коихъ вездѣ найдешъ воду лѣтомъ и зѣмою. Многомощные отецъ нашихъ молитвы и не менше жъ тѣхъ могущое благословеніе его высокопреподобія, си рѣчь ігумена Ѳеофана Жолтовского, послужа намъ благонадежнымъ конвоемъ, оставили насъ на Гасанъ башѣ (26) въ воротахъ не загороженого того городка, вѣрно грѣхъ ради нашихъ, встрѣтило насъ нещастіе во образѣ не трезвого подкатка, изъ рукъ котораго насилу вырвавшись, мы пустились было прямо на прошлогодную нашу квартирю, въ которую не пущено насъ однако жъ. За тѣмъ (что всѣхъ насъ набѣля изрумянило) стóяло нашему квартермейстру, т. е. перводіякону Іоасафу не посредственного труда бѣгать то взадъ, то въ передъ и то въ уманскій, то въ полтавскій курени, пока въ семъ послѣднемъ не напалъ на одного знатного и набожного козака, Грицка Величка. Сей, бывшій велможный панъ судя, будучи гораздо веселъ, лишъ насъ увидѣлъ, не знаю къ чему назвалъ меня протопопенкомъ на первый случай, а

наконецъ, усыновя себѣ меня, дозволилъ всѣмъ намъ жить въ одной своей хатѣ, внѣ крѣпости пустовавшей, безденежно.

Зоставшимъ намъ въ чужой хатѣ хозяями, мы съ своимъ скарбомъ расположились, какъ дома, но въ коемъ не долго мы роскошовали, какъ въ такой землѣ, гдѣ никогда не живала ни какая роскошъ, кромѣ козацкой. И что я говорю про роскошъ, нашедшись по крайнѣйшему не щастію въ Сѣчи въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда во всемъ Запорожьѣ одни комари стоятъ не менше египетскихъ скнипъ, если и не неусипающаго червія? Симъ тако бываемимъ въ Сѣчѣ и безпощадѣнія насъ кусающимъ тамъ же, прошелъ іюнь и пришелъ іюль съ чрезмѣрною духотою не отъ жаркого пояса, но отъ пренегодящагося къ по селенію мѣста, на немъ же лежитъ бокомъ, какъ пяная баба, Сѣчь, промежку горою, отъ сѣверныхъ вѣтровъ ее закривающою, и болотомъ отъ юга, давящимъ ея здоровья вреждающими туманами, наипаче подъ осень.

Въ мѣсяцѣ августѣ вода въ выше показанныхъ рѣчкахъ, съ двухъ сторонъ Сѣчь омывающихъ, такъ зацвѣла и протухла, что я оттого цвѣту не ожидалъ ни чего, кромѣ того плода, отъ коего вредятся и умираютъ не только люде, но и козаки не всѣ выдерживаютъ. И вся трудность состояла въ одномъ томъ, что не было способу сдѣлать изъ зеленой натуралного цвѣту воды, не переваривши, безъ чего одна сѣчевая скотина могла ее пить, а переваривать то жъ не было способу, по неже у насъ не имѣлося дровъ; ихъ же въ Сѣчи хотя и изобылно всегда, да та бѣда, что иноземцамъ не все и не всегда даютъ даромъ. Всего хуже, что усерднѣйшему св. нашей обители сыну, отцу нашему Иоасафу въ жизнь не спадало на мысль достать у продающихъ наденги то, безъ чего обойтится и святой не укрѣпится. Се-

го ради мы всѣ въ одинъ день подважди хаживали обѣдать въ уманской свой курень, гдѣ, какъ то обикновенно и въ другихъ куреняхъ, четирѣ раза на день готуютъ рыбу и такъ хорошо, что мы, нашовшись въ куренѣ за общимъ столомъ, не щадили ни когда всегда богатого своего апетиту. Всего пріятнѣе казалось намъ то, что нашъ панъ атаманъ Андрей Запѣчной всегда плачивалъ за насъ такъ же, какъ и плоско головый Мусѣй, отъ своего носа въ складчину, якая каждаго дня бываетъ за столомъ при первомъ обѣдѣ, когда кухарь подноситъ каждому, начавъ съ атамана, подносъ-тарѣлку, на якую всякъ, кто хочетъ ѣсть, долженъ положить башликъ-копѣйку. Симъ тако, какъ сказанно, бываемимъ всегда мы безъ обѣда не оставались никогда. Да та и паки намъ же бѣда, что ужинъ всегда былъ намъ нуженъ, коего у насъ може бы ни когда не было, если бъ наша квартиря не сосѣдствовала тому броварю, кой всегда почти снабжалъ насъ дровами.

Вздумалось было мнѣ тутъ назвать броварь пивоварнею. Но понеже въ ономъ варили медъ, а не пиво, того ради я не осмѣлился его окрестыть порускій; и зачимъ намъ братся за выправку спорченного языка? Лишъ бы намъ давано дрова въ броварѣ или въ пивоварнѣ! Къ не щастію полуголого и цѣлострогаго нашего чихиренія, въ Сѣчи не было ни одной винокурнѣ, а то вѣрно мы бъ не преминали ни одного дня безъ приношенія ей такихъ визитъ, каковыми служили мы броварю подъ видомъ смиренного посѣщенія почтенного броварника; всамомъ же дѣлѣ за дровами, въ коихъ мы имѣли превеликую нужду и на кои однако жъ мы не издержали ни одной копѣйки.

Хотя холодноголодная наша жизнь въ Сѣчи казалась мнѣ не иначе, какъ могла и всякому казатся, совершенною нелюцкостію, однакъ я за себя не го-

ворилъ ни слова, но мнѣ жалокъ былъ почтенной іменемъ полтавского монастиря намѣстника старикъ, іеромонахъ Серапіонъ, который, за незлобіе, бывъ почти подъ опекою у своенравного моего дятки (=дядьки), іерод. Іоасафа, взиралъ на учоную его нелюцкость хотя и съ крайнымъ не годованіемъ, однакъ, по природному своему тихонравію, всегда молчалъ предъ заиковатою его мнимоученія риторикою, какъ безсловесная рыба, что ему и простить можно, занеже и моимъ доброгласіемъ и многословіемъ, что мнѣ ползовалъ дорабленный мой язикъ, кой принужденъ былъ держатся за зубами и защищаться то молчаніемъ, то ворчаніемъ и все для одного того, дабы ревнивая по свят. обители рука ихъ не поколебала.

Хотя, можетъ быть, и всѣмъ извѣстно, что голодъ не свой братъ въ чемъ бы то ни было, однакъ я, находясь сколь ни въ преголодномъ обстоятелсвѣ, всегда почиталъ себя щасливымъ, имѣя отъ природы не поддѣланное сложеніе, убо и не посредственную силу сносить всякій недостатокъ въ пищѣ, дополняя все однимъ, признатся, не однокопѣчнымъ хлѣбомъ, въ коемъ голоскупая наша община всегда изобиловала даже до избытка, емля оной щедрою рукою не отъ святыхъ столпниковъ, но отъ тѣхъ заколодниковъ, коихъ бывало въ сходкѣ по осужденіи на казнь смертную приковываютъ къ столпу, нарочно для ихъ не преподобія вкопанному предъ градскими вратами.

Сихъ нещастнихъ, часомъ и не винныхъ осужденниковъ, по древнему узаконенію на Запорожѣ, всякому было вольно убивать, когда кто изволитъ, что часто и случалось. Однако жъ при насъ одного только забіяку другіе убили и одному только одинъ шинкарь Никола, односумъ вышепомянутого Рубля, перебилъ келепомъ ноги; другіе жъ воры отлеживались отъ смерти, страдая мѣсяцы лѣтомъ отъ дождя

и зною, а зѣмою отъ стужи и снѣга, чимъ защищатся не имѣя, кромѣ ветхихъ рогожъ, кои служили имъ въ мѣсто потолока, постель и одѣялъ.

И сіи то, не безъ предлога, не: добрие страдалцы не давали намъ повыколѣть съ голоду отъ безразсудной и ни къ чорту негодной скупости, когда учоный нашъ экономъ, спозволенія ихъ, обиралъ ежеденно, и такъ не милосердно, что мы ни какъ не могли отвратителного того хлѣба поѣдать за множествомъ, и лучше сказать, за протухлостію отъ влажности происходящею. Все жъ таки мы его не кидали ни въ воду, ни въ огонь, на противъ того мы жъ изъ сугубоворовской, по меншой мѣрѣ изъ грабителской той милостины полтора дюжого мѣшка на сушили сухарей, провизіи къ будущой на будущій годъ дорогѣ, за якой мы и приѣхали домой живіохенки.

Слѣдуя моей безъ мѣри и до глупости сердитой на скупихъ правдѣ, убѣдителнымъ образомъ мое правдолюбіе принудившей толсто очернить святобливаго и користолюбиваго нашего наставника чернецкой премудрости экономію ни къ людямъ, ни къ ченцамъ не годную, я не могу такъ же не окрасить и тѣхъ его щедротъ, которые произходятъ отъ небратолюбія и отъ глупой политики. Вотъ по чему. Присноповинаемій нашъ наставникъ, иногда бывая и не цѣлодуховнимъ отцомъ, для одного только лакомства дозволялъ мнѣ покупать фиги, сливи, орѣхи и пр. Что и его святыня жаловала не менше меня и на что въ 10 мѣсяцей у насъ сошло сумми на худой щотъ около доброй полтины. Но что жъ это за дозволеніе, когда оно вело за собой калкулацію, которая своимъ непреподобіемъ не подобилась ни кому, кромѣ обичая, сухощавимъ, на все бывшимъ въ святой Софіи намѣстникомъ Мелхиседекомъ, въ Кіевѣ, изобрѣтенного и въ Выдубицкой монастирь переведенного чинобезчинія, по нему же долженствовало

пекарю вѣсить хлѣбъ на всякаго брата и ключнику писать, кому и сколько отпущено квасу, и для гултяйского борщу негодного.

По благословя пищу, надлежить, что ни есть, пропѣть и надъ питіемъ такъ: „Владико жъ благослови“! ВСѣчѣ и на Гасанъ башѣ, гдѣ чаще увидишъ пяного, нежели похмѣлного забіячника, нѣтъ недостатка и въ весма не дурныхъ напиткахъ; да вотъ и паки тожъ горе безразчотной нашей экономіи: вездѣ надобны денги! Ихъ же во спасеніе не одного дня и не однократно на день случалось намъ съ панотцемъ оббѣгать всякъ на своей парѣ нѣсколько паръ брагарень, дондеже не обрѣтали благословенного случая, коимъ ползуясь, мы утоляли приснотомившую насъ жажду, однакъ не теряя кошту на брагу, отъ чего я не однократно приходилъ къ отчаянію остатся когда нибудь при первомъ своемъ здоровьѣ, не говорю про бущій (sic) тогда и теперъ настоящій глуздъ. И може бъ я умеръ еще до чумы отъ жажды, если бъ выше упомянутого броваря сила меня не оживляла медовою бречкою. О, бречка, бречка! Ты, которая казалась мнѣ не бывалою ни на небѣ, ни на землѣ, какъ не боялася ни гордаго смиренія, ни глупѣйшей гордости, подъ видомъ смиренія, какъ пузырь надимающихся; но все вдругъ пренебрегая, тутъ же и меня принуждала раза по три на день дѣлать пивоварю не ожидаеміе визити. Удивително, какъ у меня не выпрѣлъ ни одинъ съ переднихъ зубъ и ни одинъ изъ заднихъ не тронулся отъ медового того кипятку, къ нему же допавшися, якъ волъ до лужи, я ковшемъ потягивалъ, ни о чемъ не помышляя, ни на что не взырая, да даже не внимая, хотя и обима ушима слиша, отъ зрящихъ мя и на мя указующихъ козаковъ, сице глаголющихъ по своему: „Дивится, братя, видно, що панотцѣ сіого (=сего) отчуся и вчора не наповали“.

Въ томъ же величковскомъ броварѣ будучи, я слышалъ одно чудное, но не вѣроятное мнѣніе козаковъ, которые, думая на вѣрно, и меня увѣряли въ томъ, что будто бъ изо всего запорозкого войска виходитъ наружу всего лишъ два дурака. Что хотя кажется мнѣ и сумнителнымъ, но то вѣрно, что они думаютъ и держатъ за первого дурня того козака, кто и выѣздитъ изъ зѣмовника и приѣзжаетъ въ Сѣчь голоднымъ; а за послѣдняго дурня жъ того шилимовца, который ѣдетъ домой, выѣхавъ изъ Сѣчи не пянымъ. Почему жъ такъ? я спросилъ Кущѣвского Петра. За него жъ мнѣ отвѣчалъ ивоновскій Жила Дмитро: „Потому, що въ Сѣчи коли хочешъ, тогди и въ пьешся безъ грошій, а въ зѣмовнику и зъ грѣшмы умрешъ, коли съ собой не привезешъ вина, бо я знаю, що ты не пьешъ горѣлки“.—„То таки такъ, отамане Дмитре, я сказалъ Жилѣ, все жъ мнѣ кажется, что ты помилився въ лѣку своихъ дураковъ, умаливъ не мало“. „Якій хрѣнъ ихъ уменчитъ, коли вони родятся и тамъ, де ихъ и не сѣютъ, власне якъ попы; да и попамъ не до шмиги не знати того, що мы знаемо та и тобѣ скажемо, що въ свѣтѣ нѣчого нема стѣлько, якъ дурнѣвъ. Однакъ дурень дурню не ровенъ. То жъ и у насъ, хочъ ихъ и не менше, нѣжъ у васъ, но мы ихъ ставимъ ни вощо противъ того, ощо мы балагуримо“.

И такъ я, отдавъ Жилѣ всю справедливость въ разсужденіи его двухъ дураковъ, не знаю, какъ мой Мартиніянъ прикажетъ на звать нашего наставника столь строгую экономію. Что хоть бы ее назвалъ кто и не мудрою, то было бъ кажется въ ту же пору, когда она не довольно что только разъ сдѣлала насъ не глупыми, т. е. пя... **(не дописано)**, но и въ прочемъ мучила меня тамъ же, въ Сѣчѣ, гдѣ я самъ не знаю, какъ назвatся, не вписавшися въ Жилинъ щотъ, въ коемъ, признатся, я заслужилъ себѣ и не

послѣднее мѣсто. особливо тѣмъ, за чемъ не хотѣлъ плюнуть за благовременно на безвременное, безразсудное, слѣдственно и треблаженное наше пустосвятіе, которое было меня безъ вины осудило на тотъ свѣтъ, гдѣ уважается не та святыня, въ коей увѣряетъ насъ извѣстной св. отецъ, глаголя сице: „Уне естъ согрѣшити къ Богу, не жели къ своему старцу“— вотъ же вамъ и папа! Но которая не столько кажется дерзкой, какъ его толкователь, нѣкій монахъ Даніилъ, вышереченной дерзости въ подтвержденіе сице изрекшій: „Азъ же мню на едину славу возходити“—и кому? и съ кѣмъ? Твари съ своимъ Творцемъ!

Не знаю, проститъ ли меня святая лѣствыца, на нея жъ я нескромнымъ моимъ писаломъ замахнулъ, признатся, шибко, а то понимаю, что иной Мартиниянъ легко можетъ заключить ошибкою, что настоящая моя шибкость кажетъ яснымъ небреженіе душеполезныхъ отеческихъ наставленій, чего у меня даже въ мисляхъ ни когда не бывало и не будетъ, дондеже есмъ; тако ми Бога, за неже сверхъ протчего и пр. мое благоговѣніе, кое я имѣю въ моей, аще и грѣшной, всежъ правовѣрной душѣ къ богодохновеннымъ святыхъ мужей ученіямъ, доказуетъ тажъ самая книга духовная лѣствыца собой. находясь въ бѣдной моей книгохранителницѣ, бывъ предпочтенна всѣмъ книгамъ, кои я имѣлъ до Греціи, и коихъ уже заступили мѣста, сверхъ грековъ и римлянъ, богодохновенные Юнги Эдуарди, истини религіи, Иоанны Мосоны, лучшіи учители познавать себя, потерянныя и приобрѣтенныя раи, Попіи, Криловы и пр. И зъ сими настоящими моими професорами я обращаясь, всегда нахожу столько трудныхъ, сколько и душеполезныхъ дѣлъ, что все душно и все умно желаю имѣть столько лѣтъ, сколько я употребилъ на чтеніе однихъ церковныхъ книгъ, которые меня выучили

быть такимъ, каковъ я былъ, есмъ и буду, дондеже есмъ. И какъ бы кто ни думалъ обо мнѣ, я говорю предъ Богомъ вездѣ сущимъ, все вѣдущимъ, души, сердца и утроби мыслей нашихъ испытующимъ, убо онъ вѣсть, что я, всѣхъ святыхъ, церковныхъ учителей почитая свято, чту подостоянію и моего бывшаго наставника іерд. Іоасафа, ибо онъ училъ меня не худому, хотя и не лучше насъ понимая, въ чемъ состоитъ существо нашего упованія, къ вѣрнѣйшему спасенію души относящагося, чему и удивлятся, кажется, не можно, въ разсужденіи не зрѣлолѣтнаго, хоть и не посредственно пылкого его разума.

Еще молимся вамъ же, отецъ мой, совѣтуя не поставить въ грѣхъ осужденія ближняго, моего правдоглаголанія противу своенравія младаго нашего наставника, уваживъ то самое право, якое онъ имѣлъ, самъ будучи старіе васъ двума, а отъ меня трема годами. И якое теперъ дозволяетъ мнѣ, гораздо уже старшому отъ нашего старца, старцу, по человѣколюбію, совѣтовать младшимъ отъ настоящихъ насъ старцамъ все мѣрно берегтись отъ предразсудковъ учоныхъ и не вѣжъ, всегда посрамляющихъ, и все возможно блюстись отъ того, что я поистиннѣ почитаю не моимъ порокомъ, не видя въ себѣ предосудителнѣйшой той скупости, происходящей отъ той экономической глупости, ея же смертелно не навидитъ, въ протчемъ довольно грѣшная душа моя, которая конечно нескупа, ибо черезъ чуръ человѣколюбива, и которая, ежели сказать по сангвиническій, тѣмъ только и щастлива, что мой (гораздо цѣломудреннѣйшій своего старца ученикъ) Наркисъ въ молодыхъ лѣтахъ своихъ умеръ чутли не оттого воздержанія, кое его, не знаю, какъ выучило болше пить, нежели ѣсть. И къ вящему нашего человѣколюбія избавленію отъ поношенія онъ и безъ воздержанія не умѣлъ писать ни по нашему, ни по

вашему, а то бы онъ не преминулъ ублажить меня за несправедливые, по его суду, мои щедроты къ не старимъ сиротамъ, такъ какъ я ублажаю его за лѣность и пр., а отца Іоасафа за лѣность къ ученію, за скупость и ревность не по разуму и наконецъ за то, что онъ отъ безразсудныхъ подвыговъ умеръ безвременно, какъ бы кому того было надобно, что бъ небреженіемъ своего здравія лишить себя и насъ того, чего всякъ, знающій его дарованіи, небезосновательно чаялъ отъ его жизни. Да при семъ можно подумать и сказать то, что въ жизни щекотливые, и лучше такъ сказать, не правдолюбивіе учители должны предъ своими учениками прятать худыя свои примѣри такъ искусно, чтобъ они и сами въ себѣ ихъ не находили. А для чего? Дабы не подать нескромному ученику повода на себя на писать такъ, какъ нескромнѣйшій мой ткачь, разумѣется Наркисъ, на ткалъ почти небылицъ въ С-тъ Петербургѣ, всего того ниткоплутія, чимъ реченный плутъ опліолъ было меня въ Кіевѣ и что кажетъ Младшій Григоровичь въ 5-мъ своего похожденія томѣ. Я тутъ, не находя мѣста, обрѣтаю однакъ не безмѣстнымъ представить вамъ то, чимъ не знаю кому, если не преестественному ругателю, преподобный мой плахотниченко было меня грѣшного посвятылъ въ милостивыя Филареты, исключа только одно то, что праведной Филаретъ былъ щедръ равно къ обѣимъ поламъ, на противъ того я будто бъ нескупъ лишъ къ однымъ не порочнымъ дѣвушкамъ. Смотри его пожалуй! Чимъ онъ было такъ разгорячилъ меня на часъ, что если бъ его не правдословія не защитила та моя правда, юже азъ люблю воистинну, то я бъ..... **(Не дописано).**

Хотя я повышереченному и не могу сбить съ Наркисовой стороны любезной моей правды, и совѣмъ (=совсѣмъ) тѣмъ, что я жъ, въ разсуденіи (sic) не достатковъ, живущихъ при смертныхъ иногда и съ

отмѣнными качествами людяхъ, отъ всего пожилого моего ума прощаю молодыхъ моихъ старца и ученика невѣжествіи. Но что касается до одного нашего старца предосудителнѣйшей вѣры, и лучше сказать на прямикъ, глупѣйшаго суевѣрія, въ Сѣчѣ бывшаго причиною безвременной смерти почтенного старика іеромонаха Серапіона, чумою меня заразывшаго, то я можетъ быть до смерти не пересталъ бы жаловатся на безтолковую его вѣру, если бъ не былъ принужденъ настоящимъ разсудкомъ вѣрыть иногда, что можетъ быть та самая судба, которая, не знаю за что меня осудила на нѣсколько десятынъ лѣтъ въ Константинополѣ, какъ въ политичной ссилкѣ, жить и не горѣть въ огнѣ, вѣрно была причиною какъ смертоносной моей раны, такъ и животворному меня исцѣленію, что я испиталъ надъ собой тогожъ 1751-го года, декабря въ первыхъ числахъ.

Отецъ Мартиніянъ, нашедъ во мнѣ, или въ моемъ писмѣ физическое разсужденіе о не постижимой судбѣ, вы, надѣюсь, не подумаете на свой страхъ заключить положительно, что бъ я, какъ бывшій въ первомъ нашемъ монашествованіи едва слабой ценсоръ, настоящій уже корректоръ уважаемаго въ Египтѣ сочиненія, не могъ поднимат ся мыслями выше себя, особливо тогда, когда нужда настоитъ разсуждать о непостижимомъ Всемогущаго промыслѣ, которому я вѣрю не слабе того, что всесилный нашъ Творецъ, при рожденіи, въ міръ грядущаго человѣка одаряетъ по своему благоволенію, снабжая разными качествами, при своевая ему оныя къ душевнымъ и тѣлеснымъ чувствамъ. Убо тѣхъ, имъ же благоволитъ жить св-мъ псалмопѣвцемъ показанный вѣкъ, снабжаетъ крѣпкимъ сложеніемъ, легче другихъ могущимъ сносить чрезвичайнія и самія опасныя болѣзни, безъ нарушенія жизни и безъ повреждения здравія, безъ чего, мнѣ кажется, всѣ бы равно терпѣли

отъ простуды, отъ не здраваго воздуха и отъ не монашеской болѣзни, разумѣется ѳ... е., и на конецъ умирали бы отъ смертносной язвы.

Сію-то опаснѣйшую болѣзнь, зная по опыту, я вздумалъ описать для того,—кто знаетъ?—можетъ быть со временемъ если не самому моему Мартинія-ну, то кому нибудь изъ его учениковъ случится по нещастію быть на моемъ мѣстѣ, тогда я вѣрно, хоть и не знаю отъ кого, однакъ лщусь отъ кого нибудь заслужить себѣ симъ небольшимъ трудомъ вѣчную память и не одно временное спаси Богъ. Да и какъ не заслужить такимъ совѣтомъ, который если не принесетъ всякому чаемой ползы, то по меншой мѣрѣ никому и никакого не принесетъ вреда? Въ протчемъ будетъ все такъ, какъ будетъ; я дѣлаю, что могу.

Во первыхъ надобно знать, что всѣ тѣ ошибаются, которые повѣтрие и заразу почитаютъ за одно, ибо повѣтріе доказуетъ своимъ именемъ, значущимъ зараженный воздухъ; зараза жъ есть то, чимъ заражается человѣкъ, прикасаяся къ прежде зараженному отъ повѣтрія, или отъ чумы (27), Всякъ, находящійся въ томъ мѣстѣ, гдѣ живетъ не естественная смерть, и когда на вѣрно окажется моровая язва, тотъ не можетъ касатся, не подвергъ себя опасности, къ тѣмъ вещамъ, кои нейдутъ въ воду, какъ то: шубы, парчи, шелкъ и пр. Къ вещамъ же, коимъ не вредитъ вода, какъ то: денги у другіе металли, холстъ, шерсть, кожи, съ ястные припаси и пр., не прежде можно касатся, какъ вынувъ изъ воды и высушивъ ихъ довольно. При всей же предосторожности я бы ни кому не совѣтовалъ остатся тамъ, гдѣ для всѣхъ только одно вѣрное спасеніе жизни, бѣжать отъ явной смерти; а перемѣня воздухъ, жить на чистомъ мѣстѣ и не покидать его до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не минуетъ повѣтріе. Однакъ надобно

исключить изъ великаго числа деликатныхъ и слабихъ, крѣпкихъ по сложенію людей, могущихъ больше другихъ спорить со смертію; такъ же и тѣхъ, у коихъ уже вынула чума всю ту матерію, къ коей натуралнѣе, нежели колико къ чистымъ, пристаетъ зараза.

Главные и явные знаки зарази у слабосложныхъ людей—болитъ голова; ихъ же безпокоитъ чрезвичайный поносъ и рвота, а за чрезвичайнымъ жаромъ теряются съ тѣлесными и душевные чувства у нещасного въ тотъ же день или ночь, когда онъ заразился. Что же касается до рѣдкихъ по сложенію людей, отъ нихъ же благодаря Бога, имѣю щастіе быть и я, то они, какъ бы ни заразясь, не оказуютъ почти ни одного изъ вышепоказанныхъ знаковъ; въ мѣсто тѣхъ они чувствуютъ странного и ужасъ на носящаго роду боль у себя подъ мишкою, подъ бородою, за ушами и еще при коренѣ ногъ. Боль отъ бобона, якій не откривается и пропадаетъ со временемъ, каковъ былъ у меня на правой пахвѣ, бываетъ безъ подобна и, могу сказать поистиннѣ, несноснѣйша отъ всѣхъ испытанныхъ мною во всей моей жизни. Откривающійся жъ и со временемъ заживаемій бобонъ, и отъ того бываемая боль, мнѣ не извѣстны.

Описавъ, какъ зналъ, по опиту опасную язву, я не долженъ по забыть и о рецептѣ на оную, кой одинъ только и естъ, по крайней мѣрѣ мнѣ кажется такъ. Всякъ, кто знаетъ совершенно, чего стоитъ человѣческая жизнь, и кто конечно не хочетъ вкусити безвременной смерти, тотъ не живи тамъ ни когда, гдѣ завсегда живетъ чума, не выходивъ прежде изъ духовной ратуши формалного пасапорта себѣ, для свободного пропуска на воздушномъ фарпостѣ или заставѣ пропускающихъ без задержанія однихъ истинно вѣрующихъ во Христа душъ и въ одинъ только путь; не вѣрнимъ же, особливо недовѣркамъ, какъ

мой рецептъ, такъ и духовная подорожна не надобны, особливо тѣмъ, коѣ поѣдутъ вѣрно не туда, куда мы вѣрные летѣть сбираемся.

Настоящее повѣствованіе, которое отняло у меня много времени, можетъ быть и не стоитъ не только всякаго вниманія, но и моего труда, мнѣ довольно чувствителнаго. При всемъ томъ я, въ разсужденіи вашей, отецъ мой, справедливости, ни какъ не ожидаю, что бъ вы его оцѣныли по моему, уваживъ, что я оттого потѣю столько лѣтъ, сколько и зѣмъ, и больше ради вашего удоволствія, нежели для собственно мнѣ принадлежащей забавы. Что же касается до слѣдующей за симъ страшной повѣсти, которая, думаю навѣрно, менше вамъ принесетъ собой удоволствія, нежели колико мнѣ подираетъ кожу, то вы можете ее оставить безъ труда, бывъ увѣренны въ томъ, что я тутъ описую главнѣйшее мое приключеніе единственно для того, дабы самому мнѣ не позабыть опаснѣйшого того обстоятелства, въ коемъ грѣхъ ради моихъ, я былъ, и отъ коего меня избавилъ промыслъ жизнодавца, ему же я, бывъ обязанъ въ другой разъ жизнію, признаюсь должнымъ вседушно благодарить за оную не менѣе, какъ сколько и за первое мое отъ небытія въ бытіе приведеніе.

Выше означенного года, въ нещастнѣйшее не для одного меня время, нашелся я бѣднѣйшій всѣхъ по нещастію нашедшихся въ Сѣчѣ, и къ вящему моему злоключенію оставался не при себѣ, а при своемъ духовномъ отцѣ Іоасафѣ, которому, по уложенью общаго монашествующихъ учителя св— го отца Іоанна Лѣствычника, отдавъ всю свою волю, убо самъ остался ни съ чимъ.

Августа послѣдныхъ чиселъ открилось торжественно прибывшее изъ Херсониса въ Сѣчь столь жестокое повѣтріе, что ни кто не оставался въ живыхъ. Разумные сѣчевики, которымъ было коротко знакомо

повѣтріе, употребывъ къ тому лучшее, всѣмъ разумнымъ свѣтомъ апробованное лѣкарство, едва не всѣ разъѣхались по зѣмовникамъ и разбрились по полямъ и по лѣсамъ искать спасенія жизни. Увидѣвъ благоразумія примѣръ и нашелъ (=нашедъ) въ крайнѣйшей опасности для меня безцѣнную, по меншой мѣрѣ дорожшую, не только отъ святыхъ и не святыхъ чернорызцовъ, но и отъ всего бѣлого и прекраснаго свѣта, жизнь, я пришелъ оттого во ужасъ и, не теряя времени, принялся думать, но къ нещастію не полюцку, а помонашески, бродя мановцемъ по всѣмъ, еще до нещастія мнѣ отчасти знакомимъ, книгамъ. И для чего? Я въ нихъ искалъ такой дороги, коею могль бы я увезти, отъ опасности спасая, жизнь мою, не погрѣша ни предъ лѣствицей, ни предъ властію своего духовного отца. Но, о горе мнѣ было, хотя и не понастоящому, грѣшнику сущу! Тщетно я постылся отъ выше упомянутихъ бохѣнокъ; тщетно ночью и днемъ проливалъ теплые слезы съ чистыми молитвами предъ Богомъ, дабы онъ, умилостивясь надо мною, просвѣтылъ бы моего суевѣра и далъ бы ему мою не нависть къ тѣмъ башликамъ, что онъ веселыми руками воспріймалъ на похоронахъ козаковъ, чумой скончавшихся, и что насъ не пускало спасатся бѣгствомъ отъ огня. На конецъ пришедшій, не знаю отъ куду, если не снеба, къ намъ конечно на помочь здравый разсудокъ, внезапу вступясь за мою жизнь, въ мигъ по колѣбалъ превеликую мою вѣру, неподвижно на св. лѣствыцѣ стоявшую до повѣтрія. И, къ крайнему моей набожности удивленію, такъ жестоко онъ ее трѣснулъ въ блажъ человѣческимъ глуздомъ, что я самъ почувствовалъ отъ того замѣшателство въ чернецкомъ разумѣ и, уже находясь въ силѣ держать въ тайнѣ безпрестанно смущающіе меня помысли, открилъ моему отцу со смиреніемъ, прося его жъ и моля со слезами, принять мой совѣтъ и покинуть съ

чумою Сѣчь, слѣдуя разумному ея жителей примѣру, учинившихъ то заранше, въ чемъ мы опоздали. Но увы моему совѣту! когда онъ не только остался въ тунѣ, но и разгорячилъ безъ мѣры не холодного и безъ совѣта духовного моего отца Тихоновича, который, по забывъ свое косноязичіе, отверзе, едва не до ушей простирающаяся уста своя, я же и наполнивши духомъ недуховной ярости, со гнѣвомъ рекъ аще и не ко мнѣ, обаче на меня вскидивая страшной взоръ, симъ препровождаемій: „Камо поиду отъ лица твоего? И отъ духа твоего камо бѣжу“? И тамо жъ, покинувши истинного пророка Давида, принимается за лживого Магомета, и лучше сказать, за турецкое глупомнѣніе, о которомъ тогда хотя и я зналъ не больше его, такъ теперъ знаю совершенно, что оно такъ сходно съ суевѣріемъ, какъ и съ безуміемъ, чего въ доказателство я перевелъ на сію бумагу изъ греческой византиди слѣдующій періодъ; да то жъ самое и въ италіянской вапамондѣ находится, не помню, въ которомъ томѣ:

„Богъ, по мнѣнію Алія, имѣетъ сверхъ безчисленныхъ легеоновъ небесной арміи, два полка (изъ самихъ сердитыхъ ангеловъ, навербованныхъ ни какъ изъ дивизіи настоящаго архистратига Михаила предмѣстника до своего паденія утромъ сіяющаго), одинъ бѣлой, другой чорной. Сіи оба полка, кои вооруженны съ ногъ до головы луками и стрѣлами, одного съ ихъ униформой цвѣту, служатъ вѣчно наказуя грѣшныхъ людей. И когда ни прогнѣвается Богъ на грѣшной народъ, то всегда чернобѣлыхъ тѣхъ ангеловъ посилаетъ на землю грѣшниковъ наказать чумою. Убо тѣ, черезъ чуръ сердытые ангели, лишъ прибывъ на грѣшное мѣсто, на чинаютъ на удачу стрѣлять, говорю на удачу, ибо бѣлая стрѣла, попавъ въ щастливаго грѣшника, аще его и уязвляетъ, но не убиваетъ; черная жъ стрѣла, причиняетъ одно и другое тому,

кто ей ни попадется. Убо тщетно лститъ себя укрить отъ гнѣва Божія тотъ, кто не уклоняется отъ смертныхъ грѣховъ, понеже, говорятъ глупомыслящіе турецкіе богословы, и лучше суесловы, что и не военной ангелъ стрѣляетъ не худше лучшого нашего егаря, и такъ мѣтко, что на кого прицѣлится, въ того и попадетъ".

Алиевому, испозволенія самого Магомета, можно такъ сказать, безтолковому мнѣнію подобное нашего суевѣра поученіе, такъ подперло мою вѣру, колебавшуюся отъ разсужденія, что я, подавшись назадъ, стоялъ предъ велерѣчивымъ моимъ мнимо апостоломъ, какъ осужденный у столпа, немогучій противу стати за страхъ не благословенія богатому въ вѣрѣ и въ гнѣвѣ небѣдному старцу, простирающу мнѣ, да даже и ему не полезное слово, до полунощи.

Въ самомъ дѣлѣ онъ почти отгадалъ, да и я жъ не ошибся въ томъ, что не вовсе полагался на его вѣру, которой мечталось, яко гнѣвъ Божій миновалъ Сѣчь, напротивъ того мнѣ явно казалось, что онъ прошолъ тогда, когда чумѣ не осталося ничего дѣлать въ томъ мѣстѣ, которое и безъ чумы похожо на чуму і изъ котораго жителей часть разбѣжалась, часть изъ свѣтомъ попрощалась, а послѣдные дураки, въ томъ числѣ и наше живовѣріе, остались съ турецкою вѣрою, для коихъ было надобно не ангела, а человѣка сруками и руки съ кнутомъ.

Жаль, что въ то время я не зналъ ни говорить по греческій, ни думать по италіянскій, а то бъ смаху опрокинулъ дуротурецкое мнѣніе сверхъ прочего тѣмъ, что въ Сѣчѣ мнимихъ турками ангеловъ было три, а не два полка, и вовсе не тѣ, коѣ въ Турціи стрѣляютъ и не на дураковъ, что доказуетъ троякій цвѣтъ бобоновъ, въ числѣ коихъ бѣлого совсѣмъ и нигде не бывало, а бываетъ натурално чорной, синей и красноватой. Сей послѣдный на зивается въ Греціи благословеннымъ за то, что онъ почти не смер-

телный и ни въ комъ изъ нещастныхъ патитентовъ не производитъ выше показанныхъ слѣдствій.

Сентября, въ послѣднихъ числахъ, когда мой, каковъ ни естъ, разсудокъ сражался съ его, Тихоновича вѣрою, моя догадка, внезапу поколебавъ его самолюбіе, восторжествовала надъ тѣмъ же старцемъ Тихоновичемъ, особливо тогда, когда запорозкая Покрова себя къ празднованію призвала изъ зѣмовниковъ въ Сѣчь толпы безразсудной набожности козаковъ. Ихъ же съ позволенія можно всякому по меншой мѣрѣ мужеского полу, толкъ имѣющому, на звать суевѣрами и глупѣйшими, особливо за то, что они своимъ неразуміемъ раздули погасавшій огнь опасной (=ный), кой въ короткое время разьярясь разлился по всей Сѣчи, и въ не долгое лишила (=лъ) той же Покровы служителей, перваго іеромонаха Игнатія, первого діякона Ѳеодота, первого и послѣднего монаха Ѳеони свѣчаря и школного атамана Грицка Волика съ многочисленнымъ его товариствомъ. Не говорю про курѣнныхъ атамановъ и другихъ знатныхъ и рядовыхъ козаковъ, на коихъ по нещастію попадали черные, а небѣлые стрѣли. При всемъ же томъ огнѣ оставалось у великовѣрного моего наставника мужества съ набожностію ходить на похороны для отданія послѣднего долгу, признатся, однимъ небѣдного состоянія въ живыхъ бывшимъ козакамъ. Но меня удивляла не вѣра его, а трусость чумы: видно, что она его боялась больше, нежели онъ смерти, и наче она бъ не минула винного, когда на падала на невинного старца Серапіона, нашего сокамората, и лучше сохатника, который почти никуди не таскаючись, заразился въ тойже хаткѣ, изъ коей его и вынесли и похороныли навыгонѣ на другой послѣ заразы день. Но я ли своему наставнику желалъ смерти? И мнѣ ли судыть судбы, я же бездна многа? Правда, ежели бъ онъ попался въ но-

нѣшніи мои зубы, то не отплакался бы у меня по добру; щастя его, что онъ умеръ, а то бъ мы.... **(Не дописано).**

Не прошла ночь послѣ похороновъ іеромонаха Серапіона, я почувствовалъ въ себѣ смертелную болѣзнь. Тогда то великовѣрной мой апостолъ, облившись сногъ до головы стыдомъ и поражонъ бывъ ужасомъ, остался предомной и предъ своею совѣстію въ не простителномъ грѣхѣ, въ коемъ раскаеваясь страннымъ и страшнимъ образомъ, на чалъ при носить Богу истинное покаяніе и ужасъ наводящіе молитвы, проливая тучи горячихъ слезъ, коими онъ почти понуждалъ не нудимую правду Жизнодавца дать ему достойную смерть, воизбавленіе моей жизни, приведенной его суевѣріемъ къ вратамъ смерти. И когда намъ уже ни что не помогало, то онъ, осудя себя на смерть, самъ служилъ мнѣ съ отчаяннымъ упованіемъ, авось либо заразясь отъ меня какъ ни будь, умретъ со мной за компанію.

Безподобное его великодушіе служитъ хотя и неопровергаемымъ доказателствомъ духовной любвы рѣдкой и въ святыхъ отцахъ, но все его поздное усердіе мнѣ, умирающему въ чаяніи не минуемой смерти, казалось, какъ то и было, ни чимъ, пока онъ, по неизреченному моему желанію, не привелъ ко мнѣ духовника, Золотоношского монастиря іеромонаха Ѳеоктиста, котораго такъ же, какъ и моего отца Іоасафа, боялась чума, и который, выслушавъ въ подробности истиную мою исповѣдь и покаяніе (не знаю въ чомъ), разрѣшилъ меня (не помню отъ какихъ грѣховъ), самъ ушолъ съ миромъ и съ десятью башликами. Затѣмъ я на другой день, кое какъ поднявшись, пошелъ въ церковъ, въ коей приобщась святымъ тайнамъ и потомъ спревеликимъ трудомъ почти прилѣзши домой, слегъ на смертной одръ, на немъ же умираючи 33 часа, я иного не дѣ-

лалъ, какъ только не спускалъ ни на одну минуту непрестанно плачущихъ очей моихъ то изъ двери, то съ окошекъ, откуду каждой моментъ чаялъ ко мнѣ пришествія смерти, которой одно воображеніе едва меня на вѣкъ не лишило за тѣлесными и душевныхъ чувствъ. Но благодарю отъ всего меня Создателю, всѣмъ смертнымъ жизни подателю, и мнѣ благоволившему еще жить, въ мѣсто чаемаго страшнѣйшаго всѣмъ жизнолюбцамъ одного часа, пришелъ по язвѣ четвертый день и съ собой мнѣ принесъ толико живую надежду въ отчаянной моей жизни, что не прошло полдня, какъ я, совсѣмъ почти ожившi, позабылъ и самую не сносную боль отъ бобона, кой въ три днѣ въ зросъ у меня подъ кожею съ небольшой огурецъ. Въ разсужденіи слѣдствій извѣстныхъ по опиту моихъ сонещастниковъ, изъ коихъ ни одинъ не умиралъ, переживъ четвертіи сутки, все жъ оставалося при мнѣ нѣкоторое сомнѣніе въ жизни изъ виду синеватого бобона. Но и то пропало того жъ четвертого дня пришедшу солнцу на западъ, когда изыде недавно умиравшій человѣкъ на дѣло и на дѣланіе свое, позванный тридневнымъ постомъ до вечерѣ, коя, укрѣпывъ сердце, и въ мертвенныхъ обстоятелствахъ живого человѣка, си рѣчь меня, учинила могущимъ вынести десятодневную бобона боль, которая съ одинадцатаго дня начала убывать, и въ другую десятину легче сносноснѣйшихъ (sic) дней нечувствытелнымъ образомъ изчезла съ бобономъ. Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ!

По отбытіи страшнѣйшей той фуріи, какіе были отъ насъ приношеніи благодареній ко всемогущему, всѣхъ милующему и всѣмъ безпомощнымъ всегда помогающому Богу, признаюсь, я ни сказать, ни описать не въ состояніи. Да я жъ и не намѣренъ больше на носить вамъ скуки, а скажу только взаключеніе плачевной моей исторіи, что я прешедшей скорби не пом-

нилъ почти зарадостію, почитая себя четвероднев-ного полумертвеца воскресшимъ Лазаремъ, и лучше сказать, уродившимся въ другой разъ тамъ, гдѣ ни-когда не родилися люди. При помню жъ и то, что новорожденной моей радости у меня не отнималъ уже ни кто, кромѣ одного голоду и другой жажди, но и тѣ не продолжалися, какъ только до пресѣченія смертоносной язвы, продолжавшейся по новый 1752-ой годъ.

Не знаю кому, ежели не голодному моему обсто-ятелству, приписать то, что войсковая старшина, за согласіемъ курѣнныхъ атамановъ, перемѣнили стар-шого пана пономаря Трохима Худя, левушкѣвского, дядковскимъ Онискомъ, которому я обязанъ тѣмъ, что, спасшися отъ чумы, не умеръ сголоду. Однакъ и панъ Худь заслуживаетъ у меня что ни будь тѣмъ, что подалъ козацтву причину не годовать на себя, безъ чего конечно его бъ не перѣмѣнили, и конечно не жить бы мнѣ въ пономарнѣ, въ козацкой роско-шѣ утопающей и о починкѣ церковной ризницы не-помыляющей за Худя; къ чему я, будучи гораздо го-раздъ, былъ нанятъ новымъ пономаремъ; слѣдствен-но я царствовалъ портняжачи въ пономарнѣ, гдѣ не имѣя недостатка ни въ брагѣ, ни въ варениках, совершенно выздоровѣлъ и отъ голоду.

Вотъ какой случай познакомилъ меня съ Онися-момъ Семеновичемъ. И его милость, кою онъ ока-залъ мнѣ нещастному двожди, кажется, стоитъ того, что бъ ее не забыть, и васъ, отецъ мой, утомить чте-ніемъ сѣчевой исторіи.

Сей то, по всему знатной запорожецъ, прибылъ въ Аѳонскую гору на всегдашнее пребываніе въ са-мое то время, когда, вѣрно по искушенію, мы были готовы оставить ее на всегда; о чемъ узнавъ, онъ же, Семеновичь приступаетъ къ намъ съ свой-ственнымъ пожилымъ людямъ нравоученіемъ, имѣя

своею цѣлью, изоблича насъ, удержать въ Аѳонѣ и жить на его коштѣ, отъ чего какъ я отказался торжествено предъ всѣмъ рускимъ и болгарскимъ обществомъ, сказавъ, что мы идемъ въ свою родину на свое обѣщаніе, то онъ, отчаявшись найтить то у насъ, чего уже не было, сталъ торжественно жъ укорять меня, какъ наченшаго духомъ, и тѣломъ рѣшившагося отправлять въ мірѣ свою монашескую должность. Симъ послѣднымъ, признатся, достойнымъ меня обличеніемъ, и Наркиса онъ же нарумянилъ такъ богато, что я, не бывъ въ силѣ противу стати его правдѣ, былъ принужденъ, на того жъ Наркиса указуя, сказать тако: „Вотъ горбатая сатана, которая не терпитъ духовного, а плотского ищучи житія, вывела меня изъ монашеского разума; убо я, имѣя законное право, накажу его тѣмъ, что собой выведу ее отсюду и ее жъ покину тамъ, гдѣ и самъ остался жить и умереть я обѣщался“.

„Ага! Такъ ты-то, отчусю, водишъ отца Леонтія за носъ! И какъ же къ статѣ, говоритъ козакъ, обратясь къ Наркису. Вотъ чего я ни какъ не думалъ, что бъ тотъ, кто долженъ собой учить тебя добродѣтелямъ, учился бъ отъ тебя разврату, самъ слѣдуя твоему не полезному обѣимъ вамъ совѣту“.

Наркисъ. Какого вожденія поводатарь ожидаетъ отъ слѣпца? А что до меня, то буди всѣмъ извѣстно, что я и отъ поводатаря не хотѣлъ бы другого себѣ одолженія, какъ только того, что бъ онъ пересталъ меня и себя туда водити, куда мнѣ, а часомъ и ему, не къ статѣ ходити, въ чемъ было начала ласкать меня хотя и не однократно обманувшая надежда, однакъ не втунѣ остававшаяся до вашего прибытія изъ мірского въ духовное Запорожья; и теперъ я небезосновательно начинаю боятся, что бъ от. Леонтій

и паки не развратился отъ того, что намъ не обѣщаетъ желаемой ползы.

Козакъ. Видалъ ли ты, отче, кого, кто бъ кривывъ кривое? А я знаю, да и ты такъ же, что развращати того не треба да и не можно послѣ, кто развращенъ на передъ; то жъ не можно и исправить иному того, кто хочетъ развращатися самъ. Все жъ мы попытаемся, чи не зможемо теперъ помогти вашему развращенію: чего ради я, совѣтуя вамъ, увѣщаваю васъ же и прошу не вдаватися своевольно въ то самое искушеніе, отъ коего вы недавно избавилися помощію Бога, всѣмъ спастися хотящаго, по писанію.

Наркисъ. То, что вы теперъ молвили, походитъ и на сущую правду. Что же касается до развратa, то хотя мы и ушли ссвоего монастиря, но ушли не отъ искушенія, а по обѣщанію на поклоненіе мѣстамъ святымъ, чего за совершеніемъ мы идемъ обратно въ свое отечество на первое обѣщаніе, имъ же мы должны одному монастирю полтавскому.

Козакъ. Какое ваше обѣщаніе, если вы и самы не знаете, кому и что обѣщаете? И что за монашество тѣхъ, которые не только не живутъ по правиламъ святыхъ отецъ, но и не знаютъ ихъ правилъ, и которые думаютъ, что вся монашеская должность заключается во всегдашнемъ пребываніи въ монастирѣ въ черныхъ рызахъ и въ принужденномъ воздержаніи отъ того, что самъ Богъ опредѣлилъ вкушати всякому. „И что, развѣ худо“? спросилъ Наркисъ козака, который отвѣчаетъ: „Ни какъ не было бъ худо, если бъ притомъ ваша братія знала первую свою должность, еже естъ отверженіе міра, и если бъ вслѣдствіе оной должности убѣгала отъ всего того, его же ради во злѣ лежитъ весь міръ. Но сему то ни какъ невозможно быть и что бъ монахъ и зъ

своимъ монастиремъ, живущій посредѣ міра, разумѣлъ своей должности хотя половину.

Сего изреченіемъ ошарашеный Наркисъ, оглядя около себя, взглянулъ на меня умильними глазами и, не находя ни въ себѣ, ни у меня словъ, могущихъ оборонить наше монашество отъ козацкого нападенія, подался къ Запорожью, сказуя козаку: „По сему вы почитаете свою Сѣчь полезнѣйшою отъ нашихъ монастирей“?

Козакъ. А ты жъ хиба родився у ночѣ, коли не знаешъ и того, что всякому прямому козаку, пока онъ живетъ на Запорожьѣ, глаже пристанетъ, коли ни приложишъ прозвище „монахъ“, не жели къ тебѣ. Такъ знай же хочъ тее, что всякому монаху удобнѣе спастися отъ мірскихъ суетъ въ Сѣчѣ, не жели вамъ въ своемъ монастирѣ, если можно называть монастиремъ свѣцкій почти приходъ, въ которомъ обикновенно исповѣдуются и причащаются, умираютъ и погребаются міряни, такъ же и теперъ, какъ и прежде родившіеся подъ монастиремъ и въ ономъ крестившіеся младенцы. Да сверхъ того въ каждій праздничной день набивается церковъ по большей части тѣмъ поломъ, ему же по правиламъ св. отецъ запрещается и въ монастирь въ ходъ, недовольно въ келіи. На противъ того въ Сѣчѣ въ жизнь не увидишъ заповѣдного товару, кромѣ московского городка, но туди посунувшійся нашъ братъ, не всегда отъ тудова выпускается съ честію, и всегда не безподорожнои.

Наркисъ. А вамъ, дикіе панове, и еще не наскучило чванится тимъ, за что васъ, какъ зайцовъ гонятъ праведныя судирѣ, дѣлая полюцкій съ вамы, когда вы сами во столько столѣтій не разсудили за благо, принявъ примѣръ всего свѣта, слѣдовать волѣ создавшаго свѣтъ не для пустоты. При семъ вопрошается: какъ вы думаете: если бъ когда нибудь вздy-

малось свѣту сдѣлатся козакомъ, въ какомъ положеніи осталась бы тогда теперишная ваша Сѣчь? И остался бъ ли въ свѣтѣ хотя одинъ козакъ?

Козакъ. Я связался съ тобою, безусый отче, да уже и самъ тому нерадъ, и ты знаешъ по чему. По тому жъ и я, не давши тебѣ отвѣта, спытаю на передъ тебе: для чего ты отъ мене добиваешся толку въ томъ, что ты и безъ толку найдешъ въ себѣ, подумавъ, что? Если бъ одни козацкіе дѣти пришли, либо приѣхали на Запорожья, то вѣрно прибавили бъ собой товариства не менше того, которое было виною ихъ запорозкой жизни. Теперъ же скажи мнѣ хочь на ухо: ты якъ думаешъ, буде бы монахи всѣ были женаты, то остался бъ ли изо всѣхъ монастирей хоть одинъ при собственномъ своемъ имени?

Наркисъ. Мнѣ кажется, довольно на вашъ вопросъ вашего жъ отвѣта, не говоря про то, что всѣмъ почти не безизвѣстно естъ, что духовная наша братія не вся живетъ однимъ духомъ, особливо та, которая схожа не на меня, си рѣчь тѣломъ. Да признатся и самъ я нахожусь не всегда способенъ быть Кизларь агою. По сему вы должны признать свой вопросъ страннѣйшимъ моего заключенія, слѣдуя мнѣ въ признаніи произвольной почти моей ошибкѣ, состоящей въ томъ, что я, думая по просту, ожидалъ отъ васъ вопроса, какъ я стану думать тогда, когда всѣ монахи будутъ изъ евнуховъ, анъ вышло иное. И хотя мы, заплатя одинъ другому чистыми, сквитались порядочно, все жъ, кажется, я останусь нѣсколько въ накладѣ, если не сочту выиграшемъ то, что въ предъ не стану спорить съ такими людми, которые кажутся умняе насъ и ни когда не скажу сего: тогда переведется наша братія, когда наши политики безъ полѣтики пресѣкутъ дорогу, насъ ведущую въ монахи, а ваша шайка тогда перестанетъ чванится своею

дикостію, когда тѣ жъ праведные судири чрезъ тую жъ политику вытурятъ васъ своею силою изъ вашего гнѣзда.

Козакъ. А ты, не писменный политиче, тимъ только и правъ, что просторѣчишъ тако на духовномъ Запорожьѣ; а на свѣцкомъ если бъ ты столько зарепортовался, то не було бъ тобѣ кривди.

Наркисъ. Хиба жъ и на Запорожьѣ не вольно говорити правди?

Козакъ. Якъ не вольно? говори, сколько хочь, однакъ, знай, что вездѣ учатъ дураковъ, особливо такихъ, якъ ты самъ здоровъ знаешъ.

Наркисъ. Я знаю то, что еще разъ хотѣлъ побывать на Запорожьѣ, куди теперъ меня и калачемъ не заманитъ ни кто, какъ въ такое общество, въ якомъ не живетъ правда, не говорю про люцкость.

Козакъ. Ну такъ жмурись же, Харку, коли не вгадавъ, а разжмурившися, скажи тому, кто хочетъ побачитися съ правдою, тотъ бы побувавъ на Запорожьѣ, гдѣ коли еѣ не найдетъ, то и ни гдѣ не найдетъ; но что идетъ до твоей правди, то ты изъ нею не найдешъ мѣста не то въ Сѣчѣ, но и на Гасанъ башѣ ни съ кимъ не стрѣтишся, опроче кулаковъ.

Наркисъ. А ты, отамане, между тѣмъ, можетъ быть, не разсердишся, коли я не зачѣпаючи вашей запорозкой правди, скажу по нашей монашеской правдѣ, что ты и въ духовномъ Запорожѣ такой же козакъ, каковъ былъ и въ Сѣчѣ, ибо настоящая твоя бесѣда явѣ тя творитъ дядковского куреня товарищемъ, который тимъ только и щастливъ, что заблаговремено уплилъ оттуду, гдѣ пока не случилося то и съ нимъ, что може случится съ упрямимъ его товариствомъ.

Козакъ. Слухай, молодый попе! Да слухай же ухами! Коли ты такъ и думаешъ всегда, якъ теперъ боло-

бонишъ, то столько жъ грѣшишъ противъ чужой политики, сколько неправъ и противъ своей правди якая тебе не только не прощаетъ, но и осуждаетъ на поношеніе, занеже не безъ извѣстно всякому хотящему знать что? Если бъ хотѣли могущіи выгнать насъ изъ нашей землѣ, то давно бъ поступили съ нами не христіянски; а какъ они однои съ намы вѣры да къ тому жъ и не имѣютъ въ томъ ни какой надобности, чего и не будетъ ни когда, то и войско запорозкое, которое отъ доброй своей вѣры и на своемъ содержаніи служитъ стѣною, не одну Малую Росію отъ кримскихъ татаръ защищающою, будетъ до вѣку.

Наркисъ. И кто жъ о семъ споритъ? И кто думаетъ объ васъ теперъ, не имѣя въ васъ далней нужди? А дѣло состоитъ въ толикомъ пространствѣ вашей землѣ, которая такъ къ скотоводству, какъ и хлѣбопашеству способна и на которой въ одно столѣтіе могло бъ размножитися полюцкій живущаго народа отъ васъ больше въ десятеро.

Козакъ. Да то таки такъ, якъ мы думаемо. Но ты говорилъ бы инаково, если бъ зналъ обширность россійскаго государства, въ величествѣ одному Китаю едва уступающаго, которое въ десять столѣтій не населится никимъ незанятыхъ пустынь, и кромѣ нашего Запорожя, которое издревле высокомонаршими грамотами укрѣпленно нашимъ предкамъ въ вѣчное владѣніе за вѣрную ихъ службу и которое надобно не населять, но опростать отъ уже населившагося на нашей землѣ малороссійскаго народа, кой того и чай, что при первой съ турками войнѣ привлечетъ къ себѣ татаръ, которые учинятъ изъ него первую свою добичу, и лучше, ясирь.

Наркисъ. А ты, бывшій велможнымъ паномъ, Онаску, горячился бъ не на меня, когда бъ принудилъ себя хоть разъ взглянуть на несносную нашей воль-

ности политику, коей хотя я и не знаю, но не однократно слыхалъ отъ оной яко бы знакомцовъ, что будто бъ она не только желаетъ, но и твердо уповаетъ змуровати, какъ китайцы, великую стѣну.

Козакъ. Я если горячусь, то не столько на тебя, сколько на твого сополитика, который выучилъ тебя министерничить о томъ, чего и самъ онъ почти не знаетъ и о чемъ, какъ мы слышимъ, то тому уже назадъ 40 лѣтъ и болѣе; слѣдовательно и понимаемо не менше безусыхъ политиковъ, что твой учитель, политики не понимающій, мнитъ подъ китайскою стѣною Богомъ положенный предѣлъ, си рѣчь Чорное море, Дунай, или Днѣстръ, который тогда послужитъ намъ, когда будетъ нашимъ.

Я (т. е. Леонтій). На конецъ безконечной моихъ сополитиковъ разговоръ навелъ было на меня вдругъ два страха, съ коихъ одинъ былъ тотъ, что я, въ разсужденіи сердито нравного того козака, который, не сладивши съ Наркисомъ, не напалъ бы на поддѣланную мою скромность и не сдѣлалъ бы и изъ меня, прямого человѣка, горбатого попа. Другой тотъ, что мнѣ весма не хотѣлось потерять послѣднего ученика, т. е. Наркиса, который не ожидаемою своею министеріею такъ было меня удивилъ, что я небезосновательно боялся, да бы онъ меня не покинулъ и не пошелъ бы въ ученики къ первой моей не пріятелницѣ, си рѣчь къ политикѣ. Чего въ отвращеніе я сказалъ Наркису по греческій, да бы онъ, оставя сердитого любителя вольности думать и въ Аѳонѣ позапорозкій, выѣхалъ изъ Мавровира по французкій и слѣдовалъ бы лошакамъ, коихъ Мавровирского скита началникъ, по моему прошенію, навючилъ нашимъ скарбомъ въ то самое время, когда наши козаки разсуждали о политикѣ. Наркисъ, услыша отъ меня ему вожделѣнное повелѣніе, вышелъ съ келіи и, не теряя ни одной минути, вы-

ѣхалъ изъ скита, ни кому не сказавшися,—анъ и вышло по французкій,—и веселыми ногами потече почти по арапскій въ предлежащій свой путь. Между тѣмъ я кончилъ кое какъ безъ конца оставшійся разговоръ, сотворилъ такожде. не совсѣмъ однако жъ, и лучше, не по наркисовому; занеже я, хотя и въ тотъ день же и часъ оставилъ Черновиръ, но попростясь съ началникомъ и собратіею, которую оставилъ почти со слезами, и сверхъ того не переставалъ, не знаю по комъ, воздихать, даже до Калягры, лучшей Аѳонской гавани, гдѣ нашелъ Наркиса уже договорившагося съ каравокиромъ о цѣнѣ за перевозъ насъ и съ нашимъ скарбомъ, уже взнесеннымъ на судно, отправлявшееся съ Аѳона въ Константинополь.

Продолжая свое повѣтствованіе далѣе, архимандритъ Леонтій приводитъ между прочимъ разсказъ о томъ, какъ греческій проигуменъ Тимоѳей Каливойскій, съ которымъ онъ познакомился въ дорогѣ, ѣздилъ въ 17... („точно не помнитъ того года") въ Россію „за подаяніемъ" и какое ему случилось въ пути приключеніе. Проѣхавъ вполнѣ безопасно „дикіе почти запорожскіе степы и вполнѣ благополучно Малороссію", онъ прибылъ въ г. Курскъ и тамъ остановился въ простой крестьянской избѣ курской Ямской слободы. Хозяинъ и хозяйка съ рѣдкимъ радушіемъ встрѣтили и угощали его. Но когда онъ, передъ сномъ, вдругъ, неожиданно для нихъ, по восточному обыкновенію, закурилъ трубку, то это вызвало со стороны хозяина ужасъ и страшное негодованіе по адресу гостя, а со стороны самого проигумена ругань по адресу хозяина. Для разрѣшенія недоумѣнія хозяинъ пригласилъ къ себѣ своего священника Прокопія, „бѣлаго попа", и тогда между попомъ и проигуменомъ произошелъ горячій и ожесточенный споръ, во время котораго „бѣлый попъ" грозилъ отправить проигумена въ далекую и страшную Камчатку. „Отъ гласа и грому того отца на проигумена внезапно напали кашленіе, хрипленіе и зѣваніе, въ уши всунулась глухота, языкъ казался не собою". Но все это такъ тронуло отца Прокопія, что онъ, прекративъ свой крикъ, сталъ молиться о здоровьѣ проигумена. А больше всего примирила отца Прокопія съ проигуменомъ находчивость его келейника, Прудиуса.

„Тогда, говоритъ проигуменъ Тимоѳей, мой удалой келейникъ, Иванъ Прудиусъ, коего я взялъ въ Сѣчѣ, прихилясь, на ухо мнѣ сказалъ козацкую сію

пословицу: „Ни бій, ни печи, а язикъ намочы“, которой въ сотвѣтвіе (sic) поставилъ предъ нами французкой водки уродливой штофъ, коего перенесеніе подѣйствовало въ поддѣланной моей болѣзни несравненно больше Прокопіевой молитвы. O, tou ftamatos, „Оле чудесе!“ Еще до очинашу не извѣстно гдѣ дѣвались недавно грѣмѣвшій горломъ Прокопія громъ и недавно было меня во ужасъ приведшая чрезъ Камчатку туча пропала тутъ же, кашель у меня перервался, слухъ остался такъ же, какъ и язикъ язикомъ и все на своемъ мѣстѣ. Сказать однимъ словомъ: въ одну четверть веселого того часа изчезло все, т. е. громъ, молныя, страхъ, блажъ, слово и дѣло и французкой водки полніошенкій штофъ и за тѣмъ мы съ превеселымъ уже отцомъ Прокопіемъ Иваничемъ разстались такими точно друзьями, какъ были и передъ пасмурною тою погодою.

Еще недовольно я на любовался перемѣною бурливой погодою въ тихую, какъ не застѣнчивой мой Прудиусъ приступилъ ко мнѣ съ запорозкою казанью но которая похожа больше на выговоръ, нежели на поученіе. И на чтобъ она ни походила, довлѣетъ, что онъ ее началъ изъ сей темы: „Отъ—для того то, отче добродѣю, человѣкъ родится и учится до смерти, що бъ умерти дурнемъ (28). И се, що мы сказали тобѣ, отче батку, на прикладъ буде не къ тобѣ, коли ты мнѣ скажешъ по правдѣ о томъ, о чомъ я тебе спитаю от-таки заразъ: чи не брешутъ, якъ псы недобріи тіи сыны, що насъ зовутъ дурнями“. „А ты-то и первый сынъ“! я сказалъ Прудиусу, которій возражаетъ, меня наставля тако: „Ну, такъ и ты жъ, бачу, бачишъ, якъ сынъ, у якого рябо въ роту, коли не признаешся въ томъ, что недавно бувъ заихавъ изъ своею хвилозопіею въ такіи тѣсные сутки (29), що коли бъ бувъ тебе изнихъ не вывѣвъ запорожецъ, то конче бъ ты и зомною бувъ тамъ, де

козамъ роги правлятъ. А ты, панотче, не сердся на нашу правду, бо вона тобѣ не зашкодитъ, коли мене послухаешъ въ всемъ: куда ты ни поидешъ, то ни о чемъ такъ не старайся, якъ стерегтися въ розмовѣ зъ москалемъ, хоть бы тобѣ вѣнъ бувъ святый. Не забувай такъ же и того, щобъ у тебе не выводилась горѣлка отъ для ради чого: колибъ только тутъ не було москалѣвъ, то бъ я тобѣ въ науку росказавъ тее, що росказовавъ мѣнѣ Семенъ Головко. Ему лучилось бути, не знаю де, на ярмарку на самого Семена. Тамъ вѣнъ, поорудовавши все, що треба, зійшовся зъ своими побратимами, зъ якими и зашовъ въ корчму по звичаю запити могоричь. Воны въ корчмѣ сидячи и, то про се, то про те беседуючи, выпили кварту горѣлки, а може и другую, и на опослѣ тѣлько що хотѣли ити по домамъ, якъ чортъ хиба его знае, вѣдки взявся и туда жъ прителѣпався москаль зъ барабаномъ и, ставши посередъ хати, вѣнъ же ставъ въ Катрѣ прохати наборгъ. Тимъ часомъ, якъ Катря ему не всипала, Семенъ Головко назвавъ его барабанъ бубномъ, чого ище гараздъ не вымовивъ, а москаль уже и здурѣвъ и, вывернувши очи на лобъ, крикнувъ не своимъ голосомъ на Головка такъ: „Што? што? какъ? какъ? Што ты, плѣшивой чупъ, gаваришъ противъ служивого? И какъ ты, безмозглой хахолъ, осмѣлился назвать бубномъ государевъ барабанъ“? Що почувши, неборакъ Головко злякався такъ дуже, що на силу не упавъ спереполоху. Пощастю Головатого Семена, тутъ лучився городовый писарь Цяпка Ониско, и вѣнъ же, змиловавшись надъ полохливымъ Семеномъ, выпросивъ у теeи жъ Катрѣ и такъ же наборгъ за шагъ горѣлки для ради того жъ недоброго сына москаля. И лишъ Катря въ сипала горѣлки и барабанчикъ вливъ яѣ въ горло собѣ на лихо, то заразъ и помякшавъ и не забаромъ ставши упятъ не лихимъ, засмѣявся помосковскій и,

идучи вонъ, сказавъ такъ: „Слушай, Семіонъ! Теперъ меня самово назови чортомъ, я, право, не осержуся"!

За выше показанною сказкою, говоритъ Тимоѳей, забавный мой Прудиусъ вздумалъ было и еще что то розказывать, однакъ я, бывъ доволенъ и одною, особливо тѣмъ, что выѣхалъ изъ Курска небитъ.

Говоря о пребываніи въ Константинополѣ и о чарующей „февральской его веснѣ", архимандритъ Леонтій тутъ же вспоминаетъ и о своемъ „полтавскомъ маѣ" и о запорожской „стихіи".

Хотя и всѣмъ почти извѣстно, что Левандская весна (не для насъ) откривается гораздо ранше нашей весны, однако жъ мы, взявъ чужое щастіе на себя, не могли на любоватся однымъ ея началомъ, видя съ крайнымъ удивленіемъ въ константинопольскомъ февралѣ полтавского нашего мая. Чего ради я рѣшился охотно ожидать ея конца въ Константинополѣ, не зная его свойствъ, чрезвичайно вредныхъ для человѣка монашеской жизни, о дѣйствіи коихъ я не могъ думать инаково, какъ не позапорозку. А запорозцы вотъ какъ думаютъ, и лучше сказать, думали о своей стихіи, якая, при всемъ томъ, что обитающіе въ ней всегда подверженны крайней опасности всякъ своею жизнію, не можетъ однакъ ни одинъ прямой запорожецъ розстатся съ нею, не пожертвовавъ своею вольностію, коя живетъ такъ же не тѣсно и въ Константинополѣ и съ коею нелзя ростатся тожъ по добру, не жертвуя тому удоволствію, коего и не нашъ братъ не сищетъ ни гдѣ.

Что касается до Запорожья, то меня не много ежели удивляетъ хоть и не понятная трудность, бываемая въ разлукѣ съ обворозеннымъ почти тѣмъ мѣстомъ, гдѣ, ежели вѣрить запорозцамъ, то вотъ что ихъ удерживало въ дикой той жизни.

Запорожецъ. „Хто приѣде, або пѣшкомъ прійде на славнее наше Запорожья и въ немъ по буде три

роки, то въ 30 рѣкъ (=рік или рок) не вымусуе способу, якій бы его вивѣзъ на Русь. А то для ради того, що, будь мижъ намы сказано, хто по мешкае зъ намы одинъ годъ, того чортъ прибье однымъ гвѣздкомъ; а коли хто поживе зъ намы жъ два года, то его той же чортъ прибье гвѣздкамы двома. И такъ дале идучи, и все то внизъ, то вгору, а на опослѣ дойде до того, що всякъ останется рѣднымъ запорозцемъ до смерти, якую самъ Богъ намъ на роду написавъ".

Нескладная та выдумка служила за складную въ такой землѣ, гдѣ всѣ вѣрили всему, слѣдственно и тому, чего и сами не разумѣли, и чему я, будучи въ бывшемъ уже Запорожьѣ, не только не вѣрилъ, но и смѣялся тому мнѣнію, не безосновательно думая, что они, т. е. запорозкіе козаки, по природной своей склонности къ холостой, военной и своевольной жизни, по смерть живали на Запорожи скрайнымъ удоволствіемъ, по тому что не знали, что значитъ сія пословица: „Не только свѣта, что въ окнѣ" и пр. Сверхъ того я жъ думаю, что человѣкъ, знающій человѣчество, въ тридцать лѣтъ не привикнетъ къ свѣцкой холостой жизни, особливо на Запорожьѣ, гдѣ не живетъ первое удоволствіе, отъ жены и отъ дѣтей произходящее не на Запорожѣ. И какъ я рожденъ не отъ сома, какъ то присвоивали себѣ на смѣхъ тѣжъ дикожители, то и не находилъ во всемъ свѣтѣ толико обвороженнаго мѣста, кое могло бы практического монаха привязать къ себѣ такъ, какъ вяжетъ всякаго Левандъ, особливо Константинополь.

Примѣчанія издателя.

(1). Долина Московка находится между двухъ рѣкъ, Сухой Московки и Мокрой Московки, лѣвыхъ притоковъ Днѣпра, падающихъ въ него противъ южнаго конца острова Большой Хортицы, гдѣ въ настоящее время г. Александровскъ, Екатеринославской губерніи. Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, С.-П.-Б., 1898, 163.

(2). Великій Лугъ—обширная плавня, начинавшаяся отъ лѣваго берега р. Мокрой Московки, тянувшаяся внизъ по лѣвому берегу Днѣпра, на протяженіи семидесяти верстъ, при двадцати пяти верстахъ наибольшей ширины, изрѣзанная въ различныхъ направленіяхъ рѣчками, лиманами, озерами, ериками, покрытая травой, камышами, поросшая густымъ лѣсомъ различныхъ породъ и изобиловавшая рыбой, раками, птицей, звѣрями, отъ того всего представлявшая собой для запорожцевъ настоящее золотое дно. Січь—мати, а Великий Лугъ—батько, Ой що въ Лузі заробити, те в Січі пропити"—говорили они про Великий Лугъ и такъ и дѣлали. См. тамъ же, 274.

(3). Рѣчка Томаковка существуетъ съ тѣмъ же названіемъ и въ настоящее время. Она впадаетъ въ р. Днѣпръ съ правой стороны, противъ острова Томаковки, потеперешнему на 12—15 верстъ выше Никополя, Екатеринославскаго у.

(4). Зимовниками назывались у запорожцевъ хутора, гдѣ жили попреимуществу семейные козаки, занимавшіеся хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, звѣроловствомъ, огородничествомъ и платившіе въ Сѣчь извѣстную подать.

(5). Глабцы—сани самого простого устройства, обшитыя лубкомъ.

(6). Межигорскій—Спасскій монастырь былъ любимый монастырь у запорожцевъ. Изъ Межигорья въ сѣчевую Покровскую церковь посылались по смѣнамъ два іеромонаха и два іеродіакона; часть доходовъ изъ сѣчевой церкви шла въ Межигорскій монастырь; многіе изъ запорожцевъ усердствовали ему своими вкладами, а нѣкоторые и сами поступали въ него доканчивать свои дни, послѣ подвиговъ военныхъ, въ подвигахъ поста, молитвы и послушанія. Запорожскій Самарско-Николаевскій монастырь былъ въ подчиненіи Межигорскому—Спасскому монастырю. Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1877, II, 281.

(7). Свои записки архимандритъ Леонтій составлялъ подъ конецъ своей жизни, начиная съ 1785 г., т. е. до выхода заштатъ по старости и болѣзни, когда запорожская Сѣчь на р. Пидпильнѣ и при р. Павлюкѣ перестала существовать и на ея пепелицѣ возникло с. Покровское, существующее съ тѣмъ же наименованіемъ и въ настоящее время въ Екатеринославскомъ уѣздѣ.

(8). Обычно число всѣхъ куреней у запорожцевъ было 38; о существованіи 39-го куреня-пономарни узнаемъ впервые въ Младшемъ Григоровичѣ. Курень-большое, деревянное, рубленное строеніе, около 40 аршинъ длины, при 8 аршинахъ ширины, родъ большой казармы, гдѣ можно было жить, или же только числиться при куренѣ, но жить на сторонѣ.

(9). Петръ Ивановичъ Калнишевскій былъ послѣднимъ кошевымъ атаманомъ „нѣкогда бывшей грозной Сѣчи запорожскихъ козаковъ"; въ 1775 году, послѣ уничтоженія Сѣчи, онъ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь на заточеніе, гдѣ пробылъ 25 лѣтъ въ тюрьмѣ и умеръ въ 1803 году, октября 31

дня, на 112 году отъ роду. Эварницкій, Запорожье, С.-П.Б., 1888, II, 178—186.

10) Жебракъ—нищій, жебрачити—нищенствовать, выпрашивать милостыню, попрашайничать.

11). Кошевого атамана Козелецкаго съ именемъ Алексѣя историки Запорожья не знаютъ. Изъ архивныхъ документовъ, дошедшихъ до нашего времени, извѣстенъ Козелецкій Павелъ Ивановичъ, бывшій кошевымъ атаманомъ въ 1751 и 1752 г.г., т. е. какъ разъ въ то время, когда пріѣзжалъ въ Сѣчь монахъ Леонидъ—Леонтій. Кіевская Старина, 1883, VI, августъ, 754.

(12). Въ подлинникѣ слово „колега" написано первою и третею отъ конца буквою полатыни, т. е. „golegою".

(13). Въ сѣчевой церкви всегда стояло четыре особыхъ станка, называвшихся позапорожски бокунами, или погречески стасидіями, для стоянія и сидѣнія во время службы кошевого атамана, войскового судьи, войскового писаря и войскового асаула.

(14). Видимо авторъ разумѣетъ здѣсь кошевого атамана Стефана („Стецька") Остаповича Гуманскаго, или Уманскаго, бывшаго лишь полъ года кошевымъ, „за худые порядки отставленнаго отъ кошевства". Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 12.

(15). Бохинокъ, иначе бохонъ, буханъ, буханець—круглый, пшеничный, или гречаный хлѣбъ; бохинникъ—хлѣбопекъ.

(16). Ваганки, ваганы—родъ небольшого, продолговатого корыта для пищи, или для помѣщенія хлѣба, пшена, борошна и пр.

(17). Экцетера—латинское слово, написанное русскими буквами; слѣдуетъ: et cetera, т. е. „и прочее".

(18). Саксагань—рѣчка, лѣвый притокъ Ингульца,

праваго притока Днѣпра, въ теперешнемъ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи.

(19). Сала—зала, собраніе чиновъ, начальства.

(20). Волтернѣсти—вольтерьянцы, т, е. послѣдователи извѣстнаго французскаго философа XVIII вѣка, Вольтера, вольнодумцы.

(21). Вѣдки—тоже, что відки, відкіль, откуда.

(22) Кошового атамана Ѳедора Григорьевича Лантуха не было; былъ Григорій Ѳедоровичъ Лантухъ, состоявшій въ званіи кошевого атамана въ 1755, 1756, 1758 и 1761 г.г. Очевидно, тутъ произошла ошибка со стороны автора въ имени кошевого атамана Ѳедора Лантуха, какъ и въ имени кошевого Павла Козелецкаго. Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1886, III, 327—329.

(23) Кошевой атаманъ Иванъ Ивановичъ Кажанъ до сихъ поръ не былъ извѣстенъ историкамъ Запорожья.

(24) Мишина-тонкій сафьянъ, выдѣлывавшійся изъ шкуръ овецъ испанской породы, а также сафьяновые зеленаго цвѣта сапоги и кожаные изъ кожи молодой овцы штаны.

(25) Такая же пѣсня существуетъ въ малорусскомъ народѣ и въ настоящее время: „У нашого отамана нема штанів, ні таляра, Ой скинемось по таляру, Купим штани отаману... Штани моі рядняніі на сім пьядевів заср - іі... Базарь, базарь, базарь людський, В отамана духъ нелюдський“... Записана Д. И. Эварницкимъ въ с. Бѣлозеркѣ, Херсонскаго уѣзда.

(26) Гасанъ баша, правильнѣе Гассанъ баша (башта, башня), или Крамный базаръ, предмѣстье Сѣчи. Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 47; Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, Москва, 1900, I, 138, 139.

(27) О страшной гостьѣ, чумѣ, посѣтившей Запорожье въ 1751 году, говорятъ и другіе источники тогоже времени, но они не даютъ такихъ подробно-

стей и такой яркой картины, какъ это изображено въ запискахъ Леонтія. Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, С-П-Б, 1898, 311.

(28) „Въ немудромъ нашего Прудиуса мнѣніи ошибка кажется не простителнѣе всѣхъ тѣхъ, особливо безусыхъ сюродумовъ, которыи думаютъ противно сему: „Можетъ быть, что человѣки могутъ жить, яко глупцы, но что бы глупцами умерли, сему быть ни когда не возможно. Юнгъ Эдуардъ". Примѣчаніе самого авторъ записокъ арх. Леонтія.

(29) Сутки, или суточки—узкій проходъ между двумя строеніями, въ которомъ съ трудомъ можно протиснуться впередъ, а еще труднѣе вернуться назадъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка сверху	Строка снизу	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
3	—	5	греческому старовѣрію,	греческому старовѣрію
3	—	9	исключая одну вольность,	изключая одну вольность,
4	—	6	велможныхъ пановъ кошевого судю,	велможныхъ пановъ кошевого, судю,
5	—	1	кое при микается	кое примикается
5	—	7	новой евѣтъ,	новой свѣтъ,
5	—	12	что я жъ неживописецъ,	что я жъ не живописецъ,
5	—	15	не начертилъ карандашемъ планъ	не начертилъ карандашемъ плану
6	7	—	настоящая церковь	настоящая церковъ
8	9	—	и себя не забываетъ въписывая	и себя не забываетъ, въписывая
8	—	3	егожъ ползы,	егожъ пользы,
9	8	—	Бечерня	Вечерня
11	7	—	четыредесятницамъ	четиредесятницамъ
12	8	—	на висылицѣ.	нависылицѣ.
16	15	—	изъ станки.	изъ станка,
21	—	13	явися всѣмъ	я вися всѣмъ
23	—	8	извѣстной анаѳемы,	извѣстной анаѳеми,
23	—	10	отъ анаѳемы,	отъ анаѳеми,
25	2	—	по кое хаживалъ,	по коей хаживалъ,
27	—	6	не всѣ настири	не всѣ пастири
27	—	10	гляголя сіце:	глаголя сице:
29	—	11	іероманаху Пафнутію	іеромонаху Пафнутію
30	—	14	а найпаче бываемого	а найпаче бываемаго
30	15	—	происшедшему	произшедшему
32	—	17	добродѣтели.	добродѣтели,
34	15	—	пощастію угомонился	по щастію угомонился
35	11	—	Тому енералповорю	Тому енералповарю
37	1	—	къ своему несщастію	къ своему нещастію
37	2	—	знялъ грамоти	знялъ грамоти,
37	5	—	и суддейской прости,	и суддейской трости,
40	2	—	на несщаснихъ	на нещаснихъ
41	16	—	поносную.	поносную,
42	—	6	полумертвого тѣла,	полумертваго тѣла,
43	—	5	передъ Богоъ и передмь вами	передъ Богомъ и передь вами
45	—	6	подпомогу.	подпомогу,
45	—	17	царство небесное,	царство небеснее,
46	3	—	поставить меня вравновѣсіи	поставить меня въравновѣсіи
46	—	15	ни было.	ни было,
47	6	—	по своему несщастію	по своему нещастію
48	13	—	ихъ несчасного	ихъ нещасного
49	—	16	тѣми жъ очинашими	тѣми жъ очинашами

Стран.	Строка сверху	Строка снизу	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
50	16	—	запорожское	запорозкое
50	—	11	не повѣрилъ	не повѣрылъ
51	—	2	безрасудного храбреца,	безразсудного храбреца,
55	—	14	ниже слѣдуюшее	ниже слѣдующее
59	—	3	самихъ мѣшанъ,	самихъ мѣшчанъ,
62	—	5	обходительны,	обходителны,
63	—	6	на несчастныхъ	на нещастныхъ
74	1	—	послѣднее мѣсто.	послѣднее мѣсто,
74	—	12	собой,	собой,
76	—	2	въ разсуденіи	въ разсуженіи
78	—	9	у другіе металли,	и другіе металли,
78	—	15	(27),	(27).
79	—	9	знаетъ совершенно.	знаетъ совершенно,
87	—	16	непомыляющей	непомышляющей
93	2	—	своей правди	своей правди,
96	5	—	0, tou ftamatos,	0, tou ftabmatos,
96	—	17	запорозкою казанью	запорозкою казанью,
98	—	5	съ обворозеннымъ	съ обвороженнымъ
101	—	2	гдѣ пробыпъ	гдѣ пробывъ
101	—	17	на ея пепелицѣ	на ея пепелищѣ
103	2	—	Верхнеднѣлровскомъ	Верхнеднѣпровскомъ
104	—	5	самого авторъ записокъ арх. Леонтія.	самого автора записокъ. арх. Леонтія.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА РСФСР
№ 19 г.

10.III.94
Пров.

Двѣ поѣздка въ Запорожскую Сѣчь Яценка-Зеленскаго, монаха полтавскаго монастыря въ 1750—1751 г.г.; цѣна 1 руб.

Запорожцы въ произведеніяхъ Т. Г. Шевченка; цѣна 30 к.

До біографіи Т. Г. Шевченка; цѣна 50 коп.

Малороссійскія народныя пѣсни, собранныя въ 1878—1905 г.г. цѣна 2 руб. 50 коп.

За чужий гріхъ, повисть, съ портретомъ автора; цѣна 1 руб. 50 коп.

Наша доля—Божа воля, повисть; цѣна 85 коп.

Де люде—там і лихо, повисть; цѣна 1 руб.

Поміж панами, нариси з життя; цѣна 1 р. 50 к.

Русальчине озеро; цѣна 25 коп.

Три несподівані стрічі; цѣна 25 коп.

Драний хутір; цѣна 30 коп.

Вечірні зорі, поезіі; цѣна 50 коп.

75
К-45
1-00
1900/100

Цѣна 1 руб.